

Ян Кушнир

**Живое Оружие.
Погружение**

18+

Ян Е. Кушнир

Живое Оружие. Погружение

«Автор»

2026

Кушнир Я. Е.

Живое Оружие. Погружение / Я. Е. Кушнир — «Автор», 2026

Ему восемь лет и он — не избранный. Он не наследник древних кланов и не потомок богов. Он — выходец из мира, где магия кажется сказкой, а сила Ци — чем то далёким и нереальным. Его путь — это бунт против судьбы. Его цель — стать оружием мести.

© Кушнир Я. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	66
Глава 11	70
Глава 12	78
Глава 13	94
Глава 14	100
Глава 15	114
Глава 16	123
Глава 17	131
Глава 18	141
Глава 19	146
Глава 20	150
Глава 21	156
Глава 22	162
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Ян Кушнир

Живое Оружие. Погружение

Глава 1

Я перестал считать дни. Моё восьмилетнее тело, сына старосты, тащили на спинах те, кто ещё мог волочить закованные в кандалы ноги.

Возможно, из жалости. Или из клятвы роду. Они не дали мне согнуться у той ямы, полной тёплой болотной жижи. А может, всё решило моё требование.

Я просто попросил у караванщика воды. Обычной воды. Для тех, кто оказался слаб и дал сковать себя цепью.

Со мной не стали церемониться. Не взглянули на возраст. Ятаган конного надзирателя лёгким взмахом распорол льняную рубаху и плоть под ней. Боль была такой острой и чистой, что я на миг онемел, увидев мир в белых вспышках.

— Заморыш, знай своё место, — голос надзирателя был спокоен, как скрип телеги. — Воды дадут, когда скажет караван-баша. С его милости. А сейчас — сдохни. Или заткнись.

Я не смог встать. Старшие — те, кто ещё помнил лицо моего отца — кое-как перевязали рану, упросив надзирателя прижечь раскалённым железом самое глубокое место. Я не закричал. Сжал зубы так, что щёлкали челюсти.

— Он не жилец, — сказал один из них, не глядя мне в глаза. — Оставьте его волкам. Сытый зверь — не голодный. Стая не тронет караван.

Но небо, видимо, решило иначе. Меня, упрямого, как муравей, понесли. Те, кто не смог защитить наш острог, теперь спасали сына старосты.

Из детей выжил только я. Лада, моя названная невеста, на третий день пути уснула на ходу и не проснулась. Я нёс её лёгкое тельце через дороги, заваленные пеплом сожжённых деревень. Нёс, пока мои собственные ноги не стали подкашиваться. На привале пришлось рыть ей могилу — руками и обломком палки. Всю ночь. Никто не помог. Никто не сказал ни слова.

А теперь меня несли. Молча. И никто не возражал.

— Ты ведь понимаешь, что нас ведут в земли Хазарского каганата? — спросил один, теперь раб, а прежде бывалый мельник.

— Хазарский каганат? — хрипло отозвался второй, голос которого иссушили ветры дальних дорог. — Зачем им с нами так возиться? Продали бы поволжским басурманам — те второй год в крепости стоят, оброк принимают.

— Слухи ходили в граде: хазары флот свой усилить хотят. И на запад пойти. Вот туда всех невольников и гонят.

— Вот оно как — Мельник опустил взгляд к дороге. — Главное сейчас — выжить. Набраться воли и выжить, спотыкаясь о сухой дорожный дёрн.

Дальше я не слышал разговора — в ушах стоял непонятный шум, потом сознание отключилось.

Очнулся на привале. Грязная ступня конвоира с окостеневшими мозолями легла на мой бок и слегка растолкала не пришедшее в сознание тело.

— Вставай, щенок. Вас самых немощных отсеивают. Иди туда — там получишь пайку. Не успеешь поесть — сутки идти голодным придётся. А дорога в обход гор лёгкой не будет.

Я с ненавистью посмотрел на ногу, придавившую меня, затем перевёл взгляд на конвоира.

— Что, щенок, плетью угостить? Что глазами жжёшь? — Он замахнулся плетью, которой минуту назад указывал направление.

— Нет, плетью меня бить не стоит. Я так понимаю, уже не ваш раб? Просто убери ногу, чтоб я встал.

Конвоир нахмурился, сжал ногу сильнее, будто проверяя, хрустнут ли кости, но бить не стал. Отступил, убирая ступню.

«И когда успели снять кандалы?» — мелькнуло в голове.

Собрав всю волю в кулак, я поднялся. Прихрамывая от натёртых мозолей, побрёл к котлу. Варёное просо на воде. Не солёное, но есть можно. Воды дали напиться вволю.

Пока глотал тёплую жижу, вспомнилась Лада. Её длинные русые волосы, курносый носик, озорной смех — как она смеялась у реки, когда я заплетал ей косу

— Я вас всех убью, — прошептал я в пустую миску. — Вы все виноваты. Вы утонете в крови.

— О чём задумался, малец? — Рядом присел Бучо, помощник шамана. Неудачник, который так и не прошёл обряд. — набег случился раньше.

— Да так ни о чём. Просто мысли всякие ходят. Вспомнил, как Ладу хоронил. Один.

— Складная девчужка была Пусть небо примет её душу. Ты плохого обо мне не подумай — я бы помог её захоронить, да — Бучо потупился. — Говорят, это её брат привёл хазар на наш острог. Вот народ и отвернулся.

Я замер. Миска выпала из рук.

— Что? — Голос прозвучал хлестко и чётко, как щелчок кнута. — Что ты сказал?

С шипящим криком я был на нём раньше, чем он успел моргнуть. Пальцы впились в его глотку, большие — в миллиметре от глазниц.

— Повтори! Про брата!

— Я я — Бучо захлёбывался, слюна брызгала на мои руки. — Прости, что не помог с Ладушкой Я простой Бучо, травки собираю, скотину лечу, рыбу ловлю А тебя нёс — это было за честь, понимаешь? Прости

Он разрыдался. Совершеннолетний дылда рыдал, как ребёнок. А я смотрел на него и понимал: мир, в котором я жил, был ложью. И теперь у меня появилась не просто цель выжить. Появился враг. И имя ему — брат Лады.

— Слезь.

Приказ пробился сквозь пелену в ушах и был подкреплён ударом. Плеть со свистом рассклала воздух и обожгла спину — именно там, где рубец едва начал затягиваться. Я почувствовал, как старая рана разверзлась, горячая струйка сукровицы поползла по коже.

Я сполз с Бучо на землю. Тело пронзила дрожь, потом сковала судорога. Никто не подошёл. Не помог встать. Я лежал, вжимаясь в пыль, пока мимо, покачиваясь в такт шагам, проплывали окровавленные спины тех, кого гнали дальше на юг.

Когда подошла наша очередь, я не смог подняться. Удар выбил из детского тела не только волю — саму жизнь. На миг я захотел лишь одного: чтобы всё кончилось.

Но меня подняли чужие руки и швырнули в повозку. Над ней была вмонтирована клетка. Нас там было немного — дюжина мужчин: те, кому от шестнадцати до сорока. Выжимка силы, годная для самой чёрной работы.

— Этот задохлик ещё дышит? — Ближе к вечеру конный конвоир ткнул плетью в сторону клетки.

Сосед, мужчина с обветренным лицом, сунул два пальца мне под нос. — Дышит.

— Дайте ему воды. Мы не похоронная команда, чтоб трупы возить. Если к привалу не очухается — выбросите в ров. Лишние рты кормить не будем.

— Слышал, что говорит конвоир? — Мужчина тряхнул меня за плечо. — Вставай. Сейчас же.

— Ещё немного отлежусь

— Вот, пей. — Он сунул мне в руки бурдюк. — Ты невольно всем помог — выпросил воду. Может, конвоир пожалел. А может, чёрт его знает. Пей быстрее, чтоб все успели.

Я приподнялся, упёрся спиной между прутьями так, чтобы рана не касалась железа, и сделал несколько жадных глотков. Вода была тёплой, пахла кожей и пылью, но казалась нектаром.

Потом закрыл глаза.

И снова увидел тот день.

Нас — детей, стариков, женщин — загнали в амбар. Дверь захлопнулась. Потом — треск, вой пламени снаружи. Мама держала меня за ступни, чтоб вытолкнуть через волоковое окно. Они кричали и задыхались от густого дыма горящей соломы. Мама держала меня, сколько могла; когда руками я зацепился за проём, она отпустила, немного подкинув ладошками, а потом такое красивое, такое родное и милое лицо сожрал дым. Сизый, серый дым.

Спрыгнув с амбарной стены, я забежал за угол, и тут появились они. Я пригнулся, накинул на себя половицу и упал на остывающие трупы.

Я смотрел из щели между туш двух зарезанных бурёнок, ещё тёплых, пахнущих кровью и парным молоком.

Отец был не человек — буря. Работал цепом, как будто молотил не людей, а спелую рожь. Восемь солдат. Я слышал хруст, когда кость под кожаным доспехом не выдерживала удара. Видел, как один, с провалившимся черепом, ещё дёргал ногой, уткнувшись лицом в грязь.

Он зачищал двор, отступая к амбару. Ко мне. Его лицо было незнакомым — сплошной маской ярости и пота.

И тогда пришёл он.

Не бежал. Шёл. В потрёпанном, но чужом, с иголочки, кафтане. На его лице не было ни гнева, ни усилия — лишь холодное любопытство, будто он рассматривал интересного жука.

Отец взмахнул цепом для нового удара — и замер. Как будто ударился о невидимую стену. Звук удара не прозвучал — вместо него раздался глухой, влажный хлопок, будто лопнул пузырь внутри груди. Отец выдохнул струёй крови, споткнулся, опустился на одно колено.

Воин не использовал оружие. Он лишь слегка выбросил вперёд ладонь. Воздух между ним и отцом дрогнул, заволновался, как над раскалёнными камнями.

— Довольно резв, для скотины, — произнёс воин. Его голос был спокоен и звонок. Потом он рассмеялся. Коротко, беззлобно, как смеются над незадачливой собакой. — Кончайте.

Трое копейщиков, до того жавшихся у плетня, ринулись вперёд. Они не кололи с размаху. Подошли аккуратно, как мясники. Первое копьё вошло в бок, под ребро. Отец ахнул. Второе — в бедро, чтобы не дёргался. Третье — уже в почти безвольную грудь.

Он не кричал. Смотрел в ту сторону, где был я. Сквозь щель в тушах. Его взгляд поймал мой — и на миг в нём не осталось ни ярости, ни боли. Только приказ. Железный и тихий. Молчи. Живи.

Потом свет в его глазах погас. Тело обвисло на копьях.

Воин ещё секунду постоял, наблюдая, как кровь отца сливается с кровью коров в общую тёмную лужу. Кивнул, довольный работой, и не спеша пошёл дальше, к горячей избе.

А я смотрел. Вдыхал смешанный запах крови, гари и парного молока. И запоминал. Лицо того, кто ударил, не дотронувшись. Холодные глаза. Звонкий смех. И эту странную, дрожащую рябь в воздухе — то, чего я не понимал.

Тогда я не знал, что это Ци. Я знал только, что это сила, которая убивает, даже не испачкав рук.

Я вздрогнул и очнулся. Дышалось густо — ветер с моря нёс запах соли и тухлой рыбы. Рядом сидел тот же мужчина, с обветренным, как старый дуб, лицом. Молча протянул краюху чёрного хлеба, отломанную ровно пополам.

— Ешь. Надо силы. Чуешь, пахнет морем? — Он кивнул в сторону ветра. — Завтра в порт погонят. Там слабых не держат. Топят, как котят.

Я взял хлеб. Он был тяжёлый, липкий от пота в его ладони. Поднёс ко рту — и снова увидел *руки*. Мамаины. Толкающие меня в проём. А потом — дым. Едкий, сладковатый от горелого мяса, дым. Я резко тряхнул головой, будто отгоняя осу.

— Не трать время на видения, — бросил сосед, не глядя. Его глаза были прищурены, следили за конвоиром у повозки. — Память — петля. Кто в неё лезет — тот и душит себя.

— А за что тогда держаться? — спросил я, и голос прозвучал глухо, будто из-под земли.

— За злость. — Он медленно сжал кулак. Костяшки побелели. — Она не предаст. Не сгниёт. Она — как точильный брусок. Точит тебя изнутри, пока не останешься одним лезвием. С ней не сломаешься.

Я сжал хлеб в руке. Он хрустнул, крошки посыпались на грязные колени.

— И что? Злиться и идти?

— Нет. Злиться и считать. — Он наклонился ближе, его шёпот стал резким, как удар ножом о камень. — Считай шаги до ворот. Считай конвоиров — кто левша, кто хромает. Считай псы — какие злые, какие сытые. Считай, где забор гнилой, где караул меняется с опозданием. Когда час придёт — ты всё будешь знать. А они про тебя — ничего.

— Час чего? — спросил я, уже зная ответ.

— Того, когда ты перестанешь быть скотом. Мести. Побега. Называй как хочешь. Милости тут не жди. Её здесь нет.

Повозка скрипела, лязгали цепи. Смех конвоиров доносился приглушённо, будто из-под толстой воды. Я закрыл глаза. Но теперь не для того, чтобы видеть прошлое. Я слушал. Запоминал. Считал.

Скрип левого колеса — раз в три оборота. Шагов у переднего конвоира — тяжёлых, разбитых: сорок семь до поворота. Запах — соль, рыба, пот, ржавое железо. Слабое место в клетке — третий прут сзади, уже гнулся.

— Я запомню, — сказал я вслух и разломил свою половину хлеба ещё раз. Одну часть протянул назад. — И посчитаю.

Он взял, не глядя. Усмехнулся. Сухие губы растянулись без единой искры веселья.

— Смотри в оба, щенок. Счёт начинается.

Впереди, в предвечерней дымке, выросли стены. Не просто крепость — каменный клык, впившийся в берег. Зубцы башен, чужие флаги с чёрным солнцем. Портовые краны, как скелеты гигантских птиц.

Нас гнали туда. На корабли. На галеры. На смерть в чужих морях.

Но я больше не видел ужаса. Я видел детали. Высоту стены — примерно двадцать шагов моих, если встать на плечи. Бойницы — через каждые пять. Самую длинную тень — от западной башни, после полудня она закрывает весь северный угол.

Повозка вползла под арку ворот. Остановилась. Воздух сгустился от криков, лязга оружия, лая псов.

— Выходи! Живо, твари!

Я поднялся. Рана на спине горела огнём, ноги подкашивались, в ушах звенело от усталости. Но внутри, под рёбрами, уже лежало что-то новое. Твёрдое. Холодное. Острое, как отточенный шип.

«Шаг первый», — мысленно отметил я, спускаясь с повозки. Не как жертва. Не как раб. Как наблюдатель. Как тот, кто уже начал вести свой невидимый, безжалостный счёт.

И этот счёт не остановится. Пока он не будет сведён.

Глава 2

Вечер не принёс покоя. Крепость гудела, как растревоженный улей — только вместо пчёл здесь были солдаты. Четвёрки бегом пересекали площадь, строем, с рёбрами ящиков на плечах, с вязами стрел, с бочками, в которых плескалась вода или хуже. Суета была лихорадочной, глаза пробегающих были широки, как у загнанных лошадей.

Нас снова заковали. Кандалы лязгнули на запястьях, сырой металл тут же начал холодить кожу. Старший дежурный патруля, толстый, с нашивками на рукаве, гаркнул так, что уши заложило:

— Живей! Не создавать скопление! Это вам не рынок, шакалье отродье!

Колонна невольников лязгнула цепью и поползла вглубь города-форта. Воздух здесь был плотным, как старая похлёбка. Запах конского навоза, прелой соломы, пота — кислого и сладкого, — и поверх всего горячая, жирная вонь готовой еды. Она щипала ноздри, заставляя пустой желудок сжиматься.

Духота. Влажность. Ни ветерка.

Грудь наполнилась предчувствием чего-то дрянного, липкого, как сырая тряпка на лице.

— Встали! К стене! — разнёсся новый крик. — Сейчас вас разместят в роскошных залах!

Кто-то из наших хрипло усмехнулся, но смех тут же погас под окриком.

— Мы передаём вас под руку господина Бон-Баши. Теперь вы — его собственность. Запомните это имя, если жизнь дорога. — Стражник сделал паузу и указал рукой в конец улицы. — А вот и его доверенный представитель. Этот почтенный человек будет вам прямым начальником. Второй совет, бесплатный: не делайте ему нервов. Не совершайте глупостей. Он этого не прощает.

В конце улицы стоял палантин. Тяжёлый, с занавесками из тёмного шёлка, который даже в этой духоте не колыбался.

Занавески дрогнули. Вышел человек.

Тощий. Как высохшая ветка. Белоснежный халат облегал его так, будто был сшит на скелет. Кожа — жёлтая, как старый пергамент. Губы с синевой, как у утопленника, который долго пролежал в холодной воде. Впалые глаза обведены тёмными кругами — будто их обуглили изнутри.

Он шёл к нам походкой, чуть пританцовывающей, как скоморох на ярмарке. Так здесь ходили важные люди — не спеша, вразвалочку, показывая, что им некуда торопиться.

Он поравнялся с центром нашей цепи. Вынул из глубины халата длинный мундштук, тёмного дерева, с серебряными насечками. Неторопливо набил табаком. Закурил.

Дым поплыл сизыми кольцами. Он посмотрел на нас сквозь него, и гримаса недовольства исказила его лицо, как рябь на болотной воде.

— Лимо, — произнёс он голосом скрипучим, как несмазанная дверь. — Ты снова притащил какой-то мусор. Откуда эти рабы? Бледные, как мешки с мукой. Они хоть неделю в порту продержатся?

Сопровождающий — тот самый, что вёл нас от клетки, — выступил вперёд, согнувшись в поклоне. Его голос стал масляным и льстивым:

— О, господин Тамру! Это великолепные рабы из северных земель! Там снега стоят по семь, по восемь месяцев в году. Оттого кожа у них такая светлая, белая, благородная! Но поверьте, господин, они очень выносливы. Северяне — как железо: его гнуть трудно, но, если согнул — уже не сломается.

Тамру выпустил струю дыма в сторону Лимо, не меняя брезгливого выражения лица.

— Ладно, посмотрим, какой сорт червей ты на этот раз привёз. Время покажет.

Его взгляд скользнул по лицам невольников, холодный, оценивающий, как у торговца скотом.

И остановился на мне.

— А это что за зверёныш? — спросил он, и голос его стал тоньше, острее. — У меня что, детский приют открылся? Лимо, я похож на няньку?

— Нет, господин Тамру, что вы! — Лимо за кланялся чаще, его лоб покрылся испариной. — Но этот он вам бесплатно достался. За него мы не взяли монет. Совсем бесплатно.

— Даже так? — Тамру приподнял тонкую бровь. — Бесплатно? Но зачем он мне? Ты знаешь, что еда сейчас дорогая? А его кормить нужно.

Он замолчал. Докурил, глядя на меня с ленивым любопытством кота, который раздумывает, стоит ли играть с мышью.

— Впрочем — Он щёлкнул пальцами, стряхивая пепел. — Будет кому грязь за мной подтирать. Пусть живёт пока. Может, приспособлю это недоразумение к чему-нибудь полезному.

Он развернулся и, не оглядываясь, пошёл обратно к палантину. Его халат взметнулся, открыв худые икры и вычищенные туфли.

Лимо выдохнул, вытер лоб и зло зыркнул на нас:

— Слышали? Вы теперь собственность господина Тамру. Шевелитесь, северные черви, пока вас тут же не прикопали.

Мы двинулись дальше. Цепь лязгнула, врезаясь в кожу на запястьях.

Но я шёл и считал.

Семнадцать шагов до угла башни. Охрана у ворот: двое. С копьями. Один дремлет. Господин Тамру — хилый, но носит туфли с мягкой подошвой: ходит быстро, но тихо. Лимо — трус. Бойтся хозяина больше, чем мы.

Счёт продолжался.

Утро началось не с крика петуха, как было в той, прошлой и наивной жизни, где я знал, кто я и где мой дом. Здесь не было петухов. Была сырость, стук деревянного половника о железные прутья и лязг засовов.

Наши "хоромы" оказались размером с боярскую горницу — и правда просторные, если не считать, что одной стеной им служил обрыв, а другой — решётчатая ограда со стороны коридора. Зачем рабам стена, если за ней — море? Зачем им свобода, если за порогом — вода и камни?

Те, кто был здесь до нас, позже признавались: это изошрённая система наказания, придуманная для преступников. Пусть видят море. Пусть слышат волны, крики чаек, чувствуют солёный ветер. Но свободы им больше не вкушать. Никогда.

В этот год преступников почти не было — всех пожирало горнило войны. Но камеры не пустовали: их заполняли такие, как я. Пленные. Трофеи.

Зато морской бриз остужал камень и выдувал вонь, что гнездилась в городских стенах. Здесь пахло солью и свободой — насмешливо, издевательски.

Проходчик с большим ушатом на деревянных колёсах толкал перед собой тележку. Половник бил о решётки камер — гулкий, ритмичный звук, как похоронный звон. Народ подходил, подставлял ладони, получал свою пайку.

Посуда? Кому нужна посуда для рабов? Год назад здесь был бунт — всё разбили. Всё, что можно было разбить. Теперь ели с рук, пили из общего ковша. Справедливо? А кто вообще думает о справедливости, когда у тебя лапы большие и пасть широкая?

Я не стал кривиться. Желудок сводило от голода, и я знал: еда — это сила. Крупа — это топливо. Я заметил положение луны, посчитал удары половника, встал в очередь.

Комья варёной крупы упали в ладони — горячие, разваристые, почти без соли. Я проглотил их, чувствуя, как тепло растекается по пустому нутру. Дождался, пока все напьются, взял ковш, зачерпнул тёплую воду и одним долгим глотком опрокинул в себя.

Ещё не встало солнце, а наша группа уже стояла у входа на судостроительную верфь. Зрелище было грандиозным.

Доки кипели людьми. Они двигались потоками — организованно, слаженно, будто муравьи в огромном муравейнике. Грузчики таскали тюки и бочки. Стапели — наклонные площадки для постройки и спуска судов — удерживали своими мощными каркасами рёбра начинающего зарождаться фрегата. Он ещё был скелетом, но уже угадывался его будущий хищный силуэт.

— Слушай меня, грязь! — заорал десятник, толстый, с плёткой на поясе. — Вы — чернь. Сейчас вы ни к чему не прикасаетесь, пока я не разрешу. Все выдвигаемся к кранам, вон к тому стапелю. Видите?

Он ткнул пальцем в сторону наклонной площадки, где уже мастерили осадку судна.

— Ваша задача — сделать надстройку для рабочих. Леса должны быть крепкими. Чтобы не качались, как юбка у портовой шлюхи. Ясно всем?

Люди закивали, угрюмо глядя в землю.

— А ты, мелкий, — его палец упёрся в меня. — Идёшь вон туда.

Я поднял голову. Он указал на место, где над стапелем возвышались леса, а рядом с ними виднелась площадка, где скоро будет ходовой мостик или штурманская рубка.

— Видишь вон того, наверху? Вперёдсмотрящего? Пока там пусто, но он скоро будет. Иди к нему. Передашь, что ты прибыл на обучение. Будешь бить склянки.

Я моргнул.

— Склянки?

— Склянки, — он усмехнулся, довольный моим непониманием. — Отбивать время ударами в судовой колокол. Каждые тридцать минут — один удар. Через час — два, и так до восьми. Потом сначала. Будешь отсчитывать время для всей верфи. И радуйся, что другой работы тебе пока не придумали. Бегом!

Я побежал. Ноги несли меня вверх по лесам, доски пружинили под тяжестью, ветер с моря хлестал в лицо.

Внутри билось что-то странное.

Не благодарность. Не облегчение.

Счёт.

Теперь я буду считать не шаги и не удары сердца. Я буду считать время.

А время — это власть. Тот, кто знает, сколько его прошло и сколько осталось, может подготовиться.

Я бежал наверх, к колоколу, к своему новому посту.

И впервые за много дней позволил себе не улыбку, но её тень.

Я вскарабкался на площадку, переводя дух. Леса подо мной ходили ходуном, но я уже привык к неустойчивым поверхностям — после клетки и камня любая доска казалась почти уютной.

Передо мной стоял мужчина. Крепкий, коренастый, с лицом, выдубленным ветрами до цвета старой меди. Руки — как две корабельные дубины, мозолистые, в шрамах. Он смотрел на меня сверху вниз, как смотрят на приبلудного щенка: без злобы, но без интереса.

— Господин, — выдохнул я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем дрожали колени. — Меня направили к вам.

Он прищурился. Качнулся с пятки на носок, скрипнув досками.

— И зачем ты мне такой красивый и мелкий на посту нужен? — Голос у него был низкий, раскатистый, как дальний гром.

— Куратор велел сказать, что я прибыл в ваше распоряжение для работы склянником. Он фыркнул. Коротко, без насмешки — скорее устало.

— Значит, слушай сюда. Отбивание склянок — не просто традиция, а часть судового распорядка. Это сигнал для всей команды. Он обозначает смену вахты, перерывы, приёмы пищи. Если ошибёшься — собьёшь ритм всей верфи. Понял?

— Понял.

— Склянки отбивают по песочным часам. На тридцать минут. Вахтенный юнга переворачивает часы и одновременно бьёт в колокол. — Он говорил чётко, будто вдалбливал гвозди. — Есть особые сигналы. Частые удары — тревога. Три удара подряд — человек за бортом. Или, в нашем случае, какое-нибудь происшествие. Или приезд начальства. При этих звуках всё останавливается. Всё. До одного удара молотком.

Он шагнул ближе, и я почувствовал запах пота, смолы и табака.

— Остальное тебе пока не нужно. Но главное — пока несёшь вахту. Твоя вахта будет состоять из трёх смен по четыре часа. Пока несёшь вахту — не допусти ни разу ошибок. Ни одного пропущенного удара.

Я кивнул.

— Эта должность отличная для будущего юнга. Но удача — обманчивая штука. Ты этого ещё не знаешь, но, уже находясь у склянки, ты нажил врагов. — Он усмехнулся криво, невесело. — Хоть раз пропустишь — тебя лишат должности, высекут плетью и омоют морской водой. Ясно я всё сказал?

— Да, господин. Мне всё ясно.

— Я не господин. — Он упёр руки в бока. — Я старший матрос Гулыга. Запомни это. Обращаться ко мне можешь или как «Старший», или как «Старший матрос Гулыга». Без господ. Здесь мы все одной верёвкой связаны.

— Всё понял, Старший.

— Ну, раз понял, — он кивнул на низкую скамью возле колокола, — присаживайся на баночку. И бди.

Я сел. Доски подо мной были тёплыми от утреннего солнца. Рядом стояли песочные часы — стеклянная колба в деревянном каркасе, песок в верхней части уже почти высыпался. Колокол висел на кованой скобе, тяжёлый, с медным боком, отполированным до блеска бесчисленными ударами.

Гулыга отошёл к краю площадки, достал короткую трубку, закурил, поглядывая на меня краем глаза.

Я перевернул часы.

Песок потёк тонкой струйкой. Я взял верёвку языка колокола, взвесил её в руке.

Время пошло.

Теперь я отмерял время для всех них.

И пусть думают, что я просто мальчишка на побегушках. Пусть считают меня слабым. Я буду бить склянки ровно, не пропуская ни удара.

Верфь дышала вокруг меня: стук топоров, скрип блоков, крики грузчиков, плеск воды о сваи.

И среди этого шума — мой колокол.

Глава 3

Прошла неделя. Я отбивал склянки ровно, не пропуская ни удара. Гулыга хмурился, но молчал — значит, был доволен. Песок в часах перетекал из одной колбы в другую, отсчитывая минуты моей новой жизни.

На восьмой день всё изменилось.

Я сидел на своей баночке, когда услышал тяжёлое дыхание за спиной. Обернулся. По лесам, держась за перила, поднимался старик. Он был стар — так стар, что кожа его напоминала пергамент, изрезанный морщинами, как старая карта неизвестных морей. Длинная седая борода, собранная в жидкий хвост, болталась на ветру. Одежда — лохмотья, когда-то бывшие халатом. Глаза — тёмные, глубокие, как колодцы.

Он шёл медленно, но с какой-то странной целью. Каждый шаг давался ему с трудом. Руки дрожали.

Я вскочил.

— Эй, дед! Ты чего тут забыл? Это строительные леса, а не прогулочная палуба!

Старик поднял на меня взгляд. Глаза его были мутными, но в них теплился огонь — упрямый, злой, не желающий гаснуть.

— Я хочу посмотреть — прохрипел он на ломаном местном наречии. — Сверху видно, как строят корабль. Я строил корабли. Когда-то давно.

— Сейчас не время, — я шагнул к нему, преграждая путь. — Тут опасно. Упадёшь — костей не соберут.

Он усмехнулся. В усмешке не было веселья.

— Мне уже нечего собирать, мальчик. Дух мой сломан. Ци покинула меня. Клан продал меня, как старую лодку. Я здесь доживаю. Позволь мне хотя бы увидеть море перед смертью.

Я хотел ответить резко, но что-то в его голосе остановило меня. Он не врал. Он действительно собирался умирать — не завтра, не через месяц, но каждый вдох давался ему с трудом.

— Ладно, — буркнул я. — Стой тут. Только не шатайся.

Он подошёл к краю площадки, вцепился в поручни. Костлявые пальцы побелели от напряжения. Он смотрел вниз, на стапели, на рабочих, на скелет будущего фрегата. В глазах его мелькнуло что-то — тоска? Воспоминание?

Я отвернулся, следя за часами. До следующего удара оставалось пять минут.

Краем глаза я заметил движение. Старик покачнулся. Леса под ним скрипнули — доска, на которой он стоял, была плохо прибита. Один край отошёл от опоры.

Я рванул вперёд, не думая.

Моё тело ударило старика в бок, сбивая его с ног. Мы рухнули на доски — я сверху. В тот же миг край блока, тяжёлый, окованный железом, сорвался с цепи где-то наверху. Я услышал свист — и удар.

Блок врезался в то самое место, где мгновение назад стоял старик. Доска проломилась. Щепки брызнули в разные стороны. Если бы я не толкнул его — быть бы ему раздавленным, как муха.

Тишина на миг повисла над верфью. Рабочие внизу замерли, глядя вверх.

Я поднялся, тяжело дыша. Колени дрожали. Старик лежал на досках, глядя на меня снизу вверх широко раскрытыми глазами.

— Ты — прошептал он. — Ты спас меня. Зачем?

Я пожал плечами. Грудь ходила ходуном.

— Ты сказал, что строил корабли. Мне показалось — несправедливо, если такой человек умрёт под обломками. Не на море. Не в бою. А просто от дурацкой случайности.

Старик долго смотрел на меня. Потом медленно сел, потирая ушибленный бок. Взгляд его изменился. В нём появилось что-то новое — любопытство. Оценка.

— Как тебя зовут, мальчик?

— Зови как хочешь. Меня никто не называет по имени.

— Я буду называть тебя — он задумался. — «Сяо Ху» — Маленький Тигр. Ты бросился на опасность, не думая. Как зверь. Достоин уважения.

Он протянул руку. Я помог ему встать.

— Я Чэнь Вэй, — сказал он тихо. — Когда-то я был наставником в академии восточных провинций. Я знаю пятнадцать языков и три системы письма. Умею читать звёзды и рассчитывать курс по ветру. И ещё я знаю многое другое.

Он наклонился ко мне, понизив голос:

— Если хочешь, я научу тебя. Всеми, что знаю. В обмен на то, что ты сделал.

— Научить меня? — я усмехнулся. — Чему? Считать время у колокола? Я и так умею.

— Я научу тебя читать и писать. На языках востока. Я научу тебя понимать людей по движению глаз и рук. Я научу тебя видеть ложь и правду. Я научу тебя ждать и наносить удар, когда враг не ждёт.

Он замолчал, переводя дух. А потом добавил тихо:

— И, может быть если ты окажешься способным я научу тебя управлять Ци. Даже сломанный корень может дать росток, если его посадить в добрую землю.

Я посмотрел на него. В голове пронеслось: этот старик — опасен. Или беспомощен. Или смертельно опасен именно потому, что кажется беспомощным.

— Моя вахта — четыре часа, три раза в день. В остальное время я сплю или ем. Когда ты предлагаешь учиться?

— Ночью, — просто ответил Чэнь Вэй. — Луна даёт достаточно света для письма, а тишина — для слов. Я буду ждать тебя у старого крана, что стоит на южной оконечности верфи. Придёшь?

Я помолчал. Песок в часах почти закончился.

— Приду, — сказал я и перевернул часы, начиная новый отсчёт.

Старик кивнул и, опираясь на перила, начал спускаться. На полпути он остановился, обернулся:

— Маленький Тигр. Запомни: спасение жизни — это долг, который нельзя вернуть монетой. Но его можно вернуть знанием. Я отдам тебе то, что у меня осталось. Используй это с умом.

И он исчез внизу, слившись с тенями.

Вечером того же дня на мостик поднялся Гулыга. Он долго смотрел на меня, потом на разбитую доску, потом снова на меня.

— Слышал, что ты учинил, — сказал он, набивая трубку. — Старика спас. Того самого, что все чужим считают, но он ценный счетовод. Бесплезный, квёлый.

— Он человек, — ответил я. — Разве это не причина?

— Человек, — Гулыга хмыкнул. — Здесь все люди, малец. И все — рабы, пока не докажут обратное. Ты вот сегодня доказал, что не тряпка. Я такого не забываю.

Он затаился, выпустил дым к небу, где уже загорались первые звёзды.

— С сегодняшнего дня спать идёшь в барак.

Я замер. Барак. Настоящее помещение с крышей, стенами и, возможно, даже с очагом. Не клетка на обрыве, где ветер продувает до костей. Не каменный мешок, где по утрам собираешь росу с решётки, чтобы напиться.

— Но с этим стариком поаккуратнее, — продолжил Гулыга, и голос его стал ниже, жёстче. — Он из тех, кого сломали, но не согнули. Мне такие не нравятся. Они опасны. И тебя могут сломать заодно.

— Я не ломаюсь, Старший. — Я выпрямился, насколько позволял рост. — Спасибо, что переселили меня.

Гулыга посмотрел на меня долгим взглядом. В сумерках его лицо казалось высеченным из камня — тени делали его старше, суровее. Но в уголках глаз дрогнуло что-то похожее на одобрение.

— Посмотрим, не ломаешься, — сказал он, коротко кивнул и, развернувшись, зашагал вниз по лесам. Сапоги его гулко стучали по доскам, и каждый шаг отдавался в моей груди эхом.

Меня проводили в барак.

Это было длинное низкое строение из грубо струганных досок, крытое дранкой. Внутри пахло сосновой смолой, потом и кислым хлебом. Вдоль стен стояли нары в два яруса. На некоторых уже лежали тюфяки, набитые соломой. В углу чадил очаг — дым уходил в дыру в потолке, но большая его часть оставалась внутри, сизым слоем стелясь под потолком.

— Твоё место, — ткнул пальцем пожилой раб в рваной рубахе. — Вон там, у стены. Если что украдёшь — сам найду и утоплю. Если что потеряешь — сам виноват.

Я молча кивнул, добрался до своего места и сел на край нар. Солома подо мной зашуршала. Я провёл рукой по доскам стены — они были тёплыми, хранили дневное тепло.

Впервые за много недель у меня была крыша над головой.

Я лёг, глядя в потолок. Сквозь щели между досками пробивался слабый лунный свет. Где-то в углу храпели. Кто-то кашлял во сне. Жизнь барака текла вокруг меня — тяжёлая, привычная, равнодушная.

Но я не спал.

В голове крутилось лицо старика. Чэнь Вэй. Сломанный корень Ци. Пятнадцать языков. Умение читать звёзды.

И его обещание: «Я научу тебя ждать и наносить удар, когда враг не ждёт».

Я закрыл глаза. Сквозь веки всё равно виделся свет — одинокий огонёк лампы у старого крана на южной оконечности верфи.

Я встал, когда барак затих окончательно.

Храп стал ровным, ритмичным — море лёгких, вздымающихся и опадающих в темноте. Кто-то бормотал во сне, может, молился, может, звал жену или мать. В углу потрескивал очаг — угли догорали, роняя последние отсветы на прокопчённые стропила.

Я скользнул к двери бесшумно, как учила меня когда-то улица: пятка — носок, вес на внешнюю сторону стопы. Дверь была не заперта. Засов — деревянный брус — лежал в гнездах, но не был заложен. Гулыга, видно, доверял усталости больше, чем замкам.

Снаружи встретила ночь.

Чёрная, влажная, пахнущая морем и смолой. Звёзды висели низко — казалось, руку протяни и достанешь. Луна ещё не взошла, и я шёл почти на ощупь, огибая штабеля досок, спутанные цепи, остовы бочек. Пальцами касался тёплого дерева, влажного камня, ржавого металла — мир на ощупь был честнее, чем на вид.

Южная оконечность верфи выдавалась в море узким языком. Там, на самой кромке, стоял старый кран — деревянный исполин, чёрный от времени и соли. Его стрела была поднята к небу, как иссохшая рука, молящая о подачке. Когда-то он поднимал мачты для военных кораблей. Теперь он просто ждал, когда сгниёт.

Под ним горела лампада.

Маленький огонёк в стеклянном колпаке — жирник, какие ставят в храмах или у могил. Свет его был слаб, но его хватало, чтобы увидеть старика.

Чэнь Вэй сидел на перевёрнутой бочке, поджав под себя ноги. В руках он держал дощечку, исписанную иероглифами. Рядом лежали: ещё одна дощечка, чистая, и острая палочка — явно самодельное писало, заточенное на камне.

Он поднял голову, когда я приблизился. Глаза его блеснули в свете жирника.

— Я знал, что ты придёшь, Маленький Тигр.

— Ты не спал?

— У меня было семьдесят лет, чтобы выспаться, — он усмехнулся. — А вот времени учить — осталось мало. Садись.

Я сел на корточки напротив него. Между нами горел огонь. Море дышало где-то рядом — тёмное, бескрайнее, равнодушное.

— С чего начнём? — спросил я.

Чэнь Вэй помолчал, погладил бороду.

— С самого главного. С языка, на котором говорят те, кто правит этой землёй. На котором пишутся законы и приказы. На котором подписывают смертные приговоры.

Он протянул мне дощечку с иероглифами.

— Смотри и запоминай. Это не просто знак. Это — слово «власть». Но оно же означает и «усилие». Потому что власть без усилия — пустой звук. Запомни это, Маленький Тигр. И запомни, как это пишется.

Я взял дощечку. Иероглиф танцевал в маслянистом свете — изгибы линий, пересечения черт. Что-то в нём было знакомое, будто я видел его во сне. Но нет — я никогда не учил чужих письмён.

— Ты говорил, что можешь научить меня видеть ложь, — сказал я, не отрывая взгляда от знака. — Читать людей.

— Всему своё время.

— Времени у меня, по твоим же словам, мало.

Чэнь Вэй улыбнулся — одними уголками губ.

— Хорошо. Тогда слушай. И запоминай. Потому что это первый урок, который я даю тебе, и он может спасти тебе жизнь быстрее, чем умение писать.

Он подался вперёд, и свет жирника лёг на его лицо резкими тенями.

— Люди врут всегда. Но тело никогда не врёт. Смотри на руки. Если человек говорит одно, а пальцы его сжимаются в кулак — он готов к драке, а не к разговору. Если он трогает лицо — он что-то скрывает. Если он улыбается, но глаза его не прищурились — улыбка фальшива, как медный грош позолотой.

— Глаза, — я кивнул. — Смотреть в глаза.

— Нет. — Голос старика стал твёрже. — Не смотри в глаза. Смотри на переносицу. Прямо между бровями. Так ты видишь и лицо целиком, и не даёшь собеседнику понять, куда ты смотришь. Это учит тебя читать его — и не даёт ему прочесть тебя.

Я повторил про себя: переносица. Не глаза.

— Запомнил, — сказал я.

— Хорошо. А теперь — пиши.

Он протянул мне писало и чистую дощечку.

— Срисуй иероглиф. Пусть рука запомнит, прежде чем голова поймёт.

Я взял палочку. Она лежала в пальцах непривычно — не молоток, не весло. Тонкая, острая, хрупкая.

Первый штрих. Кривой. Второй — слишком толстый. Третий — вообще не туда.

Я выругался про себя.

— Не спеши, — голос старика был спокоен, как вода в пруду. — Иероглиф — это танец. У каждого штриха есть порядок, направление, сила нажима. Если ты нарушишь порядок — танец рассыплется. Пиши снова.

Я писал.

Раз за разом. Дощечка покрывалась корявыми, неуклюжими знаками. Пальцы начинали ныть — я держал писало слишком сильно, слишком напряжённо.

— Дыши, — сказал Чэнь Вэй. — Ци идёт через дыхание. Если ты зажат — она не течёт. А если она не течёт — ты не сможешь написать даже своего имени.

Я выдохнул. Попробовал снова.

Четвёртый иероглиф получился чуть ровнее. Пятый — почти похожим на образец.

Старик кивнул.

— Ты понял. Теперь пиши это слово сто раз. Когда закончишь — я скажу тебе следующий знак. А пока — повтори, чему я тебя научил про ложь.

— Смотреть на переносицу, — сказал я, не отрываясь от дощечки. — Не на глаза. Руки. Пальцы. Улыбка. Если глаза не шуряются — ложь.

— Хорошо. Продолжай.

Я писал.

Море дышало. Лампада мерцала. Ночь текла мимо нас тёмной рекой, унося с собой часы.

Где-то далеко, на другом конце верфи, прокричала ночная птица. Или это была не птица.

Я не поднял головы.

Писало скользило по дереву, оставляя за собой следы — кривые, неуклюжие, но живые. Знаки, которые когда-нибудь сложатся в слова. Слова — в мысли. А мысли — в действие.

Чэнь Вэй молча смотрел, как я пишу. И в глазах его, тёмных и глубоких, как ночное море, теплился огонёк.

Не жалость.

Не надежда.

Интерес.

— Сотый, — сказал я, наконец, поднимая голову. Рассвет ещё не наступил, но небо на востоке начало сереть.

Старик взял мою дощечку, повертел в руках, рассматривая знаки при свете уже почти догоревшей лампы.

— Уродливо, — сказал он. — Но узнаваемо. Ты повторишь это завтра.

— А что будет завтра? — спросил я.

Он улыбнулся — широко, впервые за эту ночь.

— Завтра я научу тебя слову «свобода». Или слову «смерть». Они пишутся почти одинаково. Разница — в одном штрихе. Как и в жизни.

Он поднялся, опираясь на палку.

— Иди спать, Маленький Тигр. Завтра будет долгий день. И долгая ночь.

Я встал, пряча дощечку за пазуху. Ноги затекли, пальцы дрожали от непривычного напряжения. Но внутри что-то горело — не только усталость.

Я шёл обратно к бараку, и на востоке уже занимался рассвет — тонкая полоса света, разрезающая ночное небо, как первый штрих ещё не написанного иероглифа. Рассвет застал меня на вахте. Я отбивал склянки, но впервые делал это не как заводная кукла — каждый удар отдавался внутри толчком, будто я будил сам себя.

Гулыга подошёл бесшумно, встал рядом. Я почувствовал его раньше, чем увидел — по запаху кислого табака.

— Ты сегодня другой, — сказал он, не глядя на меня. — Глаза не бегают. Плечи расправил. Что, старик научил тебя не только буквы рисовать?

— Научил смотреть, — ответил я.

Гулыга хмыкнул, раскурил трубку. Выдохнул дым мне в лицо.

— Смотри, чтоб не научил смотреть туда, куда не надо. Есть места, откуда не возвращаются.

Я промолчал. Он похлопал меня по плечу — сильнее, чем в прошлый раз, — и ушёл, оставив после себя запах табака и предупреждение, которое я слышал уже дважды. Третьего, кажется, не будет.

Глава 4

Я понял, что попал в немилость Гулыги. Пришлось заменить одного раба и на день меня перевели на работы. Эта вахта тащилась, как баржа по мели. Я таскал доски — и чувствовал в пальцах не дерево, а иероглифы, оставшиеся с ночи. Конопатил швы — и видел не смолу, а чернила. В голове стучало: «Свобода и смерть — один штрих».

Что это значило? Что свобода всегда ходит по краю смерти? Или что смерть — это и есть последняя свобода?

Вечером, едва барак затих, я выскользнул наружу. Ноги сами понесли к южной оконечности верфи. Там уже горел огонь — крошечный, как искра, но я видел его за сотню шагов.

Чэнь Вэй ждал. Но не один.

Рядом с ним стоял человек в длинном плаще. Высокий. Лица почти не видно — только блеск глаз из-под капюшона. И тишина от него шла особая — не пустая, а плотная, как перед грозой.

Я остановился.

— Подойди, Сяо Ху, — позвал старик. — Это мой старый друг. Он хочет посмотреть, чему ты научился.

Человек в плаще шагнул в круг света. Я увидел шрам через всю левую скулу и глаза — холодные, как зимняя вода.

— Так ты тот парень? — голос низкий, глухой, будто из-под земли. — Спас Чэнь Вэя. И теперь он учит тебя грамоте.

— Я учусь, — ответил я.

— Он уже знает, как отличить ложь от правды, — вставил Чэнь Вэй.

Незнакомец усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Правда и ложь — две стороны одной монеты. И ты пока видишь только одну.

Он шагнул ближе. Я невольно сжал кулаки. Но вспомнил: «Смотри в переносицу. Следи за пальцами. Дыши ровно».

Я разжал кулаки. Выдохнул.

Незнакомец заметил это. В глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес?

— Не дёргаться умеешь. «Это уже кое-что», — сказал он. — Теперь ответь: зачем тебе эти знания? Только честно.

Я молчал. Внутри всё сжалось. Можно было соврать. Сказать: «Хочу стать писцом». Сказать: «Хочу лучше работать». Люди говорят так, чтобы выжить.

Но я вспомнил: «Свобода и смерть — один штрих».

И сказал правду:

— Я хочу научиться убивать. Не ножом. Не верёвкой. А так, чтобы враг падал, когда я ещё стою в десяти шагах. Я хочу понять, что такое Ци. Хочу владеть силой, которой никто не видит. Чтобы, когда я выйду за ворота этой верфи, меня никто не догнал.

Тишина повисла тяжелее, чем дым Гулыги.

Незнакомец переглянулся с Чэнь Вэем. Старик кивнул.

— Он говорит правду.

Незнакомец снова посмотрел на меня. Долго. Пристально. Так смотрят на вещь, которую решают — взять или выбросить.

— Знания, которые ты просишь, дороже золота, — сказал он наконец. — И опаснее меча. Я могу передать их тебе. Но за каждое знание ты заплатишь частью себя. Свободного времени. Сна. Покоя. А может, и жизни. Готов?

Я перевёл взгляд на Чэнь Вэя. Старик сидел неподвижно, как камень. В его глазах — не жалость. Надежда. Проверка.

— Готов, — сказал я.

Незнакомец улыбнулся. Впервые — настоящей улыбкой, от которой мороз прошёл по коже.

— Тогда слушай. Первое: не верь тому, кто обещает лёгкую дорогу. Второе: сила — это не меч и не кулак. Сила — это знать больше, чем враг. Третье: назад пути нет. Каждый шаг отсюда — выбор между свободой и смертью. Разница — в одном штрихе. Ты уже это знаешь.

Он показал мне свиток — потёртый, пожелтевший.

— Здесь основы. Как читать намерения по движению. Как видеть ложь до того, как её произнесли. Как заставить врага ошибиться, пока он ещё думает, что выигрывает.

Я взял свиток. Пальцы дрогнули. Не от страха — от предвкушения.

— Когда начнём?

— Сейчас. Времени у нас в обрез.

Чэнь Вэй кивнул.

— Учись, Сяо Ху. Знание — как меч. Владеешь мечом — владеешь судьбой. Не владеешь — она владеет тобой.

Мы сели вокруг лампы. Незнакомец заговорил — низко, размеренно. Я слушал, впитывая каждое слово, и мир вокруг начинал складываться в новую картину. Верфь перестала быть просто верфью. Она стала доской.

Свиток оказался не тем, что я ожидал.

Внутри не было ни заклинаний, ни схем ударов, ни описания тайных техник. Только иероглифы. Много иероглифов. И между ними — пустота, которую нужно было заполнять самому.

— Слушай, я прочитаю вслух, — велел незнакомец. — Потом говори, что видишь.

Он поднёс свиток к лампаде. Первая строка:

«Птица выдаёт себя полётом, зверь — следом, человек — дыханием».

— Когда человек врёт, — сказал я медленно, — он дышит иначе? Чаше или замирает?

Незнакомец не ответил. Только смотрел.

Вторая строка:

«Тот, кто хочет ударить, сжимает пальцы в кулак за миг до того, как решит нанести удар».

— Значит, можно понять, что враг сейчас нападёт, ещё до того, как он замахнётся?

Незнакомец кивнул.

— Хорошо. Третья строка.

«В темноте слушай не шаги, а паузы между ними».

Ещё повторим. Незнакомец перечитал три раза. И вдруг понял.

— Тот, кто крадётся, — выдохнул я, — делает шаг и замирает. Слушает. А потом — следующий шаг. Если слышать только шаги, можно потерять момент, когда он остановился и ждёт тебя. Надо слушать тишину.

Незнакомец впервые посмотрел на меня иначе. Не как на ученика — как на равного.

— Ты понял. Быстрее, чем я ждал. Чэнь Вэй, ты не ошибся в нём.

Старик усмехнулся из темноты.

— Он только начал. Не хвали раньше времени.

Но я уже не слушал их. Я смотрел на свиток и чувствовал, как внутри закипает жадность — не к еде, не к теплу, к знанию.

На следующий день я впервые работал не как раб, а как охотник.

Гулыга отдавал приказы на разгрузке леса. Раньше я просто слушал, куда тащить. Сегодня я смотрел, как он отдаёт приказы.

«того, кто хочет ударить, выдают пальцы».

Гулыга не сжимал кулаки. Но когда злился — он покусывал мундштук трубки. Сильнее, чем обычно. Значит, гнев он прячет за видимым спокойствием.

«человек выдаёт себя дыханием».

Когда Гулыга врал — говорил, что начальник доволен работой, — он дышал ровно. А когда говорил правду про погоду — выдыхал чуть длиннее. Странно. Я запомнил.

Днём я снова таскал доски, но глаза мои рыскали.

Вон тот плотник с повязкой на глазу — он хромота на левую ногу, но, когда берёт топор, вес переносит на правую. Значит, хромота — притворство. Зачем?

А вон тот, что раздаёт воду. Он улыбается всем, но плечи напряжены. С кем-то он на ножах. Кто его враг?

— Не стой столбом! — рявкнул надсмотрщик.

Я дёрнулся, подхватил доску. Но внутри ликовал. Я видел. Раньше я просто делал — теперь я видел.

— Хорошо, — сказал незнакомец на третьей ночи. — Ты научился смотреть. Теперь учись слушать.

Мы сидели у лампы. Он высыпал на землю горсть мелких камней.

— Закрой глаза. Я буду бросать камни по одному. Ты должен сказать, куда упал каждый. Я закрыл глаза.

Камни стучали о землю. Я называл: правый нижний угол. Рядом с левой ступнёй. Перед лампой.

— Легко, — сказал я.

Незнакомец хмыкнул. И вдруг я услышал свист — что-то летело в меня.

Я упал на спину, не открывая глаз. Камень просвистел над головой.

— А теперь слушай паузу, — сказал незнакомец. — Я буду бросать. А ты будешь уворачиваться. С закрытыми глазами. Если не услышишь — получишь по голове.

Час спустя у меня была шишка на лбу и синяк на плече. Но я научился слышать, когда камень ещё летит, а не когда он уже упал.

— Ты выживешь, — сказал незнакомец, когда я открыл глаза. — Но этого мало.

— Что ещё? — спросил я, потирая ушиб.

— Теперь ты умеешь видеть и слышать. Теперь учись собирать. Шпионы не бьют — шпионы смотрят и запоминают. С завтрашнего дня ты будешь следить за каждым, кто приходит на верфь. Кто с кем говорит. Кто куда смотрит. Кто отводит глаза. Кто улыбается слишком широко.

Чэнь Вэй подбросил дров в огонь.

— И записывай, — добавил он. — Письменность теперь не роскошь, а оружие. Каждый вечер — три иероглифа. И одно наблюдение. Начнём.

Я вёл счёт.

Шестой день. Ночью незнакомец учил меня читать лица. «Брови говорят громче слов». Я запоминал.

Седьмой день. Я заметил, что надсмотрщик Ван берёт взятки с поставщиков риса. Каждый раз, когда подходит телега с мешками, он отводит старшего грузчика в сторону. Говорят шёпотом. Потом Ван прячет что-то в левый рукав.

Я записал: «Ван. Левая рука. Взятка. Два раза в декаду».

Иероглифы выходили кривыми, но Чэнь Вэй правил и хвалил.

Девятый день. Я заметил, что повар по ночам не спит. Уходит к южной стене. Возвращается через час. От него пахнет не едой — мокрой землёй.

Я сказал об этом незнакомцу.

— Хорошо, — кивнул он. — Продолжай следить.

— Это компромат? — спросил я.

— Это нити, — ответил он. — Из нитей плетётся сеть. Сеть — это твоя сила. Когда ты знаешь всех и всё, ты король даже в цепях.

Двенадцатая ночь.

Свиток кончился. Незнакомец принёс новый.

— Теперь ты знаешь, как смотреть и слушать. Как читать людей и запоминать. Я научу тебя обращать знания в действие.

Он растянул на земле карту — грубую, нарисованную углём на холстине.

— Это верфь. Ты здесь живёшь. Но ты не знаешь её. Скажи мне: сколько выходов с территории?

Я подумал.

— Двое ворот. Главные и западные. Ещё калитка у причала, заваленная досками.

— Сколько стражников на ночной смене?

— Четыре. Один у главных ворот, один у западных, двое обходят периметр.

— Где они встречаются?

Я замер. Я никогда не замечал. Стыдно стало до горячей волны в груди.

— Не знаю, — признался я.

— Узнай. К завтрашнему вечеру. География — это тоже оружие. Тот, кто знает землю, на которой стоит, побеждает не силой, а умом.

— Я узнаю, — сказал я. И вышел в ночь.

Фонари надсмотрщиков маячили вдаль, как глаза чудовищ. Я скользил вдоль забора, считая шаги, запоминая повороты, тени, провалы в освещении.

К утру я знал верфь лучше, чем собственные мозоли на ладонях.

Что это значило? Что свобода всегда ходит по краю смерти? Или что смерть — это и есть последняя свобода?

Вечером, едва барак затих, я выскользнул наружу. Ноги сами понесли к южной оконечности верфи. Там уже горел огонь — крошечный, как искра, но я видел его за сотню шагов.

Чэнь Вэй ждал. Но не один.

Рядом с ним стоял человек в длинном плаще. Высокий. Лица почти не видно — только блеск глаз из-под капюшона. И тишина от него шла особая — не пустая, а плотная, как перед грозой.

Я остановился.

— Подойди, Сяо Ху, — позвал старик. — Это мой старый друг. Он хочет посмотреть, чему ты научился.

Человек в плаще шагнул в круг света. Я увидел шрам через всю левую скулу и глаза — холодные, как зимняя вода.

— Так ты тот парень? — голос низкий, глухой, будто из-под земли. — Спас Чэнь Вэй. И теперь он учит тебя грамоте.

— Я учусь, — ответил я.

— Он уже знает, как отличить ложь от правды, — вставил Чэнь Вэй.

Незнакомец усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Правда и ложь — две стороны одной монеты. И ты пока видишь только одну.

Он шагнул ближе. Я невольно сжал кулаки. Но вспомнил: «Смотри в переносицу. Следи за пальцами. Дыши ровно».

Я разжал кулаки. Выдохнул.

Незнакомец заметил это. В глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес?

— Не дёргаться умеешь. «Это уже кое-что», — сказал он. — Теперь ответь: зачем тебе эти знания? Только честно.

Я молчал. Внутри всё сжалось. Можно было соврать. Сказать: «Хочу стать писцом». Сказать: «Хочу лучше работать». Люди говорят так, чтобы выжить.

Но я вспомнил: «Свобода и смерть — один штрих».

И сказал правду:

— Я хочу научиться убивать. Не ножом. Не верёвкой. А так, чтобы враг падал, когда я ещё стою в десяти шагах. Я хочу понять, что такое Ци. Хочу владеть силой, которой никто не видит. Чтобы, когда я выйду за ворота этой верфи, меня никто не догнал.

Тишина повисла тяжелее, чем дым Гульги.

Незнакомец переглянулся с Чэнь Вэем. Старик кивнул.

— Он говорит правду.

Незнакомец снова посмотрел на меня. Долго. Пристально. Так смотрят на вещь, которую решают — взять или выбросить.

— Знания, которые ты просишь, дороже золота, — сказал он наконец. — И опаснее меча. Я могу передать их тебе. Но за каждое знание ты заплатишь частью себя. Свободного времени. Сна. Покоя. А может, и жизни. Готов?

Я перевёл взгляд на Чэнь Вэя. Старик сидел неподвижно, как камень. В его глазах — не жалость. Надежда. Проверка.

— Готов, — сказал я.

Незнакомец улыбнулся. Впервые — настоящей улыбкой, от которой мороз прошёл по коже.

— Тогда слушай. Первое: не верь тому, кто обещает лёгкую дорогу. Второе: сила — это не меч и не кулак. Сила — это знать больше, чем враг. Третье: назад пути нет. Каждый шаг отсюда — выбор между свободой и смертью. Разница — в одном штрихе. Ты уже это знаешь.

Он показал мне свиток — потёртый, пожелтевший.

— Здесь основы. Как читать намерения по движению. Как видеть ложь до того, как её произнесли. Как заставить врага ошибиться, пока он ещё думает, что выигрывает.

Я взял свиток. Пальцы дрогнули. Не от страха — от предвкушения.

— Когда начнём?

— Сейчас. Времени у нас в обрез.

Чэнь Вэй кивнул.

— Учись, Сяо Ху. Знание — как меч. Владеешь мечом — владеешь судьбой. Не владеешь — она владеет тобой.

Мы сели вокруг лампы. Незнакомец заговорил — низко, размеренно. Я слушал, впитывая каждое слово, и мир вокруг начинал складываться в новую картину. Верфь перестала быть просто верфью. Она стала доской.

Свиток оказался не тем, что я ожидал.

Внутри не было ни заклинаний, ни схем ударов, ни описания тайных техник. Только иероглифы. Много иероглифов. И между ними — пустота, которую нужно было заполнять самому.

— Слушай, я прочитаю вслух, — велел незнакомец. — Потом говори, что видишь.

Он поднёс свиток к лампаде. Первая строка:

«Птица выдаёт себя полётом, зверь — следом, человек — дыханием».

— Когда человек врёт, — сказал я медленно, — он дышит иначе? Чаше или замирает?

Незнакомец не ответил. Только смотрел.

Вторая строка:

«Тот, кто хочет ударить, сжимает пальцы в кулак за миг до того, как решит нанести удар».

— Значит, можно понять, что враг сейчас нападёт, ещё до того, как он замахнётся?

Незнакомец кивнул.

— Хорошо. Третья строка.

«В темноте слушай не шаги, а паузы между ними».

Ещё повторим. Незнакомец перечитал три раза. И вдруг понял.

— Тот, кто крадётся, — выдохнул я, — делает шаг и замирает. Слушает. А потом — следующий шаг. Если слышать только шаги, можно потерять момент, когда он остановился и ждёт тебя. Надо слушать тишину.

Незнакомец впервые посмотрел на меня иначе. Не как на ученика — как на равного.

— Ты понял. Быстрее, чем я ждал. Чэнь Вэй, ты не ошибся в нём.

Старик усмехнулся из темноты.

— Он только начал. Не хвали раньше времени.

Но я уже не слушал их. Я смотрел на свиток и чувствовал, как внутри закипает жадность — не к еде, не к теплу, к знанию.

На следующий день я впервые работал не как раб, а как охотник.

Гулыга отдавал приказы на разгрузке леса. Раньше я просто слушал, куда тащить. Сегодня я смотрел, как он отдаёт приказы.

«того, кто хочет ударить, выдают пальцы».

Гулыга не сжимал кулаки. Но когда злился — он покусывал мундштук трубки. Сильнее, чем обычно. Значит, гнев он прячет за видимым спокойствием.

«человек выдаёт себя дыханием».

Когда Гулыга врал — говорил, что начальник доволен работой, — он дышал ровно. А когда говорил правду про погоду — выдыхал чуть длиннее. Странно. Я запомнил.

Днём я снова таскал доски, но глаза мои рыскали.

Вон тот плотник с повязкой на глазу — он хромотает на левую ногу, но, когда берёт топор, вес переносит на правую. Значит, хромота — притворство. Зачем?

А вон тот, что раздаёт воду. Он улыбается всем, но плечи напряжены. С кем-то он на ножах. Кто его враг?

— Не стой столбом! — рявкнул надсмотрщик.

Я дёрнулся, подхватил доску. Но внутри ликовал. Я видел. Раньше я просто делал — теперь я видел.

— Хорошо, — сказал незнакомец на третьей ночи. — Ты научился смотреть. Теперь учись слушать.

Мы сидели у лампы. Он высыпал на землю горсть мелких камней.

— Закрой глаза. Я буду бросать камни по одному. Ты должен сказать, куда упал каждый. Я закрыл глаза.

Камни стучали о землю. Я называл: правый нижний угол. Рядом с левой ступнёй. Перед лампой.

— Легко, — сказал я.

Незнакомец хмыкнул. И вдруг я услышал свист — что-то летело в меня.

Я упал на спину, не открывая глаз. Камень просвистел над головой.

— А теперь слушай паузу, — сказал незнакомец. — Я буду бросать. А ты будешь уворачиваться. С закрытыми глазами. Если не услышишь — получишь по голове.

Час спустя у меня была шишка на лбу и синяк на плече. Но я научился слышать, когда камень ещё летит, а не когда он уже упал.

— Ты выживешь, — сказал незнакомец, когда я открыл глаза. — Но этого мало.

— Что ещё? — спросил я, потирая уши.

— Теперь ты умеешь видеть и слышать. Теперь учись собирать. Шпионы не бьют — шпионы смотрят и запоминают. С завтрашнего дня ты будешь следить за каждым, кто приходит на верфь. Кто с кем говорит. Кто куда смотрит. Кто отводит глаза. Кто улыбается слишком широко.

Чэнь Вэй подбросил дров в огонь.

— И записывай, — добавил он. — Письменность теперь не роскошь, а оружие. Каждый вечер — три иероглифа. И одно наблюдение. Начнём.

Я вёл счёт.

Шестой день. Ночью незнакомец учил меня читать лица. «Брови говорят громче слов». Я запоминал.

Седьмой день. Я заметил, что надсмотрщик Ван берёт взятки с поставщиков риса. Каждый раз, когда подходит телега с мешками, он отводит старшего грузчика в сторону. Говорят шёпотом. Потом Ван прячет что-то в левый рукав.

Я записал: «Ван. Левая рука. Взятка. Два раза в декаду».

Иероглифы выходили кривыми, но Чэнь Вэй правил и хвалил.

Девятый день. Я заметил, что повар по ночам не спит. Уходит к южной стене. Возвращается через час. От него пахнет не едой — мокрой землёй.

Я сказал об этом незнакомцу.

— Хорошо, — кивнул он. — Продолжай следить.

— Это компромат? — спросил я.

— Это нити, — ответил он. — Из нитей плетётся сеть. Сеть — это твоя сила. Когда ты знаешь всех и всё, ты король даже в цепях.

Двенадцатая ночь.

Свиток кончился. Незнакомец принёс новый.

— Теперь ты знаешь, как смотреть и слушать. Как читать людей и запоминать. Я научу тебя обращать знания в действие.

Он растянул на земле карту — грубую, нарисованную углём на холстине.

— Это верфь. Ты здесь живёшь. Но ты не знаешь её. Скажи мне: сколько выходов с территории?

Я подумал.

— Двое ворот. Главные и западные. Ещё калитка у причала, заваленная досками.

— Сколько стражников на ночной смене?

— Четыре. Один у главных ворот, один у западных, двое обходят периметр.

— Где они встречаются?

Я замер. Я никогда не замечал. Стыдно стало до горячей волны в груди.

— Не знаю, — признался я.

— Узнай. К завтрашнему вечеру. География — это тоже оружие. Тот, кто знает землю, на которой стоит, побеждает не силой, а умом.

— Я узнаю, — сказал я. И вышел в ночь.

Фонари надсмотрщиков маячили вдаль, как глаза чудовищ. Я скользил вдоль забора, считая шаги, запоминая повороты, тени, провалы в освещении.

К утру я знал верфь лучше, чем собственные мозоли на ладонях.

Глава 5

Незнакомец сидел с закрытыми глазами. Лампада почти догорела.

— Ты готов к следующему шагу, Сяо Ху. Ты научился видеть. Слышать. Собирать. Запоминать. Теперь — разведка боем.

Он открыл глаза.

— В порт завтра приходит корабль из южных провинций. На нём — офицер гарнизона. Он будет ночевать в доме господина Тамру. Я хочу знать, что он ест, с кем говорит, куда смотрит и сколько раз за ночь выходит по нужде.

— Это опасно, — сказал я.

— Всё, чему я тебя учу, — смертельно опасно, — ответил он. — Но, если ты сделаешь это — ты перестанешь быть рабом. Даже в цепях.

Пятнадцатый день. Утро.

Я проснулся за час до общего подъёма. Не от окрика — сам. В бараке было тихо, только храп и скрип нар. Я лежал и слушал, как дышат соседи. Справа — плотник Хэк, храпит с присвистом, спит мёртвым сном. Слева — молодой Лито, дышит ровно, но слишком ровно — не спит, притворяется.

Я запомнил.

На раздаче каши я встал не в очередь, а сбоку. Повар вышел, зевнул, почесал левое плечо. Левша. Если что — уклон вправо.

Очередь двигалась лениво, но я смотрел на руки. Пальцы сжаты — голоден, готов отбивать еду. Пальцы расслаблены — сыт или боится выделяться.

Надсмотрщик Ван стоял у ворот, жевал травинку. Я скользнул взглядом по его левому рукаву. Пустой. Сегодня взяток не брал. Значит, поставщик риса приедет после обеда.

Я запомнил.

Каша была горячая. Я проверил мизинцем — Чэнь Вэй научил. Мелочь. Но кто не бережёт мелочи, тот не доживает до больших дел.

После завтрака мастер послал меня чистить сортиры у северной стены. Грязная работа, от неё все отлынивали. Раньше я бы спорил. Теперь я понял: сортиры у северной стены — рядом с домом господина Тамру. Лучшее место для наблюдения за всем районом.

Я взял ведро и щётку и пошёл не спеша. От барака до сортиров — сто сорок три шага. От сортиров до дома господина Тамру — двадцать шагов открытого места. Между ними — кусты акации. Густые. Если лечь в них, с дороги не увидят.

Я чистил, поглядывал по сторонам, слушал.

Дом господина Тамру — одноэтажный, черепичная крыша, резные ставни. Окно на юг. Рядом коновязь. Если гость приедет верхом — по коню видно, надолго ли. Оседлан — скоро уедет. Расседлан — ночует.

В полдень я увидел пыль на дороге.

Всадник. Один.

Я прищурился. Вспомнил: «Смотри на посадку. Офицер сидит прямо, как кол проглотил. Торговец — ссутулившись. Шпион — оглядывается».

Всадник сидел прямо. Но перед воротами бросил взгляд через плечо. Назад. Туда, откуда приехал.

Я запомнил.

Вечером мы сидели у лампы, где были стапельблоки, подальше от случайных глаз — отгороженной циновкой. Незнакомец слушал, не перебивал.

— Один всадник, — докладывал я. — Спина прямая. Но оглянулся — значит, ждёт кого-то или опасается погони. Лошадь расседлали — ночует. В доме господина Тамру зажгли свечи во всех окнах. Обычно горят в двух. Значит, готовятся к важному гостю.

— Что ел?

— Не видел. Но из кухни дважды выходил слуга с подносом. Первый раз — с остатками риса и рыбы. Второй — с пустой посудой и куриными костями. Ужин плотный. После такого либо спят, либо пьют чай и говорят.

— С кем говорил?

— Слышал обрывки. Староста называл его «господин Луи». Разговор о поставках. Кто-то задерживает грузы. Господин Луи обещал навести порядок.

Незнакомец кивнул.

— Хорошо. Но мало. Где его спальня?

Я замер.

— Не знаю. Не видел.

— Узнай. До его отъезда. Южная спальня — проездом, на день-два. Северная — задержится. Если он останется на три дня — на верфь придёт проверка. Будут искать грамотных рабочих, тайные письма, тех, кто знает больше, чем положено.

У меня похолодело внутри.

— Меня найдут?

— Если будешь ошибаться — да, — ответил незнакомец. — Поэтому будь осторожен. И узнай.

Я кивнул.

В эту ночь я не спал. Лежал на нарах, прикрыв глаза, слушал барак. Дыхание каждого. Кто храпит — спит. Кто дышит ровно — притворяется. Кто сбивчиво — боится.

Трое дышали сбивчиво.

Я запомнил их места. Плотник с обрубленным ухом. Парень с татуировкой на шее. Старик, который кашлял.

Они тоже чего-то ждали или боялись.

Утром я встал до света. Вышел во двор — умыться. На самом деле — к дому старосты. Лошадь стояла расседланная. Окна южной спальни распахнуты. Проездом. На день-два. Я выдохнул.

Но когда повернулся уходить — увидел его.

Господин Луи стоял на крыльце и смотрел прямо на меня.

— Ты, — позвал он. — Подойди.

Сердце ёкнуло. Я шагнул к нему, опустив голову, руки сжал в кулаки, чтобы не дрожали.

— Ты кто? — спросил он.

— Рабочий с верфи, господин. Чищу сортиры.

— Давно работаешь?

— Третий месяц.

Он прищурился, посмотрел на мои руки.

— Следов от работы мало. Не похож на чернорабочего.

Я вспомнил урок: «Ложь выдаёт дыхание. Правда — глаза».

Я поднял голову и посмотрел ему в переносицу.

— Я конопатчик, господин. Руки всё время в смоле. Смола сдирает кожу — мозоли не держатся. Следов не остаётся.

Он смотрел долго. Очень долго.

— Ступай.

Я поклонился и пошёл. Не торопясь. Не оглядываясь.

Спина горела от его взгляда, но я считал шаги. Двадцать до кустов. Сто до барака. Триста до вечера.

Вечером я докладывал незнакомцу:

— Южная спальня. Проездом. Уезжает с утренним приливом.

Незнакомец кивнул.

— Ты сделал больше, чем я просил. Попал в его поле зрения и вышел сухим.

Он выдержал паузу.

— Ты готов к следующему уроку.

— Какому?

— Шпионаж — половина дела. Теперь ты научишься убивать. Не кулаком. Не ножом.

Словом.

Он протянул новый свиток.

— Здесь написано, как посеять сомнение в голове врага. Как заставить его подозревать своих. Как перессорить сильных и пройти между ними незамеченным.

Я взял свиток.

— И это — оружие?

— Самое опасное, — ответил незнакомец. — Меч убивает одного. Слово — армию.

В ту ночь я не читал свиток.

Я сидел на берегу, смотрел на воду и впервые за долгое время не боялся завтрашнего дня. Я знал, кто спит в южной спальне. Кто берёт взятки. Кто притворяется хромым. Кто боится темноты.

Утро началось с крика.

Я ещё не открыл глаза, а уже знал: что-то случилось. В бараке было слишком тихо. Даже храп плотника Хэка оборвался на полуслове.

— Вста-а-ать! — заорал надсмотрщик Ван, врываясь в барак. — Переключка во дворе! Живо!

Я скатился с нар, натянул рубаху. Краем глаза заметил: трое — те, что дышали сбивчиво ночью, — переглянулись. Парень с татуировкой на шее побледнел.

Во дворе уже строили рабочих. Ван ходил вдоль шеренги с хлыстом, постукивал по голенищу. Рядом стоял господин Луи — в дорожном плаще, но без лошади. Значит, не уехал.

— Вчера ночью, — начал Ван, — со склада пропал ящик с инструментом и доска. Дорогой инструмент. Медные скобы, стамески, добрый набор. Кто взял — сознавайтесь сами. Или будем обыскивать всех.

Тишина.

Я стоял ровно, смотрел перед собой. Но внутри всё перевернулось. Ящик с инструментом? Вчера я видел, как двое грузчиков тащили что-то тяжёлое к западным воротам. Не к складу — к воротам. Я не придавал значения. А теперь — обыск.

— Обыскивать! — рявкнул Ван.

Стражники пошли по шеренге. Я сжал зубы. У меня под нарами лежал свиток. Чэнь Вэй велел прятать, но вчера я читал допоздна и забыл убрать.

Если найдут — всё. Грамотный раб — это шпион. Шпиона — в петлю.

Стражник подошёл ко мне. Рывком вывернул карманы, хлопнул по поясу, по ногам.

— Чист, — бросил он и пошёл дальше.

Я выдохнул. Но внутри колотилось. Свиток остался под циновкой. Если обыщут барак — найдут.

Но Ван не стал обыскивать барак. Он остановился перед парнем с татуировкой на шее.

— А ну, — сказал он, — выверни рукава.

Парень побледнел ещё сильнее. Медленно, трясущимися руками, вывернул левый рукав. Пусто. Правый.

Из правого рукава выпала медная скоба.

Тишина стала звонкой.

— Так, — сказал Ван. — Взять его.

Парень дёрнулся, попытался бежать, но стражники скрутили его в три счёта. Он закричал:

— Не я! Подбросили! Господин, не я!

Господин Луи шагнул вперёд. Посмотрел на парня спокойно, как на мешок с мусором.

— Пороть, — сказал он. — Пока не скажет, кто велел.

Парня поволокли к столбу. Я стоял в шеренге и смотрел. В голове стучало: «Он не брал. Подбросили. Кто-то подставил его. Зачем?»

Я вспомнил, как вчера вечером плотник с обрубленным ухом подходил к нарам парня. Сказал что-то, хлопнул по плечу. Парень кивнул.

Плотник с обрубленным ухом стоял сейчас в соседнем ряду. Лицо каменное. Глаза не моргают.

Я всё понял.

Это не кража. Это чистка. Кто-то убирает свидетелей или тех, кто знает лишнее. Парня с татуировкой заказали. А подстава — дело рук того, кого я пометил как «подозрительного».

Вечером, когда всё стихло, я сидел у лампы перед незнакомцем.

— Сегодня случилось то, чему я не учил тебя, — сказал он. — Практика. Ты видел всё с самого начала?

— Да, — ответил я. — Видел, как грузчики тащили ящик к западным воротам. Видел, как плотник с ухом подходил к парню вечером. Я сложил два и два.

— И что ты сделал?

Я опустил голову.

— Ничего.

— Почему?

— Не знал, кому можно верить. Испугался, что свиток найдут. Думал только о себе.

Незнакомец смотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Честный ответ. Это стоит дорого. Ты ошибся, но понял, в чём ошибка. Завтра начнётся новый урок.

— Какой?

— Не просто смотреть и собирать. А действовать. Вовремя. Потому что информация без действия — это мёртвый груз. Ты видел преступление, но промолчал. Значит, ты — соучастник.

Слова ударили как пощёчина.

— Я не соучастник, — глухо сказал я.

— Докажи, — ответил незнакомец. — Завтра. Пойдёшь к Вану и скажешь, что вчера видел грузчиков у западных ворот. Не называя имён. Просто факт. Пусть Ван сам копает.

— Но меня спросят, почему я молчал сегодня!

— Скажешь: боялся. Это правда. А завтра перестанешь бояться. Начнёшь играть.

Я молчал. Потом кивнул.

Семнадцатый день. Первый ход.

Утром я подошёл к Вану, когда он проверял доски у пилорамы.

— Господин Ван, — сказал я, глядя в землю. — Я вчера видел. Вечером, перед пропажей.

Двое грузчиков тащили тяжёлый ящик к западным воротам.

Ван замер. Повернулся ко мне медленно, как змея.

— Почему молчал?

— Испугался, господин. Думал, меня тронут. Но ночью подумал: если буду молчать, они и меня подставят.

Ван смотрел на меня. Потом усмехнулся.

— Умный, сука. Ладно. Иди работай.

Я ушёл. Сердце колотилось, но в груди было легко. Я сделал первый ход не как жертва — как игрок.

Днём Ван арестовал двоих грузчиков. Тех самых. Они начали говорить — назвали имя. Плотник с обрубленным ухом исчез к вечеру.

А я впервые за много дней ел ужин не торопясь. Потому что знал: сегодня выиграл я. Незначительный раунд, но победа есть победа.

Вечером незнакомец не похвалил меня. Он просто сказал:

— Завтра начинаем новое. Ты научился видеть, слушать, собирать и наносить удар словом. Теперь — самое сложное.

— Что?

— Научись молчать так, чтобы тебя слышали. И говорить так, чтобы тебя забывали.

Он протянул новый свиток.

— Это техника управления разговором. Как заставить собеседника сказать лишнее. Как самому не сказать ничего.

Я взял свиток. Ладонь дрожала — но уже не от страха. От предвкушения.

Двадцатый день. Смотрины.

Ко мне пришли.

Не Ван. Не староста — посыльный из управы. Сказал, что господин Луи хочет меня видеть. Немедленно.

В доме господина Тамру было натоплено. Господин Луи сидел за столом, пил чай. Рядом — стопка бумаг.

— Садись, Сяо Ху.

Я сел. Руки положил на колени, ладонями вниз — чтобы не видел дрожи.

— Ты донёс на грузчиков, — сказал он без предисловий. — Почему?

— Потому что кража вредит верфи, господин. Я здесь работаю, кормлюсь. Если верфь разворуют, мне негде будет работать.

— Ты говоришь как старый плотник, — усмехнулся Луи. — А староста говорит, что ты странный. Слишком умный для конопатчика.

Я вспомнил урок. «Ложь выдаёт дыхание. Но лучшая ложь — это правда, которую не хотят слышать».

— Я не конопатчик, господин, — сказал я.

Луи поднял бровь.

— Я был писарем. В уездном городе. Потом хозяин разорился, меня продали в работники. Я умею считать и писать. Но здесь это никому не нужно. Я чищу сортиры.

Ли смотрел на меня. Я выдержал взгляд.

— Писарь? — переспросил он. — И сколько ты знаешь иероглифов?

— Три сотни, господин.

— Напиши.

Он подвинул мне кисть и бумагу. Я взял, макнул в тушь. Написал: «Честный работник — опора верфи».

Почерк был кривой. Рука нервно держала кисти. Но иероглифы были правильные.

Луи прочитал, хмыкнул.

— Хорошо. Будешь помогать старосте с бумагами.

Я поклонился.

— Благодарю, господин.

Внутри всё пело. Я не просто выжил — я влез в доверие. Теперь я буду видеть документы. Счета. Имена поставщиков. Кто кому должен.

Позже, я пришёл к незнакомцу.

— Меня взяли писарем к старосте.

Он не улыбнулся. Только кивнул.

— Теперь начинается настоящая игра. Ты внутри. Ты видишь всё, чем выше залезешь, тем больше падать.

— Я помню, — сказал я. И сейчас, я спросить у вас хочу.

Глава 6

— О чём ты хочешь спросить? — незнакомец вопросительно поднял бровь.

— Я согласился на ваши условия. Играл по вашим правилам. Всё ради одного: узнать, что такое Ци. Чэнь Вэй обещал рассказать, как стать сильнее.

— Разве ты не стал сильнее? Ты спишь не в камере. Ешь за одним столом с батраками, а не с ладони, как раб.

— Это не то, что я ищу. Если хотите, чтобы я продолжал шпионить для вас — вот мои условия. Научите меня тому, что я действительно хочу.

Чэнь Вэй подошёл к столу — старой бочке из-под дёгтя — и положил руку на плечо Неизвестного.

— Старый друг, — тихо сказал он. — Пора открыть правду мальцу. Он старался. По-настоящему. Кто мы такие перед небом, если парень ищет смерти?

— Твоя правда, брат. — Незнакомец медленно кивнул и повернулся к Сяо Ху. — Слушай внимательно, ученик.

Урок для новичка: «Даосская лестница — путь к бессмертию»

Учитель прищурился, голос стал жёстким:

— Ты стоишь на пороге великого пути. Пути культивации. Здесь нет места слабости и сомнениям. Наша цель — подняться по даосской лестнице и обрести бессмертие. Но каждый шаг — это битва. С собой. С законами мира. С судьбой. Ты готов?

Сяо Ху сглотнул:

— Но что это за лестница? И что за Ци, о которой все говорят?

— Ци — жизненная энергия мира. — Глаза учителя вспыхнули. — Она везде: в ветре, в воде, в твоём дыхании. Это топливо для пути. Без Ци ты — смертный, обречённый увядать. С Ци ты можешь стать богом. Но сначала ты должен её покорить.

Этап первый. Конденсация Ци — «Битва за дыхание»

— Ты — воин в пустыне, где воздух ядовит. Твоя задача — фильтровать этот воздух, чтобы выжить. Тело сопротивляется. Энергия жжёт меридианы, как огонь — сухую траву. Твоё оружие: медитация, дыхательные практики, поглощение энергии природы. С каждым днём ты удерживаешь всё больше Ци. Но цена — боль. Головокружения. Риск взрыва меридиан.

Без этого ты навсегда останешься смертным.

Девять слоёв. Ты укрепишь тело, продлишь жизнь но это лишь начало.

Этап второй. Заложение Основы — «Фундамент бессмертия»

— Теперь ты превращаешь накопленную Ци в столп основы в даньтяне — энергетическом центре ниже пупка. Это как залить фундамент для дворца. Если он треснет — всё рухнет.

Кожа, мышцы, кости перестраиваются на энергетическом уровне. Нужны особые упражнения, эликсиры, ритуалы слияния с природой. Каждый слой — как перерождение. Ты теряешь старые слабости и приобретаешь новые силы. Но без прочного фундамента следующие этапы тебя раздавят.

Девять слоёв. Ты обретёшь долголетие — около ста лет. И базовую силу культиватора.

Этап третий. Формирование Ядра — «Опасная трансмутация»

— Следующий шаг — разрушить столп основы и создать золотое ядро в даньтяне. Это как взорвать старый дом, чтобы построить замок.

Риск смертелен. Неудача = потеря культивации или смерть. Ты концентрируешь всю Ци в одной точке, плавишь энергию в ядре. Балансируешь на грани жизни и смерти. Тело горит. Душа страдает. Но только с ядром ты сможешь управлять энергией на новом уровне и жить до трёхсот лет.

Девять слоёв. Ты становишься существом, превосходящим смертных.

Этап четвёртый. Зарождение Души — «Пробуждение сознания»

— Теперь ты работаешь не с телом, а с душой. Твоя задача — пробудить и укрепить её. Душа слаба и пуглива. Она не хочет выходить за пределы тела. Тебе нужна медитация на грани сна и бодрствования. Общение с духами. Практики «видения астрала». Ты увидишь свои страхи, грехи, тени прошлого. Сможешь ли ты их преодолеть?

Только сильная душа даст тебе тысячи лет жизни и вечную молодость.

Девять слоёв. Ты обретёшь власть над эмоциями, памятью, судьбой. Долголетие — до двух тысяч лет.

Этап пятый. Хуашэнь — «Испытание божества»

— Последний рывок перед бессмертием: укрепить душу до уровня божества.

Тебя ждут «Скорби Вознесения Души» — семь испытаний. Каждое — как битва с древним демоном. Испытание огнём, водой, пустотой, временем Они ломают тебя и воссоздают заново.

Успех — статус полубога. Неудача — вечное забвение.

Два пути: — Пройти скорби по очереди — Царство Императора. — Пройти разом — Царство Владыки Дао Домена.

Этап шестой. Бессмертные стадии — «Вечность или падение»

Голос учителя стал тише, почти шёпотом:

— Если выживешь — перед тобой откроются врата бессмертия.

Земной Бессмертный — до ста тысяч лет жизни, тридцать шесть слоёв силы. Небесный Бессмертный — власть над стихиями, звёздами, судьбами. Великий Бессмертный — вершина пути. Ты — закон, а не подчинён ему.

Но даже бессмертие не вечно. Всегда есть кто-то сильнее. Вечная борьба за ранг, ресурсы, знания. Каждый день — новая угроза: демоны, древние враги, космические силы.

Два варианта: остаться на вершине или исчезнуть в пыли времён.

Учитель выдержал паузу и посмотрел Сяо Ху прямо в глаза:

— Запомни, ученик: каждый этап — это смерть и возрождение. Боль — твой учитель. Страх — твой компас. Цель всегда одна — не остановиться. Ибо остановка равна падению. Готов ли ты взойти на эту лестницу? — Но — Сяо Ху нахмурился. — Где всё это? Где ресурсы, практики, учителя? — На Боевом континенте. — Незнакомец скрестил руки на груди. — Мало кто знает, как туда попасть. Единицы. И если ты туда попадёшь, станешь изгоем. У тебя нет ни клана, ни секты. Ты вообще другой. Даже глаза у тебя голубые. Он помолчал. — Вот почему мы тянули с рассказом о Ци. Старик помолчал, а потом медленно, тяжело поднялся. Отношения изменились: теперь он смотрел на ученика сверху вниз. — Знаешь, почему у вас на этом континенте никто не слышал о Ци? — Он повернулся спиной, взял с бочки старую, потрескавшуюся карту. На ней не было морей и гор. Одиноким клочок земли. — Потому что Боевой континент проклят. Мы, его дети, рождаемся с серыми глазами, — он показал свои, мутные, выцветшие, — а ты — голубоглазый выродок. Там тебя не просто не примут. Там тебя убьют при первой встрече. Не за знание. За цвет радужки. Ты — чужеродный элемент. — Он резко, с силой ткнул пальцем в карту. — Если я расскажу тебе всё, ты побежишь туда. Потому что ты молодой, глупый и хочешь стать сразу сильным. А я тогда получу на шею ещё один труп ученика. — Он бросил карту на пол. — Выбирай. Или ты учишься здесь — медленно, больно, под нашим присмотром. Или ты уходишь без всего — и твои глаза убьют тебя раньше, чем ты найдёшь первый источник Ци. — Я с вами, я готов дальше вам помогать. У меня есть должники, и что будет толку с меня, если я не возьму с них долг? — сказал я вслух, а про себя подумал, что пусть учат всему, а как придёт время, я отправлюсь на Боевой континент. — Контракт! «Предлагаю контракт», — сказал Чэнь Вэй. Он побоялся, что такой простой в гениальности план, который несколько лет не мог воплотиться из идеи в жизнь, сейчас просто рухнет. — Я сейчас, — Вэй отсутствовал минут пятнадцать. Ничуть не запыхавшись, он вынул из-за пазухи

книгу и велел мне прочитать название. — «Практика накопления и трансформации Ци: суть и этапы». Я захотел прыгать и орать от радости, еле сдержался, чтобы сохранить хладнокровие.

— Теперь открой первую страницу и прочти базу. А потом контракт. Под тусклым светом лампы я приступил к чтению заголовка: — Цель практики — накопить «истинную Ци» в теле и провести её через серию энергетических точек («девять ключей»), чтобы преобразовать в более высокую форму энергии. Ци циркулирует по особым каналам (меридианам) и должна пройти полный цикл — «Великую неделю» (на одном дыхании), чтобы закрепиться в «море Ци» (резервуаре энергии). — Итак, вернёмся к контракту. Мы показали, что доверяем тебе, показали, что сможем помочь вступить на путь постижения Ци. Научить базовым практикам. Ты показал нам, что можешь и хочешь учиться. Мы все поняли, что нужны друг другу. Как итог: мы поможем тебе с начальной практикой и подарим эту бесценную запись. В нужный момент, когда придёт время, ты сделаешь всё, чтобы один из нас, а лучше мы оба, оказались рядом с господином Бон-Баши. — Но я даже ни разу не видел господина Бон-Баши, здесь только его управляющий живёт. Как я смогу это пообещать? — Поверь, придёт время, и сам Бон-Баши сюда приедет. Мы это знаем. Так что? Контракт? Я не хотел и не мог упустить этот случай и сказал: «Контракт, но мне нужен маршрут, как попасть на Боевой континент». — В книге на последней странице будет указан точный маршрут. Я сам его оставляю, как ты исполнишь наш контракт. — Тогда по рукам.

Контракт.

Чэнь Вэй достал из-за пазухи сверток. Развернул. На столе лег лист плотной бумаги — не местной, не грубой, а тонкой, с водяными знаками. Такие я видел только у купцов первой гильдии.

— Читай вслух, — сказал он.

Я взял лист. Пальцы чуть дрожали — но уже не от страха. От предвкушения.

«Я, Сяо Ху, добровольно вступаю в соглашение с Чэнь Вэем и Чжан Лином. Обязуюсь: Хранить тайну учения о Ци и Боевом континенте.

По первому требованию явиться к месту встречи и оказать содействие в деле господина Бон-Баши.

Не причинять вреда наставникам ни словом, ни делом, ни помыслом.

Взамен Чэнь Вэй и Чжан Лин обязуются:

Передать книгу «Практика накопления и трансформации Ци: суть и этапы».

Обучить основам дыхания, открытию ключей и циркуляции Ци в течение одного лунного цикла.

По выполнении условий контракта — выдать полный маршрут к Боевому континенту.

Подписи ставятся кровью. Нарушитель клятвы теряет жизнь в течение года».

Я поднял глаза:

— Кровью?

— Иначе контракт не держит, — спокойно ответил Чэнь Вэй. — Обычная бумага — пыль. А кровь — память. Нарушишь — умрешь. Медленно. Мы тоже подпишем — тогда мы связаны так же.

Чжан Лин молчал, но смотрел в упор. Взгляд — как гвоздь.

Я взял иглу, которую Чэнь Вэй протянул мне. Уколол палец. Выступила капля, темная, густая.

Прижал палец к бумаге. Провел линию под именем.

Чэнь Вэй кивнул. Сделал то же самое. Потом Чжан Лин.

Три кровавых отпечатка горели на бумаге, как три закрытых рта.

— Готово, — сказал Чэнь Вэй. — Теперь ты — наш. А мы — твои.

Он протянул мне книгу.

Я взял ее. Кожаный переплет, потертый, с обгоревшим краем. Пахло старостью, пылью и чем-то кислым — может, кровью прежнего владельца.
— Береги, — сказал Чжан Лин. — Это единственный экземпляр. Второго нет.
Я кивнул и ушел в свой угол.

Глава 7

Двадцать пятый день. Новая власть.

Новый староста приехал утром. Сухой, жилистый, с глазами как у ястреба. Представился — господин Серкан.

— Старший брат Вана, — шепнул кто-то из грузчиков. — У него рука железная. В прошлый раз он уморил работой десять человек за месяц. Сказал: «Лень лечат трудом».

Я стоял у входа в бывший дом Тамру и ждал.

Серкан подошёл ко мне, осмотрел с головы до ног.

— Ты писарь?

— Да, господин.

— Говорят, ты убрал Тамру. Одной бумагой.

— Я показал цифры, господин. Всё остальное сделал господин Ван.

Серкан усмехнулся. Щербатый рот, редкие зубы.

— Скромный. Это хорошо. Скромных не бьют первыми. Заходи, разберём бумаги.

Я зашёл. Весь день мы перетряхивали архивы. Серкан работал как машина. К вечеру он нашёл три нестыковки. Ничего не сказал — просто отложил в сторону.

Я смотрел.

Перед уходом он повернулся ко мне:

— Завтра привезут новый лес. Будешь принимать лично. Считать каждую доску. Если хоть одна пропадёт — спрошу с тебя.

— Понял, господин.

Я вышел. Пот заливал глаза.

Вечером я пришёл к незнакомцу. Сидел, молчал.

— Что молчишь? — спросил он.

— Серкан — зверь. Он считает каждую крошку. Если я ошибусь — он меня сгноит.

— А если не ошибёшься?

— Тогда я стану его правой рукой. И выйду на новый уровень.

Незнакомец хмыкнул.

— Ты запомнил этапы очищения Ци?

— Да. Двенадцать весов. Газ — жидкость — мутация. Девять ключей. Жэнь и Ду. Великий круг.

— Повтори ключи.

Я закрыл глаза, вспоминая слова наставника:

— Юнцюань. Анус и промежность. Даньтянь. Цихай. Чтение по позвоночнику. Пурпурный дворец у сердца. Горло. Солнце на голове. Бульвар на макушке.

— Хорошо. А теперь ответь: зачем тебе это?

Я открыл глаза.

— Чтобы не быть пешкой. Чтобы самому решать, кому проигрывать, а кому — нет.

Незнакомец встал. Подошёл ко мне. Положил руку на плечо.

— Тогда слушай. Сейчас ты открыл только первый ключ — в голове. Ты понял игру. Но тело ещё слабо. Чтобы открыть второй ключ — Юнцюань — нужно заставить Ци течь. А для этого нужно дышать правильно. Я научу тебя завтра.

— А что будет, если я открою второй ключ?

— Ты почувствуешь землю. Каждый камень под ногами. Каждую трещину. Ты перестанешь спотыкаться. Ты начнёшь чувствовать, где ложь, а где правда — не головой, а нутром.

Я кивнул. В груди зажглось.

Двадцать шестой день. Первая Ци.

Ночью незнакомец разбудил меня. Вывел во двор. Луна полная, тишина, только ветер шуршит по доскам.

— Сними обувь.

Я снял.

— Встань на землю. Ноги на ширине плеч. Руки опусти. Закрой глаза. Дыши носом. Вдох — втяни низ живота. Выдох — расслабь.

Я стоял босиком на холодной земле. Пальцы подгибались от холода.

— Не думай о холоде, — сказал незнакомец. — Думай о тепле. Внутри.

Я дышал. Минута. Пять. Десять.

Ничего.

— Я ничего не чувствую, — сказал я.

— Не чувствуешь — значит, не стараешься. Отключи голову. Слушай тело.

Я попробовал снова. Вдох — живот втягивается. Выдох — расслабление.

И вдруг — странное ощущение. Как будто из пальцев ног потянуло тепло. Медленно, по костям, по голени, в колено. Словно внутри струится масло.

Я распахнул глаза.

— Почувствовал?

Я кивнул. Говорить не мог.

— Это и есть Ци. Первое касание. Ты открыл Юнцюань. Поздравляю. Ты больше не совсем человек.

Я стоял и смотрел на свои ноги. Они горели теплом. Земля под ними — я чувствовал её. Каждую травинку, каждый камешек.

— Что теперь? — спросил я.

— Теперь — практиковать каждый день. Пока не почувствуешь точки ануса и промежности. Это второй этап. Потом — Даньтянь. И так по ключам.

Он посмотрел на небо. Луна уже клонилась к закату.

— У нас мало времени. Серкан не дурак. Он заметит, что ты меняешься. Не показывай. Будь прежним — слабым, незаметным писарем. Только внутри — расти.

Я сжал кулаки.

Впервые за долгое время я чувствовал, что становлюсь кем-то другим. Не просто рабом. Не просто писцом.

Кем-то, кто может ударить в ответ.

Утром я принял лес. Считал каждую доску. Серкан стоял за спиной, молчал. Когда я закончил, он сказал:

— Ни одной ошибки.

— Я старался, господин.

Он посмотрел на меня. Взгляд — как лезвие.

— Ты не просто стараешься. Ты ищешь. Знаешь, что ищешь?

Я молчал.

Он усмехнулся и пошёл прочь. Но на ходу бросил:

— Ищи лучше. Когда найдёшь — мне скажешь. Первым.

Я стоял и смотрел ему вслед.

Что он знает? Что он видит?

Внутри тепло поднималось по ногам. Юнцюань гудел, как струна.

Второй ключ. Второй шаг.

На утро.

Я вышел из общей уборной — и сразу понял: что-то не так. Запах пота, перебивающий нечистоты. Чужое дыхание за спиной. Дверь захлопнулась, и щеколда со скрежетом встала на место. Я обернулся — в сумраке, у стены, стоял он.

Парень с татуировкой на шее.

Тот самый, которого Ван выпорол плетью. Помню, как он корчился на столбе. Как кожа лопалась. Как он молчал, стиснув зубы, и смотрел. На меня.

Тогда я не придумал значения.

Теперь — он смотрел так же. Но руки были сжаты в кулаки. А в глазах — не боль, а пламя.

— Ты. — Голос хриплый, с присвистом. — Скажи, склянщик, туалетчик, а сейчас писарь, почему меня выпороли?

Я молчал. Прикидывал расстояние до двери. Минус.

— Я спросил, — он шагнул вперёд, — почему меня выпороли?

— Ты украл доску и инструменты. Тебя поймали. Я считал. Цифры не сошлись.

— Я взял одну доску! — рявкнул он, и эхо ударило о стены. — Одну! Чтобы матери на гроб! Она умерла, не выдержала неволи, на третий день после поселения в барак её высекли за кусок хлеба, она сама не съела кусочек, берегла для меня, понял?! Я не успел! Не успел её уберечь!

Голос сорвался. Он замолчал, тяжело дыша. В тишине капала вода из протекающей крыши.

— Ты дал цифры Вану, — сказал он тихо. — Ты. Из-за тебя меня выпороли. Из-за тебя я не успел.

— Я не знал, — сказал я.

— Это ничего не меняет.

Он ударил первым.

Удар в солнечное сплетение — короткий, резкий, без замаха. Я сложился пополам, воздух вышел со свистом. Коленом в лицо — я отшатнулся, ударился затылком о стену. В глазах потемнело. Кровь из носа — тёплая, солёная — потекла по губам.

— Не ори, — сказал он спокойно. — Никто не услышит.

Он схватил меня за волосы, рванул вниз — я упал на колени. Ещё удар, теперь по почкам. Боль вспыхнула, как игла, пронзила до кончиков пальцев. Я попытался вдохнуть — не смог.

Он работал молча. Удары были тяжёлые, вязкие, но без звука. Ладонью, кулаком, локтем — в корпус, в рёбра, в живот. Ни одного в лицо. Ни одного синяка, который заметит Ван. Чистая работа.

Я не кричал. Сцепил зубы и терпел.

Дыши, — шепнул внутренний голос. — Дыши, как учили.

Я попробовал — животом. Шар. Тепло. Резкая боль в боку — и шар лопнул.

Он ударил ещё раз. Я рухнул лицом в пол. Грязный, мокрый пол уборной. Запах мочи и известки.

Он наклонился, прошептал над ухом:

— Я не убью тебя. Ван заметит, и тогда мне конец. Но я запомнил тебя, писарь. И каждый раз, когда увижу — я буду вспоминать, как ты считал доски, пока моя мать гнила без гроба. Запомни моё лицо. Потому что я — твой должник. И я приду.

Он выпрямился, поправил рубаху, открыл дверь и вышел.

В уборной осталась тишина. Капала вода. Я лежал на полу, стараясь дышать. Рёбра ныли. Скула горела. Внутри — пустота и злоба.

Я поднялся. Медленно. Вытер кровь рукавом. Посмотрел в медное зеркало на стене. Опухший нос, разбитая губа, но лицо чистое. Следов нет.

— Буду ждать, — прошептал я. — Но в следующий раз — я ударю первым.

Я сплюнул кровь в галюн и вышел.

День прошёл как в тумане. Ночью, я не спал. Лежал на нарах, смотрел в потолок, слушал, как трещат доски под тяжестью чужих тел. Рёбра ныли ровным, тупым гулом. Каждый вдох отдавался в левом боку — туда он бил особенно старательно.

Я прокручивал удары. Каждый — как кадр медленной плёнки. Удар в корпус — я согнулся. Колено в лицо — отшатнулся. Почки — упал. Чистая работа, без лишнего. Он знал, куда бить, чтобы не убить, но чтобы запомнил.

Я запомнил.

Не боль. А свою беспомощность.

Я лежал на грязном полу уборной, и единственное, что я мог — терпеть. Я даже не попытался ударить в ответ. Даже не поднял руку. Я просто принял, как принимал всё до этого — удары Вана, крики Тамру, плевки грузчиков.

Но внутри что-то сломалось.

Тот парень прав. Я дал цифры. Я считал доски. Я — причина его порки. Не Ван. Ван — только рука. Я — глаз, который увидел. Я — палец, который указал. Я думал, что я жертва. Что я просто выполняю приказы. Что я маленький писарь, который вынужден считать, чтобы выжить.

Но жертвы не считают доски, зная, что за каждую нестыковку выпорют другого.

Жертвы не становятся правой рукой палача, притворяясь, что у них нет выбора.

Я закрыл глаза. В груди — не боль. Холод.

Я встал. Тихо, чтобы не разбудить соседей по нарам. Вышел во двор.

Луна почти скрылась. Тьма — хоть глаз выколи. Незнакомец сидел на бревне у забора, курил. Услышал шаги, не обернулся.

— Не спится?

— Меня избили сегодня, — сказал я.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты хромаешь на левую ногу. Держишься за ребра. Губа разбита. И ты злой. Не как обычно — тихо злой, внутри. А как зверь. — Он затаился, выпустил дым. — Это хорошо.

— Хорошо? — Я шагнул к нему. — Меня избили как собаку, а ты говоришь — хорошо?

— Потому что ты злишься не на того, кто тебя ударил. А на себя. За то, что не ударил в ответ. — Он повернулся, посмотрел на меня в упор. В темноте блеснули белки глаз. — Ты созрел.

— Для чего?

— Для второго ключа.

Он встал, подошёл ко мне, развернул спиной. Положил ладонь на поясницу, чуть выше копчика. Надавил костяшками в одну точку — я дёрнулся. Внутри, глубоко, отозвалось тупой болью.

— Чувствуешь? Это твой внутренний зажим. Страх. Стыд. Вся грязь, которую ты копил годами, осела здесь комом. Его нужно растворить.

— Как?

— Дыханием. Представь, что твоё тело — труба. Стопы — вход. Макушка — выход. Сейчас труба забита. Твоя задача — дышать так, чтобы поток Ци пробил эту пробку. Не думай о том, где именно. Просто толкай тепло вверх, из стоп, через колени, через бёдра, через поясницу. Когда дойдёшь до пробки — не останавливайся. Дави. Дыши. Ломай.

Я стоял, согнувшись. Дышал. Пытался представить тело трубой. Тепло от стоп шло легко, до колен — тоже, до бёдер — с трудом, а выше — упиралось в глухую стену. Я давил дыханием. Ничего.

— Не идёт, — выдохнул я.

— Потому что ты боишься этой точки. Ты знаешь, где она, и боишься туда смотреть. Это твой позор. Твоя слабость. Твоя детская беспомощность. Отпусти её. Перестань быть мальчиком, которого бьют. Стань мужчиной, который бьёт сам.

Я закрыл глаза. Вспомнил, как лежал на полу уборной. Как не мог вдохнуть. Как скулил внутри.

Я больше так не буду.

И что-то щёлкнуло. Не физически — энергетически. Тепло, которое упиралось в стену, вдруг продавило её — не резко, а медленно, как гнойник, который наконец прорвало. Оно хлынуло вверх, горячее, почти обжигающее, прошло через поясницу, через спину и застряло между лопаток.

Я выдохнул. По лбу потёк пот.

— Дошло? — спросил незнакомец.

— Дошло.

— Запомни это ощущение. Завтра повторишь. А когда Ци дойдёт до макушки — ты станешь другим человеком. — Он сел обратно на бревно. — А теперь про парня с татуировкой. Ты будешь его бить?

— Буду.

— Когда?

— Завтра.

— Он сильнее. Он тренированный. Он дерется с детства — на улице, в порту, в драках за еду. Ты — писарь, который неделю назад открыл стопы и сегодня впервые пробил пробку. Если ты полезешь в открытую — он тебя убьёт.

— Я знаю.

— И всё равно полезешь?

Я посмотрел на него. В темноте мои глаза, наверное, блестели так же, как его.

— Если я не ударю его завтра — я ударю послезавтра. Если не послезавтра — через неделю. Но я буду знать, что я трус. И Ци не пойдёт выше. Я застряну на втором ключе навсегда. Потому что ключи открываются не телом. А головой. И волей.

Незнакомец молчал долго. Потом хмыкнул.

— А ты понял. — Он встал, хлопнул меня по плечу. — Ладно. Завтра я подстрахую. Если он начнёт тебя резать — я вмешаюсь. Но только если начнёт резать. Всё остальное — твоё.

Он ушёл в темноту. А я остался стоять. Тепло в пояснице пульсировало в такт сердцу.

Я сжал кулаки.

Двадцать восьмой день. Моя очередь.

Утро началось как обычно. Серкан проверил учёт леса. Я отчитался ровно, без ошибок. Он кивнул, ушёл в контору.

Я ждал.

Обед. Рабочие сели в тени. Я не ел. Смотрел на ворота.

Он пришёл, когда солнце стояло в зените — самое жаркое время, когда все прячутся, а охрана дремлет.

Татуированный. Шёл через двор, по диагонали, с пустым ведром — якобы за водой. Увидел меня. Остановился. Усмехнулся.

Я сидел на штабеле досок, прямо на солнцепёке. Ждал его.

— Ждёшь кого-то, писарь? — спросил он, подходя. Голос ленивый, уверенный. — Или снова считаешь доски?

Я встал.

— Тебя жду.

Он остановился в трёх шагах. Поставил ведро на землю. Посмотрел на меня — оценивающе, как мясник смотрит на тушу.

— Смелый стал. Или глупый?

— Я не знал про твою мать, — сказал я. — Когда считал доски, я не знал, что ты взял их на гроб. Знал бы — может, промолчал. А может, и нет. Но это неважно.

— А что важно?

— То, что ты прав. Я дал цифры. Я — причина. И я принимаю твой вызов.

Он удивлённо поднял бровь.

— Какой вызов?

— Тот, который ты бросил мне в уборной. Я принимаю. Сегодня. Сейчас.

Я шагнул к нему. В груди — холод. В ногах — тепло. В пояснице — пульсация.

Он засмеялся. Коротко, зло.

— Ты хочешь драться? Ты, писарь? Ты, который скулил на полу уборной, а я бил тебя как мешок? Ты хочешь, чтобы я повторил?

— Я хочу, чтобы ты попробовал, — сказал я. — Ещё раз.

Я ждал кулаки. Неправильно — как учил незнакомец: не в кулак, а в ладонь. Большой палец снаружи. Дышать животом. Центр тяжести — вниз. Стопы — в землю.

Татуированный шагнул вперёд. Без предупреждения — как в прошлый раз. Удар в солнечное сплетение — тот же, быстрый, короткий, без замаха.

Но я ждал его.

Не глазами — нутром. Стопы гудели. Поясница пульсировала. Я чувствовал его движение до того, как он начал удар — по напряжению плеча, по смещению веса, по тому, как воздух дрогнул перед кулаком.

Я ушёл в сторону.

Кулак прошёл в миллиметре от моей груди. Я не отшатнулся, не закрылся. Я шагнул внутрь.

Короткий удар локтем — в его локоть, в сустав, прямо по инерции его же движения. Он дёрнулся — не больно, но неудобно. Рука повела. Он потерял равновесие на полсекунды.

Я это почувствовал.

Удар коленом — не в пах, нет, выше. В низ живота, в дантьянь. Коротко, резко. Всей тяжестью тела, как учил незнакомец: не руками — ногами. Сила из земли, из стоп, через колено.

Он выдохнул. Сложился. Глаза расширились — он не ожидал.

Я не останавливался.

Ладонь в подбородок — снизу вверх. Голова запрокинулась. Локоть в грудину, в яблочко. Он рухнул на спину, ударился затылком о землю.

Кровь из носа — пошла сразу, алая.

Я стоял над ним. Дышал. В груди — не злость. Пустота и холод.

Он смотрел на меня снизу. В глазах — не боль. Удивление.

— Как — прохрипел он.

— Я тоже учился, — сказал я. — Драться — не только кулаками.

Он попытался встать. Я не дал. Ногой наступил на грудь — не сильно, но вес чувствовался.

— Я не убью тебя, — сказал я. — Ван заметит, и тогда мне конец. Но я запомнил тебя. И каждый раз, когда ты увидишь меня — ты будешь вспоминать, как лежал на земле, а я стоял над тобой. Запомни моё лицо. Потому что я — твой должник. И я приду.

Я развернулся и пошёл прочь. Не оглянулся.

Стопы гудели. Поясница пульсировала. Внутри, где-то между лопаток, начинал разгораться огонь.

Третий ключ ждал.

А где-то на краю двора стоял Серкан. Он не прятался. Стоял и смотрел на меня. Улыбался щербатым ртом. Медленно поднял большой палец. И кивнул.

Глава 8

Серкан стоял на капитанском мостике недостроенного фрегата, как на собственной крепости. Ночной ветер с моря гнал прохладу и запах смолы, дёгтя и свежего дерева. Этот запах был его запахом. Запахом власти над этим куском болотистой земли и людьми, которых он называл не пленниками или рабами, а «ресурсом».

«Они не люди, — думал он, глядя на тёмные силуэты внизу. — Это топливо. Дрова для костра прогресса. И я слежу, чтобы костёр горел ярко и не давал дыма».

Он не любил суеты. Но сегодня ему пришлось терпеть её.

Внизу, на причале, металась жирная, вспотевшая тень — надзиратель Ван. Он кричал на стражников, пинками заставлял пленных подметать уже выметенные плиты, то и дело вытирал лоб грязным рукавом. Его голос, визгливый и полный страха, резал слух.

«Прибрать! Осветить факелами! Доложить по спискам! Кто эту бочку посмел тут оставить?!»

Серкан наблюдал за этим с холодным презрением. Ван боялся. Боялся больше, чем пленные боятся его. Потому что сегодня на верфь приезжал не просто хозяин. Приезжал Бон-Баши. Человек, чьё имя в Межморье значило больше, чем титулы имперских князей. Человек, который выкупил Серкана из имперской каторги не потому, что пожалел, а потому, что увидел в нём потенциал. Холодный, безжалостный потенциал. Такой же, как в себе.

Серкан поймал взгляд Вана, полный немого вопроса и ужаса. Надзиратель замер, будто пёс, ожидающий команды или удара. Серкан медленно, едва заметно, покачал головой. Успокойся. Ты уже всё испортил своей паникой.

Верфь и так работала как единый механизм — его механизм. Угрюмые пленные таскали брёвна. Мастера-каторжники, закованные в более лёгкие цепи, вырубали шпангоуты. В воздухе стоял ритмичный стук топоров и скрежет пил. Никакой лишней суеты. Только работа. Этого Серкан и добился за неделю, заменив собой предыдущего управляющего, который слишком много позволял себе чувствовать.

Его мысли вернулись к тому, что произошло днём раньше. К мальчишке, который пришёл сюда месяц назад — восьмилетний сын старосты, с рубцом от ятагана на спине и глазами, в которых была только смерть. И который вдруг перестал быть мальчишкой.

Серкан видел ту драку. Видел, как татуированный грузчик, здоровый, как бык, пошёл в атаку. И видел, как писарь ушёл. Не отпрыгнул в страхе, а сделал короткий, точный шаг внутрь атаки, сбил удар локтем и вколотил колено в живот. Чисто. Без злобы. Как расчётливый мастер, а не как озверевший раб. Как тот воин из его воспоминаний, который убил отца мальчика, не дотронувшись.

«Интересно, — подумал Серкан, выпуская струйку дыма из своей короткой трубки. — Очень интересно. Из огня выходит не пепел, а кремень».

Он знал эту татуировку на шее у грузчика — «Якорь в пасти акулы». Знак моряков с Острова Сломанных Кипарисов. Там не дерутся понарошку. Там бьются на выживание с детства. И этот отребий проиграл шуплому писарю за три удара.

«Не просто писарь, — решил Серкан. — В нём проснулось нечто. То самое, что убило его отца. Или кто-то его учит».

Это стоило запомнить. В его вотчине всё должно быть под контролем. Особенно такие ростки. Они могли стать либо острым инструментом, либо угрозой.

В ту же ночь Сяо Ху стоял в самом дальнем углу лесного склада. Руки его были разведены в стороны, ладони раскрыты к небу. Он дышал медленно и глубоко, как учил незнакомец. «Воздух входит через стопы, поднимается по ногам, растекается в пояснице и дальше».

Но дальше не шло.

Тепло от пробитой второй точки — той, что была пробкой стыда и детской беспомощности — поднималось вверх и застревало в районе сердца. Не физического сердца, а того места, где, как сказал учитель, находится «Обитель Духа». Здесь был другой блок. Большой. Глубинный.

Когда он пытался продавить его дыханием, перед глазами вставали не образы унижения от Вана. Они были глубже. Чернее.

Горящий амбар. Мамины руки, толкающие его в проём. Дым, сладковатый от горелого мяса. И лицо отца за секунду до того, как свет в его глазах погас. Молчи. Живи.

И тот воин. Звонкий смех. Дрожащая рябь в воздухе. Сила, убивающая без касания.

Эта память была не петлёй. Она была шлаком. Тяжёлым, липким, горячим шлаком, закупорившим канал Ци на уровне сердца. В ней была не только боль. Была вина. Вина за то, что он выжил. Вина за то, что он молчал. Вина за то, что Ладу похоронил один. И злость. Та злость, что сосед в повозке назвал точильным бруском.

Незнакомец сказал: «Чтобы пробить Обитель Духа, нужно не давить, а отпустить. Позволь памяти быть. Позволь боли протекать через тебя, как вода через трубу. Не запирай её. Ты — не сосуд для шлага. Ты — река».

Сяо Ху пытался. Он не сопротивлялся воспоминаниям. Он позволил им течь. Дым, крики, запах крови, молчаливое приказание отца. Они проходили через него, как холодная вода, оставляя внутри пустоту и странное, щемящее чувство — не освобождения, а принятия. Принятия того, что он — тот мальчик из амбара. И он — тот, кто стоит сейчас здесь, на верфи. Это один человек. Разорванный, но целый.

И в этот момент, когда вина и злость не боролись, а просто были, блок дрогнул. Не треснул, не рухнул. Он стал мягким. Пропускающим. Тепло из поясницы наконец просочилось выше, достигло груди, разлилось под кожей, как горячий чай. Он чувствовал его движение — не стремительным потоком, а медленной, вязкой волной. Она заполнила грудь, поднялась к горлу и застряла там.

Третий ключ — «Открытие Заднего Срединного Меридиана» — был открыт лишь наполовину. Путь до сердца расчищен. Путь от сердца к горлу — всё ещё закрыт. «Горловой замок», как назвал его учитель. «Замок слов, которые ты не сказал, и крика, который не выпустил».

Это было прогрессом. Но не победой. Он стоял в темноте, тело лёгкое, а грудь — полная странного, тяжёлого тепла. Он знал, что дальше будет сложнее. Что следующий блок связан с Ладой. С её братом. С клятвой убить всех. И с тем, что он ещё никого не убил.

Бон-Баши прибыл на рассвете, без свиты, на простой, но быстрой двухмачтовой шхуне «Морской Шаг». Он сошёл на причал не как важный барин, а как капитан — быстро, оглядев верфь одним цепким взглядом, который запоминал всё: количество готовых шпангоутов, качество смолки, дисциплину охраны.

Он был невысок, плотно сложен, как бочонок. Его лицо, обветренное и покрытое сетью морщин и старых шрамов, не выражало ничего, кроме спокойной уверенности. Простая одежда из прочного тёмного полотна, без украшений. Только на толстых пальцах поблёскивало несколько массивных, явно не золотых, а каких-то тусклых металлических колец — знак его прошлой жизни в Межморье, где украшения не для красоты, а для веса в драке. И глаза. Маленькие, глубоко посаженные, цвета мокрого гранита. Они видели всё: страх Вана, холодную расчётливость Серкана и ту искру в глазах писаря, что стоял у конторы.

Ван, бледный как полотно, засеменял рядом, заливаясь потоком раболепных отчётов. Бон-Баши молча слушал минуту, потом медленно повернул к нему голову.

— Заткнись, — сказал он тихо. Голос у него был низкий, хриплый, как скрип несмазанных блоков. — И исчезни.

Ван исчез так быстро, будто растворился в утреннем тумане.

Бон-Баши кивком подозвал Серкана. Они вдвоём прошли по верфи, неспешно, молча. Хозяин смотрел на брёвна, на работу кузнецов, на качество смоления швов. Иногда тыкал пальцем — туда, сюда, без слов. Серкан лишь кивал, делая заметки в памяти. Их понимание было безмолвным и полным. Они были из одного теста — бывшие солдаты Империи, выброшенные за ненадобностью и нашедшие друг друга в этом болотистом захолустье.

Наконец они поднялись на помост у стапелей, откуда открывался вид на остов фрегата. Корабль уже обретал форму. Выгнутые шпангоуты, словно рёбра гигантского зверя, упирались в киль. В воздухе пахло будущим. Не будущим верфи, а будущим Бон-Баши — быстрым, острым и безжалостным.

Бон-Баши долго молча смотрел на своё творение. Потом спросил, не отрывая глаз:

— Срок?

— Два месяца до спуска остова. Ещё три — до оснастки, — отчеканил Серкан.

— Ускорить. На месяц.

— Людей не хватит. Сломаются.

— Купим новых. Сломавшихся — списать в болото. — Бон-Баши произнёс это так же буднично, как говорил о погоде. — Этот корабль мне нужен к началу сезона туманов в Межморье. Понимаешь?

Серкан понимал. Сезон туманов — время для тихих дел. Для дел, которые не должны видеть чужие глаза и патрули Имперского флота. Для дел, которыми Бон-Баши заработал свои первые корабли и свою свободу.

— Понял. Ускорю.

Бон-Баши кивнул. Его взгляд скользнул по верфи, по фигуркам рабов и на мгновение остановился на группе писцов у конторы. Там, сторбившись над планшетом, стоял Сяо Ху.

— А тот? — Бон-Баши мотнул подбородком в его сторону. — Новый?

— Писарь. Месяц как. Сын старосты с Северных рубежей. Выжил после набега хазар. — Серкан сделал паузу, выбирая слова. — Сметливый. Цифры держит в голове. И драться начал учиться. На днях одного из островитян уложил. Чисто. Та самая техника. Как у тех, кто служит Хазарскому Каганату.

В гранитных глазах Бон-Баши мелькнула искорка интереса — не простого, а профессионального, холодного, как взгляд оружейника на необычный клинок.

— Островитянин? Из Сломанных Цепей?

— Он самый.

— Хм. — Хозяин верфи снова посмотрел на корабль. — Интересные ростки в твоём огороде, Серкан. Следы, чтобы сорняком не пошли. Или чтобы не выросли выше забора. Может, полезный инструмент получится.

— Будет сделано.

— Я остаюсь здесь на три дня, — неожиданно сказал Бон-Баши. — Хочу посмотреть, как бьётся сердце этой верфи. Найди мне тихое место для ночлега. И — он снова бросил взгляд в сторону конторы, — этого писаря. Завтра ко мне. Пусть отчитается о расходе леса. С глазу на глаз.

Он не стал ждать ответа, развернулся и твёрдыми шагами пошёл к своей шхуне, оставляя Серкана на помосте.

Управляющий медленно раскурил потухшую трубку. Дым за клубился в прохладном воздухе. «На три дня. И писаря с глазу на глаз». Это не было простой проверкой отчётности. Бон-Баши что-то учуял. Ту же искру, что заметил и Серкан. Искру того, что сам Бон-Баши называл «диким Ци» — силы, рождённой не в монастырях или школах, а в крови, огне и желании жить.

Внизу, у конторы, Сяо Ху, почувствовав на себе тяжелый взгляд, поднял голову. Его глаза встретились со взглядом Серкана всего на мгновение. В них не было страха. Была пустота после ночной медитации и глубокая, настроенная готовность. И что-то еще — знакомое Серкану

по себе. Тот холодный огонь, который горит не для света, а для того, чтобы сжечь всё вокруг, если придется.

Серкан усмехнулся уголком рта. Да, интересные ростки. Посмотрим, во что ты вырастешь, сын старосты. И кому будешь служить, когда станешь деревом.

А над верфью, отражаясь в свинцовой воде залива, медленно поднимался каркас фрегата — будущего хищника Межморья, рождавшегося в этом болотистом аду из крови, дерева и чужой боли.

Рассвет распорол небо — багряно-лиловые лохмотья с чёрными прожилками туч, точно вены, налитые ядом. Сяо Ху стоял у конторы, вслушиваясь в привычный гул верфи: скрип лебёдок — стоны деревянных скелетов, стук топоров — удары мясника по костям, хриплые команды надзирателей — лай цепных псов. Но сегодня каждый звук резал острее ножа, каждый запах бил в ноздри пригоршней пепла: смола пахла не смолой, а свернувшейся кровью, дёготь — липким страхом, железо — могильным холодом.

Он провёл ладонью по груди — под кожей пульсировало Ци, беспокойное, рваное, точно зверь, рвущийся из клетки. «Горловой замок» всё ещё давил, но теперь это было не глухое препятствие, не каменная пробка, а натянутая струна, готовая лопнуть.

— Писарь! — окрик Вана разорвал тишину, как удар кнута по голой спине. — Ты чего застыл? Живо к складу! Бон-Баши велел пересчитать доски!

Сяо Ху медленно повернулся. В глазах надзирателя, ещё вчера смотревших на него с презрением, теперь читался страх — мутный, дрожащий, как вода в луже перед грозой.

— Я уже сделал это вчера, — ровно ответил Сяо Ху, и каждое слово легло на весы тишины, как свинцовый груз. — И указал на перерасход из-за некачественной сушки.

Ван побагровел, лицо налилось кирпичным румянцем бешенства.

— Ты что, оглох?! Господин приказал лично проверить! Или думаешь, твои каракули важнее его воли?

Сяо Ху сделал шаг вперёд. Не повышая голоса, но слова прозвучали как лезвие, вынутое из ножен:

— Вчера вы сами подтвердили мои расчёты. Сегодня перепроверяете — значит, сомневаетесь в своей памяти. Или в моей честности?

Надзиратель отшатнулся, будто наступил на змею. Вокруг начали собираться рабы и стражники — редкий случай, когда писарь осмелился перечить власти. Воздух загустел от любопытства.

— Ты — Ван задохнулся, хватаясь за плеть, как утопающий за соломинку.

Но прежде, чем он успел махнуть, чья-то рука легла ему на плечо — тяжёлая, как приговор.

— Достаточно, — голос Серкана был тих, но в нём звенела сталь, холодная и беспощадная. — Ван, ты свободен. Сяо Ху, следуй за мной.

Серкан провёл его в тесную комнату с окном, выходящим на стапели. На стене висела карта Межморья, испещрённая отметками — красными точками, точно капли крови, чёрными линиями, как шрамы на коже земли.

— Ты стал смелее, — сказал управляющий, усаживаясь за стол. — Или глупее?

— Ни то ни другое. Я выполняю свою работу. И не позволю тратить время на пустые проверки.

Серкан усмехнулся — криво, как трещина на старом зеркале.

— Время — это кровь. А кровь здесь принадлежит Бон-Баши. Он хочет видеть тебя. Не как писаря. Как бойца.

В груди Сяо Ху что-то сжалось — холодной пружиной, готовой распрямиться.

— Бой? С кем?

— С теми, кто не верит в «дикое Ци». С теми, кто думает, что сила — это мышцы и сталь, а не огонь, текущий в жилах. Ты покажешь им, что они ошибаются.

Управляющий встал, подошёл к окну, и его силуэт на миг заслонил солнце.

— Сегодня на верфь привезли новый «ресурс» — рабов с Острова Сломанных Кипарисов. Они не признают власти, пока не увидят слабости. Бон-Баши хочет, чтобы ты сломал их волю.

Место для драк было старым — утоптанная земля, пропитанная потом и кровью, окружённая бочками и штабелями досок, точно арена для гладиаторов. Вокруг собрались стражники, надзиратели, даже мастера-каторжники оставили работу. В центре стояли пятеро: высокие, жилистые, с татуировками на шеях — «Якорь в пасти акулы», знак того, что они видели смерть и плевали в её лицо.

Один из них, со шрамом через всё лицо, шагнул вперёд.

— Ребёнок? Совсем не уважаете воина? — он сплюнул под ноги, и плевок упал, как камень в болото. — Тебе не повезло, пацан. Мне хочется жить, и сейчас ты — преграда.

Сяо Ху снял тунику, обнажая шрам от ятагана на спине — белый рубец, как напоминание о прошлом.

— Меньше слов, начинай, — сказал он, и голос его был ровным, как лезвие бритвы. — Если сможешь.

Бой начался без сигнала. Шрам бросился вперёд, замахиваясь кулаком размером с голову ребёнка, и воздух свистнул под ударом. Сяо Ху не отступил — он шагнул в атаку, как тогда с грузчиком, словно входя в пламя. Локоть встретил удар, колено впечаталось в живот, и плоть застонала. Противник захрипел, но не упал — второй раб уже был рядом, точно тень, рождённая тьмой.

Они атаковали скоординировано, как стая акул, чуя кровь. Сяо Ху крутился, уклонялся, использовал их же инерцию против них — каждый удар становился шагом в танце смерти. Один упал, схватившись за колено, с хрустом, как сломанная ветка; второй отлетел в бочки, и дерево треснуло, как ребро; третий попытался схватить его за волосы — и получил удар в висок ребром ладони, от которого глаза закатились.

Четвёртый и пятый бросились одновременно, как два клинка, сведённые в одной атаке. Сяо Ху почувствовал, как «горловой замок» сдавил грудь — страх, боль, воспоминания о пожаре, где всё горело и дышало пеплом. Но на этот раз он не стал давить. Он отпустил их.

Ци хлынула волной — не тёплой, а ледяной, как вода горной реки. Мир замедлился, растёкся патокой. Он видел каждый удар, каждое движение, каждую каплю пота на лицах врагов, каждый микроскопический разрыв времени. Шаг влево, блок, подсечка, толчок — и вот уже оба лежат на земле, тяжело дыша, как выброшенные на берег рыбы.

Тишина. Даже ветер замер, прижавшись к земле.

Затем — одиночный хлопок. Бон-Баши стоял у края арены, скрестив руки, и его тень легла на землю, как чёрное знамя.

— Неплохо, — его голос резанул, как нож по стеклу. — Но недостаточно. Вставай. Теперь — с моим телохранителем.

Из-за спин стражников вышел тот самый мужчина со шрамом на щеке, с которым прибыл Бон-Баши вчера — высокий, как статуя, и холодный, как лёд.

— На этот раз — до первой крови, — добавил Бон-Баши, и в его голосе звенела сталь. — Я не люблю разочарований.

Телохранитель атаковал без предупреждения — быстрый, расчётливый, опытный, как волк, знающий каждую тропу. Сяо Ху парировал, но пропустил удар в плечо. Боль вспыхнула, как искра в сухой траве, но не парализовала — она стала топливом, разожгла огонь в груди.

«Ты — уже прошлое. Ты — господин, даже смешно с этим насекомым спарринговаться», — прозвучал голос среди толпы, и слова упали, как камни в колодец.

Сяо Ху вспомнил все приёмы, что показывали старшие, и те несколько приёмов, которыми поделился Незнакомец. И его слова накануне: «Отпусти страх. Отпусти вину. Отпусти клятву, которая держит меня за горло».

И в этот момент «горловой замок» треснул.

Тепло Ци хлынуло к горлу горячей лавой, разлилось по рукам, наполнило каждую клетку тела — как река, вышедшая из берегов. Мир снова замедлился, но теперь Сяо Ху понимал его: видел потоки энергии, золотые нити, тянущиеся от каждого живого существа, чувствовал слабые точки противника, как трещины в броне.

Он ушёл от удара, схватил телохранителя за запястье, направил его инерцию вниз — и тот рухнул на колени перед ним, как подрубленное дерево.

— Довольно, — голос Бон-Баши прозвучал глухо, как удар в барабан. — Встань, писарь.

Сяо Ху поднялся. В груди — не боль, а гул, в горле — свобода. Он открыл рот и выдохнул — не слово, не крик, а звук, похожий на звон натянутой струны, сорвавшейся с пальцев.

Вокруг него воздух дрогнул, как от жара, и бочки за спиной телохранителя треснули, доски разлетелись в щепки, словно от взрыва.

Стражники отступили, пятясь, как тени от света. Серкан прищурился, его глаза блеснули, как монеты. Бон-Баши улыбнулся — впервые искренне, и улыбка эта была страшнее любого оскала.

— Так вот оно, — прошептал он, и шёпот прозвучал как заклинание. — «Дикое Ци». Не обученное. Не укрощённое. Рождённое в огне.

Он подошёл вплотную, положил тяжёлую руку на плечо Сяо Ху, и ладонь его была горячей, как уголь.

— Завтра ты начнёшь учиться. У моего мастера. Если выживешь — станешь моим клинком. Если нет — он пожал плечами, и жест этот был равнодушным, как судьба. — Что ж, верфь всегда нуждается в дровах.

Ночь упала на верфь внезапно, как удар колокола — глухо, тяжело, не оставляя времени на прощание с днём. Сяо Ху сидел на причале, свесив ноги над чёрной водой. Луна дробилась в ряби, разбиваясь на тысячу осколков — точно таких же, как его мысли.

Грудь больше не давила. Ци текло свободно — не бурно, не дико, а спокойно, как река, сбросившая ледяные оковы. Он вдохнул ночной воздух — впервые без сопротивления, без того тугого узла в горле, что сидел там годами.

Где-то вдалеке закричала ночная птица. Он ответил ей — не криком, а тишиной. Правильной тишиной внутри себя.

За спиной послышался шорох шагов — лёгких, почти неслышных, но Сяо Ху уже научился различать их. Он не обернулся.

— Ты хорошо справился, — голос Незнакомца прозвучал из темноты — спокойный, без тени похвалы или насмешки. Просто факт.

— Это было только начало, — ответил Сяо Ху, не оборачиваясь.

— Верно. Потому я здесь.

Тишина повисла между ними — не тяжёлая, не напряжённая, а плотная, как вода перед штормом.

— Задание не изменилось, — сказал Незнакомец. — Ты видел карту в кабинете Серкана. Красные точки. Они ведут к одной цели.

Сяо Ху медленно поднялся, повернулся лицом к темноте, где стоял Незнакомец. Луна осветила его лицо — спокойное, без следов усталости или страха. Только сталь в глазах.

— Печать. В комнате Бон-Баши.

— Ты запомнил.

— Я ничего не забываю.

Незнакомец кивнул — едва заметно, но Сяо Ху увидел.

— Хозяин будет на верфи ещё сутки. Послезавтра он уходит — и печать уплывёт с ним. Другого случая не будет.

— Почему ты не возьмёшь её сам?

Тишина. Короткая, но в ней уместилась целая вечность.

— Потому что я уже не могу войти туда, куда можешь войти ты.

Сяо Ху не стал переспрашивать. Он понял.

— Я сделаю это.

Незнакомец шагнул ближе — на миг, всего на один шаг, и тень его слилась с тенью причала.

— Тогда запомни: когда войдёшь — не смотри на печать. Смотри на того, кто её охраняет. Глаза скажут больше, чем любой замок.

И прежде, чем Сяо Ху успел ответить, ночь сомкнулась за спиной ушедшего, оставив лишь шёпот ветра и запах соли.

Сяо Ху стоял один. Под ногами — чёрная вода, над головой — чёрное небо. Но внутри горел огонь.

Он поднял руку, сжал пальцы в кулак, чувствуя, как Ци отзывается на движение — послушно, остро, как лезвие, лежащее в ладонь.

Первый шаг сделан.

Теперь начинается настоящая работа.

Глава 9

Вечер на верфи пах иначе. Не смолой и железом — жасмином и вином.

Сяо Ху притаился в тени за бочками с дёгтем, считая шаги охраны. Восемь стражников у главных ворот, трое у складов, двое патрулируют жилые бараки. И — пустой коридор, ведущий к кабинету Бон-Баши.

Сердце колотилось, но теперь это был не страх — пульс бойца, разгоняющего кровь перед ударом. Ци тихо струилось по жилам, успокаивая, настраивая.

«У него два часа», — повторил про себя Сяо Ху, скользя вдоль стены, как тень, рождённая сумраком. «Танцовщицы из города. Баши будет смотреть на изгибы спин, а не на замки дверей».

Стражник у дверей кабинета зевнул, потянулся. Сяо Ху выждал момент, когда тот отвернулся, чтобы сплунуть в темноту, — и скользнул внутрь в три шага, беззвучно, как нож, входящий в масло.

Кабинет утопал в роскоши. Красный лак стен, позолоченные светильники, шкура белого тигра на полу — когти всё ещё острые, пасть оскалена в последнем рыке. Стол из чёрного дерева, инкрустированный перламутром. Свитки на полках, карты на стенах, шкатулки — пять штук, одна другой краше.

Сяо Ху начал с первой.

Пусто. Бумаги, счета, письма к торговцам рабами.

Вторая — монеты. Золото, серебро. Не то.

Третья — шёлковые платки, завёрнутые во что-то мягкое. Амулеты? Нет. Просто тряпки.

Время текло сквозь пальцы, как вода. Каждая секунда — удар колокола, отсчитывающий жизнь.

Четвёртая шкатулка заперта. Он нажал, потянул — металл скрежетнул, но не поддался. Ци плеснуло в пальцы, замок щёлкнул. Внутри — ничего. Пустота, высланная бархатом. След чего-то, что убрали.

«Не там. Не то», — паника поднялась из груди, холодная, липкая. «Его здесь нет. Или никогда не было. Незнакомец обманул. Чэнь Вэй ошибся. Я — дурак, поверивший старикам».

Он выпрямился. В висках стучало.

«Бежать. Пока не поздно. Вернуться в барак, притвориться спящим. Забыть всё это».

Шаги за дверью.

Два голоса. Один — тяжёлый, уверенный — Серкан. Второй — смутно знакомый, скрипучий, с городским выговором.

— а она, говорю, встала на руки и ногу задрала так, что все плотники побросали топоры! — голос незнакомого расхохотался, натужно, как скрип несмазанной телеги.

— Это вы, господин Луи, про ту, что с родинкой на бедре? — Серкан поддакнул с лёгкой льстивостью. — Я её ещё запомнил. Гибкая, как лоза.

— Именно! Так вот почему я и убыл тогда поспешно несколько дней назад — мне доложили, что труппа едет, я и рванул встречать. Не пропускать же такое зрелище!

Серкан хмыкнул.

— Мудрое решение, господин проверяющий. Такие ночи не повторяются.

Шаги приближались. Сяо Ху замер. Если они войдут — он труп. На месте. Без суда, без печати, без права на крик.

«Успокойся», — приказ, резанувший сознание.

Не его голос. Голос Незнакомца. Или Чэнь Вэй. Или — его собственный, тот, что проснулся в ночь, когда треснул «горловой замок».

«Ты видел больше, чем глаза показывают. Ты чувствуешь потоки. Дыши. Замедли время».

Он закрыл глаза. Ци хлынуло свободно, растекаясь по комнате, как невидимая паутина. Он чувствовал каждый предмет: вес чернильницы, холод металла в подставке для мечей, пустоту внутри шкатулок, тепло лампы, трещину в стене за шкафом

И — пустоту. Под столом. Там, где ножки упирались в пол.

«Там ничего нет. Просто пол», — подумал он. Но Ци тянулось ниже, глубже, под доски. *«Тайник»*.

Шаги затихли. Серкан и его гость остановились у двери, обсуждая качество вечернего вина. Сяо Ху упал на колени, запустил пальцы в щель между досками — и нащупал едва заметный выступ. Нажал.

Пол мягко приподнялся. Внутри — деревянная шкатулка, грубая, простая, без украшений. Ручной работы, но сработанная на совесть — плотник знал своё дело.

— ладно, пойдёмте, господин проверяющий, пока танцовщицы не разошлись по рукам, — Серкан засмеялся. — А то Бон-Баши всех лучших себе заберёт.

— И то верно!

Шаги удалились.

Сяо Ху выдохнул — беззвучно, дробно. Открыл шкатулку.

Внутри, на потёртом бархате, лежала печать. Небольшая, из тёмного нефрита, с вырезанным иероглифом «Бездна» — старым письмом, почти забытым. Она дышала холодом, даже не касаясь кожи.

Он схватил её, захлопнул тайник, поправил ковёр — и выскользнул в ночь, как змея, уходящая от костра.

Доки встретили его запахом гнилых водорослей и тишиной. Луна висела низко, разрезая волны на серебряные ломти. Чэнь Вэй ждал у старой баржи — сидел на ящике, точил нож о камень, не глядя на приближающегося ученика.

— Нашёл? — голос старого мастера звучал сухо, без эмоций.

Сяо Ху молча протянул шкатулку.

Чэнь Вэй открыл, глянул — и едва заметно кивнул.

— Хорошо. Теперь — время для настоящего шага.

Мальчик достал из-за пазухи потрёпанную книгу. Кожаный переплёт, страницы пожелтевшие, с потёками воска и пятнами крови. «Основы культивации Ци. Том первый».

— Ты учил её наизусть?

— Трижды, — ответил Сяо Ху.

— Значит, пропустил главное.

Чэнь Вэй открыл последнюю страницу. Пустая. Только тонкая линия по краю, похожая на трещину в старой коже.

— Смотри.

Он прижал палец к странице. Ци вспыхнула — слабо, едва заметно, как уголёк, тлеющий в золе. И на пустоте проступили линии. Золотые, тонкие, как паутина. Они переплелись, сложились в карту — сложную, многомерную, с движущимися точками и надписями на древнем языке.

— Это — путь, — сказал Чэнь Вэй, убирая палец. Карта погасла. — К Боевому Континенту. Туда, где учат настоящему. Не дырявым баракам Бон-Баши, не плетям надзирателей. Там ты станешь тем, кем должен стать.

Сяо Ху смотрел на пустую страницу, чувствуя, как кровь гудит в ушах.

— Как мне активировать её?

— Ци из пальца. Капля — и карта проявится. Она покажет путь.

Чэнь Вэй поднялся, спрятал печать, и взглянул на Сяо Ху — впервые за долгие недели не как на ученика, а как на равного.

— Ты сделал шаг, мальчик. Теперь готовься к прыжку.

Сяо Ху сжал книгу в ладони. Прохлада вечернего бриза пульсировала в такт сердцу.

Где-то на верфи заиграла музыка — визгливая, пьяная. Танцовщицы плясали для хозяев.

А он стоял на краю ночи, держа в руках ключ к свободе.

Ночь после передачи печати не принесла покоя.

Сяо Ху сидел в углу старой баржи, сжимая в руках потрёпанный учебник. Пальцы дрожали — не от страха, от перенапряжения. Ци всё ещё гудело в жилах, как туго натянутая тетива, готовая сорваться. Он чувствовал каждый узел в теле: горячий стук в груди, холодный комок в горле, пульсирующую пустоту под ключицами.

Энергия была. Но она не слушалась.

— Ты похож на человека, который пытается удержать воду в решете, — раздался голос Чэнь Вэя из темноты.

Старый мастер вышел из тени, бесшумный, как призрак. В руках он держал глиняный чайник и две пиалы.

— Садись. Не на пол — на ящик. Спина прямая, руки на коленях. Ладони вверх.

Сяо Ху послушался. Чэнь Вэй сел напротив, разлил чай — пар поднялся в ночной воздух, закручиваясь спиралью.

— Ты прорвал «горловой замок» в бою. Ци хлынула, как река, прорвавшая плотину. — Он сделал глоток, не сводя глаз с ученика. — Но река не становится ручьём сама по себе. Её нужно учить течь в нужное русло.

— Я чувствую — начал Сяо Ху.

— Ты чувствуешь хаос. Разницу между «ощущать» и «управлять» ты поймёшь только тогда, когда перестанешь пытаться удержать поток.

Чэнь Вэй поставил пиалу на пол и вытянул руку ладонью вверх. Ци заструилась от его пальцев — тонкая, как шёлковая нить, золотистая в лунном свете. Она поднялась до локтя, свернулась кольцом у плеча и замерла, пульсируя в такт дыханию.

— Видишь? Это не сила. Это — течение. Твоя задача — не толкать Ци, а убирать преграды. Каналы уже есть. Они просто забиты.

Сяо Ху смотрел на золотую нить, чувствуя, как внутри отзывается знакомое тепло.

— Пурпурный дворец, — тихо сказал он. — Сердце.

— Умный мальчик. — Чэнь Вэй убрал руку, и нить растаяла в воздухе. — Твой «горловой замок» треснул, но не рассыпался. Ци проходит через горло рывками, потому что снизу, из сердца, ей мешает старая рана.

— Лада, — выдохнул Сяо Ху, и имя обожгло губы.

— Не только. Клятва мести, чувство вины, гнев на себя за то, что выжил. Это не просто эмоции — это узлы. Один в сердце, второй под ключицами, третий — в основании черепа. Пока ты не развяжешь их, «Великая неделя» не замкнётся.

Чэнь Вэй протянул ему пиалу с чаем.

— Выпей. И закрой глаза.

Сяо Ху поднёс чай к губам. Жидкость обожгла язык — горькая, терпкая, с привкусом дыма и кореньев.

— А теперь, — голос мастера стал тише, но в нём появилась странная вибрация, — представь, что ты не тело. Ты — пустой сосуд. Кости — стены, жилы — каналы, дыхание — ветер, задувающий внутрь.

Сяо Ху закрыл глаза. Темнота. Затем — слабое свечение, как угли в остывшем костре.

— Смотри. Не глазами — Ци.

И он увидел.

Внутренним зрением его тело проступило смутным силуэтом, пронизанным светящимися линиями. Одни горели ровно, золотом, другие — тускло, мерцали с перебойми, третьи — в районе горла — вспыхивали и гасли, как искры на ветру.

— Видишь разрывы? — голос Чэнь Вэй доносился откуда-то издалека, но звучал чётко. — Там, где канал прерывается, Ци застаивается. Образуются пробки. Боль, гнев, страх — это не враги. Это указатели.

Сяо Ху смотрел на тёмный узел в груди. Он пульсировал — медленно, тяжело, как второе сердце, бьющееся в неправильном ритме.

— Что мне делать? — спросил он, и голос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца.

— Ничего. Просто смотри.

Минуты тянулись. Чай остывал. Ветер шевелил волосы. Где-то вдалеке крикнула ночная птица.

И вдруг — без команды, без усилия — узел дрогнул. Тонкая золотая нить Ци просочилась сквозь него, прошла тёмную ткань, и на мгновение — на одно короткое мгновение — свет в груди вспыхнул ровным пламенем.

Сяо Ху распахнул глаза.

Перед ним сидел Чэнь Вэй. В уголках его губ пряталась едва заметная улыбка.

— Ты увидел. Теперь — запомни это ощущение.

— Но оно пропало, — выдохнул Сяо Ху. — Я не могу удержать

— Никто не может удержать, — перебил старый мастер. — Можно только открыть канал настолько, чтобы Ци текло само. Твоя задача — не сжимать поток, а расширять русло.

Он поднялся, стряхивая пыль с одежды.

— Первый ключ ты подобрал. Но не повернул. Для этого нужно время и —

Он замолчал, глядя куда-то в темноту за спиной Сяо Ху.

— И ещё кое-что.

Сяо Ху обернулся.

Из тьмы доков, оттуда, где стояли бараки рабов, донёлся звук. Не крик. Не стон. Что-то среднее — низкий, вибрирующий гул, от которого воздух пошёл рябью, а вода в заливе вздрогнула мелкой дрожью.

— Что это? — спросил Сяо Ху, чувствуя, как Ци внутри отзывается тревожным толчком.

Чэнь Вэй прищурился, и в его глазах блеснул холодный, стальной огонёк.

— Похоже, Бон-Баши нашел, куда делась его печать. И пригласил гостя, который умеет слушать Ци.

Он повернулся к Сяо Ху, и в голосе его зазвенела сталь:

— Собирайся. Наш отплытие ускорится.

Гул не стихал. Он проникал сквозь кожу, оседал в костях, заставлял зубы ныть, как от мороза. Вода в заливе покрылась рябью — не от ветра, от вибрации, идущей со стороны барачков.

Сяо Ху вскочил, сжимая учебник. Ци внутри отозвалось судорогой — энергия взбунтовалась, рванулась наружу, пытаясь выйти через пальцы, через глаза, через каждый нерв.

— Успокой её, — приказал Чэнь Вэй, не повышая голоса. — Если ты сейчас выплеснешь Ци, тот, кто идёт, почувствует тебя за пол-лиги.

— Я не могу, — выдохнул Сяо Ху, чувствуя, как поток пытается разорвать меридианы. — Она не слушается

— Тогда сожми. В кулак. Сделай Ци маленькой, как зерно.

Сяо Ху стиснул кулак — так, что ногти впились в ладонь. Воля собралась в тугий комок, и энергия, подчиняясь, стеклась вниз живота, в Даньтянь, свернулась там тугим клубком, пульсирующим в такт сердцу.

Гул стих так же внезапно, как начался.

Наступила тишина. Звонящая, тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Он остановился, — прошептал Сяо Ху.

— Нет, — Чэнь Вэй смотрел в темноту, не моргая. — Он пришёл.

Из-за штабелей досок вышел человек.

Он был высок, сухопар, одет в чёрный халат без единого украшения. Лицо — гладкое, без возраста, словно восковая маска. Но самое страшное было в глазах: зрачки отсутствовали. Только белая пустота, в которой, если всмотреться, кружились едва заметные искры.

— Пожиратель Ци, — выдохнул Чэнь Вэй, и в его голосе впервые за всё время мелькнула настоящая тревога.

Белоглазый остановился в десяти шагах. Он не смотрел на Чэнь Вэя — он смотрел сквозь Сяо Ху, туда, где в Данъяне свернулось клубком его Ци.

— Печать, — произнёс он. Голос звучал сухо, как шелест бумаги. — Верни.

— Её здесь нет, — Чэнь Вэй шагнул вперёд, заслоняя ученика.

Белоглазый повернул голову. Медленно, словно это причиняло ему боль.

— Я чувствую её запах. В воздухе. Она была здесь. Час назад.

— Ты ошибся.

— Я не ошибаюсь, старик. — Он улыбнулся — тонкими, бескровными губами. — Я всегда нахожу то, что ищу.

Чэнь Вэй вздохнул — тяжело, как человек, принимающий решение, которое откладывал слишком долго.

— Сяо Ху. Закрой глаза. Зажми уши. Не смотри на него, что бы ни случилось.

— Учитель

— ДЕЛАЙ!

Сяо Ху зажмурился, зажал уши ладонями.

Но даже сквозь закрытые веки он увидел вспышку — ослепительную, белую, как молния, ударившая в песок. А сквозь ладони услышал звук, которого не слышал никогда в жизни: рвущийся шёлк, ломающийся лёд, треск сухих костей — всё сразу.

И — крик.

Нечеловеческий. Пронзительный. Он длился, казалось, целую вечность, а потом оборвался, словно кто-то перерезал струну.

Тишина.

Сяо Ху открыл глаза.

Чэнь Вэй стоял на коленях, опираясь рукой о землю. Из рта у него текла кровь — тонкая, чёрная, почти невидимая в темноте. Перед ним, на песке, лежал белый халат — пустой, распластанный, как сброшенная кожа змеи.

— Я его — начал Сяо Ху.

— Нет. Он ушёл. Я только отбросил его физическую оболочку. — Чэнь Вэй вытер губы тыльной стороной ладони. — Но он знает, где мы. Вернётся. У нас меньше часа, пока он соберёт новое тело.

Старый мастер поднялся — с трудом, пошатываясь.

— Береги книгу. Вот печать. И беги к причалу номер семь. Там стоит «Летящая по волнам» — шхуна с красной полосой на борту. Капитан — мой старый должник. Он выведет тебя в открытое море.

— А вы?

— Я задержу его.

— Но вы ранены!

Чэнь Вэй посмотрел на Сяо Ху. В его глазах — выцветших, уставших — мелькнуло что-то тёплое. Почти отеческое.

— Я учил тебя не для того, чтобы ты погиб на этом берегу, мальчик. Ты — должен добраться до континента и вернуть печать в клан «Весеннего ветра» Там всё поймут. Так ты порадуешь своего учителя и надеюсь меня простят предки.

Он протянул руку и коснулся лба Сяо Ху.

Ци хлынуло — тёплое, спокойное, как летняя река. Боль в груди отпустила. Узел в сердце дрогнул и распустился ещё на одну нить.

— Я даю тебе часть своего огня. Он согреет тебя, когда станет холодно, — прошептал Чэнь Вэй. — А теперь — беги.

— Я не брошу вас!

— ГЛУПЕЦ! — голос Чэнь Вэя ударил, как плеть. — Если ты останешься — всё, чему я тебя учил, все жертвы — будут напрасны. Ты — надежда. Не на месть. На то, что Боевой Континент увидит: даже из грязи вырастает лотос.

Сяо Ху стиснул зубы до скрежета.

— Я вернусь за вами, — сказал он.

— Найди сначала себя.

Сяо Ху развернулся и побежал.

Ноги несли его вдоль причалов, сквозь штабеля бочек, мимо спящих стражников. Ветер бил в лицо, солёный и злой.

А за спиной, в той стороне, где остался Чэнь Вэй, взметнулся к небу столб огня — багрового, ревущего, как раненый зверь.

Сяо Ху не обернулся.

Он бежал.

Потому что, если обернётся — остановится навсегда.

Шхуна с красной полосой ждала у седьмого причала. Капитан — одноногий толстяк с серьгой в ухе — уже поднимал парус, когда Сяо Ху запрыгнул на палубу.

— Груз? — коротко спросил он.

— Я.

— Платить чем будешь?

— Учитель сказал — ты мой должник.

Капитан глянул на него, на печать, торчащую из-за пояса, на книгу в руках — и кивнул.

— Садись в трюм. Не высовывайся, пока не выйдем в открытое море. И не вздумай зажигать свет.

Сяо Ху спустился вниз, в темноту, пахнущую рыбой и сырым деревом.

Сел в угол, обхватил колени руками.

Ци в Данытяне пульсировало ровно — тепло, подаренное Чэнь Вэем, согревало изнутри.

Над головой заскрипели доски, парус хлопнул на ветру, и шхуна качнулась, отрываясь от причала.

Интерлюдия. Утро Баши

Рассвет над Верфью выползал серый, липкий, как пот больного.

Бон-Баши сидел на резном стуле посреди двора — единственном предмете мебели, уцелевшем после ночного пожара. Вокруг чадили головешки, догорали руины складов, пахло горелым деревом и палёной плотью. Рабы, согнанные на площадь, стояли на коленях, боясь поднять голову.

Перед Баши, распятый на деревянной раме, висел Старец.

Чэнь Вэй.

Точнее — то, что от него осталось после встречи с Пожирателем Ци. Лицо — в саже и крови, левая рука вывернута под неестественным углом, грудь вмята, будто по ней прошли кузнечным молотом. Но глаза — глаза горели. Живые, ясные, насмешливые.

— Ты — Баши подался вперёд, опираясь локтями о колени. Голос его дрожал — не от страха, от бешенства. — Ты украл мою печать. Отдал мальчишке. Думал, я не узнаю?

Чэнь Вэй не ответил. Сплюнул кровь на камни.

— Где он? — Баши повысил голос. — Куда уплыл? Говори, старый пёс, и я сделаю твою смерть быстрой.

Молчание.

— Плеть!

Палач шагнул вперёд — грязный верзил с плетью из сыромятной кожи, вплетённой с металлическими шипами. Удар — воздух взвизгнул, мясо чавкнуло. Чэнь Вэй дёрнулся, но не издал ни звука.

Ещё удар. Ещё.

— Говори!

Тишина.

Баши встал. Подошёл ближе — сапоги хрустели по битому камню. Остановился в полшаге от распятого, заглянул ему в глаза.

— Ты понимаешь, что я могу пытать тебя неделями? У меня есть мастера пыток, которые умеют держать человека на грани смерти сутками. Кричать ты будешь — но не от боли. От отчаяния.

Чэнь Вэй поднял голову. Кровь текла по подбородку, капала на грудь, на пол.

И — улыбнулся.

— Ты думаешь, это пытка, Баши? Ты думаешь, я боюсь боли? — голос его сел, пришлось откашляться, выплюнуть сгусток. — Я сорок лет жил с болью. Каждый день. Каждую ночь. Просыпался и засыпал с мыслью, что моя сестра что мы потеряли ВСЁ из-за жадности твоего отца.

Баши нахмурился.

— Сестра? При чём здесь она?

— При том, что твой отец подкупил Старейшину нашего клана, — прохрипел Чэнь Вэй, и в голосе его зазвенела старая, незаживающая ненависть. — Старый пёс продался за посулы и золото. И когда мы с братом нашли ту печать — печать, что открывает телепорт в усыпальницу древнего клана «Звёздных Тигров» — нас объявили ворами.

Он закашлялся, выплюнул сгусток крови.

— Нас лишили права на культивацию. Разбили источники Ци. Изгнали — как бешеных собак. А сестра — голос дрогнул. — Сестра попыталась защитить нас. И её убили. Прямо на площади. Твой отец смотрел и улыбался.

Баши молчал. Его лицо — холёное, надменное — медленно серело.

— Печать Звёздных Тигров, — прошептал он. — Та самая?

— Да. — Чэнь Вэй усмехнулся, обнажая окровавленные зубы. — В ней — ключ к потерянным техникам, каких на десять тысяч ли не сыщешь. Твой отец двадцать лет охотился за ней. И когда мы с братом её нашли — он решил, что она будет его.

— Вы были никем! — выкрикнул Баши, вскакивая. — Ничтожествами из захолустного клана! Как вы могли найти то, что не могли найти целые секты?!

— А вот так. — Чэнь Вэй рассмеялся — хрипло, страшно. — Судьба. Слепая, глупая судьба. Но твой отец отнял её у нас. Силой. Подкупом. Предательством. И сорок лет мы жили с одной лишь мыслью: вернуть должок.

Он подался вперёд, насколько позволяли верёвки.

— И я вернул. Мальчик уплыл. С печатью. К тем, кто знает, как её использовать. Ты никогда не войдёшь в усыпальницу, Баши. Ты никогда не получишь техники. Твой отец умрёт, так и не коснувшись наследия Звёздных Тигров.

— Я поймаю мальчишку! — рявкнул Баши. — У меня корабли, люди, связи по всему побережью!

— Поздно. — Чэнь Вэй улыбнулся — спокойно, почти блаженно. — Он уже далеко. И даже если ты его догонишь — ты не сможешь открыть печать. Она запечатана кровью. Не твоей.

Баши схватил его за горло.

— Чьей?! Говори!

Чэнь Вэй захрипел, но продолжал улыбаться.

— Ирония, Баши. Великая ирония. Ты думал, что владеешь печатью всё это время. А она просто ждала — когда её заберёт тот, кому она принадлежит по праву крови. Тот, в ком течёт кровь Звёздного Тигра.

Глаза Баши расширились.

— Мальчишка?.. Но он же

— Ты сам знаешь, что бывает если взять печать в руку. Улыбнулся старик.

— Не может быть, он даже не похож. Но печать приняла его.

— Да. — Чэнь Вэй закрыл глаза, и голос его стал тихим, как предсмертный шепот. — Он — потомок по крови, из рода, который твой отец пытался уничтожить. И ты сам привёл его ко мне. Спасибо, Баши.

Он вздохнул — долгий, хриплый вздох — и тело обмякло.

Улыбка так и осталась на его лице.

Баши стоял неподвижно. Перед ним висел мёртвый старик, а в голове пульсировала одна мысль, холодная, как лёд:

«Он всё спланировал. Сорок лет. Всё это время»

Возможно ли? Мальчишка, которого он привёз как раба — последний наследник Звёздных Тигров? Печать ушла с ним. Хозяин будет в ярости. И единственный, кто знал правду — мёртв, с улыбкой на губах.

Солнце поднималось над Верфью. Но для Бон-Баши этот рассвет стал началом долгой, тёмной ночи.

Сяо Ху притаился в тени за бочками с дёгтем, считая шаги охраны. Восемь стражников у главных ворот, трое у складов, двое патрулируют жилые бараки. И — пустой коридор, ведущий к кабинету Бон-Баши.

Сердце колотилось, но теперь это был не страх — пульс бойца, разгоняющего кровь перед ударом. Ци тихо струилось по жилам, успокаивая, настраивая.

«У него два часа», — повторил про себя Сяо Ху, скользя вдоль стены, как тень, рождённая сумраком. «Танцовщицы из города. Баши будет смотреть на изгибы спин, а не на замки дверей».

Стражник у дверей кабинета зевнул, потянулся. Сяо Ху выждал момент, когда тот отвернулся, чтобы сплюнуть в темноту, — и скользнул внутрь в три шага, беззвучно, как нож, входящий в масло.

Кабинет утопал в роскоши. Красный лак стен, позолоченные светильники, шкура белого тигра на полу — когти всё ещё острые, пасть оскалена в последнем рыке. Стол из чёрного дерева, инкрустированный перламутром. Свитки на полках, карты на стенах, шкатулки — пять штук, одна другой краше.

Сяо Ху начал с первой.

Пусто. Бумаги, счета, письма к торговцам рабами.

Вторая — монеты. Золото, серебро. Не то.

Третья — шелковые платки, завёрнутые во что-то мягкое. Амулеты? Нет. Просто тряпки.

Время текло сквозь пальцы, как вода. Каждая секунда — удар колокола, отсчитывающий жизнь.

Четвёртая шкатулка заперта. Он нажал, потянул — металл скрежетнул, но не поддался. Ци плеснуло в пальцы, замок щёлкнул. Внутри — ничего. Пустота, высланная бархатом. След чего-то, что убрали.

«Не там. Не то», — паника поднялась из груди, холодная, липкая. *«Его здесь нет. Или никогда не было. Незнакомец обманул. Чэнь Вэй ошибся. Я — дурак, поверивший старикам».*

Он выпрямился. В висках стучало.

«Бежать. Пока не поздно. Вернуться в барак, притвориться спящим. Забыть всё это».

Шаги за дверью.

Два голоса. Один — тяжёлый, уверенный — Серкан. Второй — смутно знакомый, скрипучий, с городским выговором.

— а она, говорю, встала на руки и ногу задрала так, что все плотники побросали топоры! — голос незнакомого расхохотался, натужно, как скрип несмазанной телеги.

— Это вы, господин Луи, про ту, что с родинкой на бедре? — Серкан поддакнул с лёгкой лживостью. — Я её ещё запомнил. Гибкая, как лоза.

— Именно! Так вот почему я и убыл тогда поспешно несколько дней назад — мне доложили, что труп едет, я и рванул встречать. Не пропускать же такое зрелище!

Серкан хмыкнул.

— Мудрое решение, господин проверяющий. Такие ночи не повторяются.

Шаги приближались. Сяо Ху замер. Если они войдут — он труп. На месте. Без суда, без печати, без права на крик.

«Успокойся», — приказ, резанувший сознание.

Не его голос. Голос Незнакомца. Или Чэнь Вэй. Или — его собственный, тот, что проснулся в ночь, когда треснул «горловой замок».

«Ты видел больше, чем глаза показывают. Ты чувствуешь потоки. Дыши. Замедли время».

Он закрыл глаза. Ци хлынуло свободно, растекаясь по комнате, как невидимая паутина. Он чувствовал каждый предмет: вес чернильницы, холод металла в подставке для мечей, пустоту внутри шкатулок, тепло лампы, трещину в стене за шкафом

И — пустоту. Под столом. Там, где ножки упирались в пол.

«Там ничего нет. Просто пол», — подумал он. Но Ци тянулось ниже, глубже, под доски. *«Тайник».*

Шаги затихли. Серкан и его гость остановились у двери, обсуждая качество вечернего вина. Сяо Ху упал на колени, запустил пальцы в щель между досками — и нащупал едва заметный выступ. Нажал.

Пол мягко приподнялся. Внутри — деревянная шкатулка, грубая, простая, без украшений. Ручной работы, но сработанная на совесть — плотник знал своё дело.

— ладно, пойдёмте, господин проверяющий, пока танцовщицы не разошлись по рукам, — Серкан засмеялся. — А то Бон-Баши всех лучших себе заберёт.

— И то верно!

Шаги удалились.

Сяо Ху выдохнул — беззвучно, мелко. Открыл шкатулку.

Внутри, на потёртом бархате, лежала печать. Небольшая, из тёмного нефрита, с вырезанным иероглифом «Бездна» — старым письмом, почти забытым. Она дышала холодом, даже не касаясь кожи.

Он схватил её, захлопнул тайник, поправил ковёр — и выскользнул в ночь, как змея, уходящая от костра.

Доки встретили его запахом гнилых водорослей и тишиной. Луна висела низко, разрезая волны на серебряные ломти. Чэнь Вэй ждал у старой баржи — сидел на ящике, точил нож о камень, не глядя на приближающегося ученика.

— Нашёл? — голос старого мастера звучал сухо, без эмоций.

Сяо Ху молча протянул шкатулку.

Чэнь Вэй открыл, глянул — и едва заметно кивнул.

— Хорошо. Теперь — время для настоящего шага.

Мальчик достал из-за пазухи потрёпанную книгу. Кожаный переплёт, страницы пожелтевшие, с потёками воска и пятнами крови. «Основы культивации Ци. Том первый».

— Ты учил её наизусть?

— Трижды, — ответил Сяо Ху.

— Значит, пропустил главное.

Чэнь Вэй открыл последнюю страницу. Пустая. Только тонкая линия по краю, похожая на трещину в старой коже.

— Смотри.

Он прижал палец к странице. Ци вспыхнула — слабо, едва заметно, как уголёк, тлеющий в золе. И на пустоте проступили линии. Золотые, тонкие, как паутина. Они переплелись, сложились в карту — сложную, многомерную, с движущимися точками и надписями на древнем языке.

— Это — путь, — сказал Чэнь Вэй, убирая палец. Карта погасла. — К Боевому Континенту. Туда, где учат настоящему. Не дырявым баракам Бон-Баши, не плетям надзирателей. Там ты станешь тем, кем должен стать.

Сяо Ху смотрел на пустую страницу, чувствуя, как кровь гудит в ушах.

— Как мне активировать её?

— Ци из пальца. Капля — и карта проявится. Она покажет путь.

Чэнь Вэй поднялся, спрятал печать, и взглянул на Сяо Ху — впервые за долгие недели не как на ученика, а как на равного.

— Ты сделал шаг, мальчик. Теперь готовься к прыжку.

Сяо Ху сжал книгу в ладони. Прохлада вечернего бриза пульсировала в такт сердцу.

Где-то на верфи заиграла музыка — визгливая, пьяная. Танцовщицы плясали для хозяев.

А он стоял на краю ночи, держа в руках ключ к свободе.

Ночь после передачи печати не принесла покоя.

Сяо Ху сидел в углу старой баржи, сжимая в руках потрёпанный учебник. Пальцы дрожали — не от страха, от перенапряжения. Ци всё ещё гудело в жилах, как туго натянутая тетива, готовая сорваться. Он чувствовал каждый узел в теле: горячий сгусток в груди, холодный комок в горле, пульсирующую пустоту под ключицами.

Энергия была. Но она не слушалась.

— Ты похож на человека, который пытается удержать воду в решете, — раздался голос Чэнь Вэя из темноты.

Старый мастер вышел из тени, бесшумный, как призрак. В руках он держал глиняный чайник и две пиалы.

— Садись. Не на пол — на ящик. Спина прямая, руки на коленях. Ладони вверх.

Сяо Ху послушался. Чэнь Вэй сел напротив, разлил чай — пар поднялся в ночной воздух, закручиваясь спиралью.

— Ты прорвал «горловой замок» в бою. Ци хлынула, как река, прорвавшая плотину. — Он сделал глоток, не сводя глаз с ученика. — Но река не становится ручьём сама по себе. Её нужно учить течь в нужное русло.

— Я чувствую — начал Сяо Ху.

— Ты чувствуешь хаос. Разницу между «ощущать» и «управлять» ты поймёшь только тогда, когда перестанешь пытаться удержать поток.

Чэнь Вэй поставил пиалу на пол и вытянул руку ладонью вверх. Ци заструилась от его пальцев — тонкая, как шёлковая нить, золотистая в лунном свете. Она поднялась до локтя, свернулась кольцом у плеча и замерла, пульсируя в такт дыханию.

— Видишь? Это не сила. Это — течение. Твоя задача — не толкать Ци, а убирать преграды. Каналы уже есть. Они просто забиты.

Сяо Ху смотрел на золотую нить, чувствуя, как внутри отзывается знакомое тепло.

— Пурпурный дворец, — тихо сказал он. — Сердце.

— Умный мальчик. — Чэнь Вэй убрал руку, и нить растаяла в воздухе. — Твой «горловой замок» треснул, но не рассыпался. Ци проходит через горло рывками, потому что снизу, из сердца, ей мешает старая рана.

— Лада, — выдохнул Сяо Ху, и имя обожгло губы.

— Не только. Клятва мести, чувство вины, гнев на себя за то, что выжил. Это не просто эмоции — это узлы. Один в сердце, второй под ключицами, третий — в основании черепа. Пока ты не развяжешь их, «Великая неделя» не замкнётся.

Чэнь Вэй протянул ему пиалу с чаем.

— Выпей. И закрой глаза.

Сяо Ху поднёс чай к губам. Жидкость обожгла язык — горькая, терпкая, с привкусом дыма и кореньев.

— А теперь, — голос мастера стал тише, но в нём появилась странная вибрация, — представь, что ты не тело. Ты — пустой сосуд. Кости — стены, жилы — каналы, дыхание — ветер, задувающий внутрь.

Сяо Ху закрыл глаза. Темнота. Затем — слабое свечение, как угли в остывшем костре.

— Смотри. Не глазами — Ци.

И он увидел.

Внутренним зрением его тело проступило смутным силуэтом, пронизанным светящимися линиями. Одни горели ровно, золотом, другие — тускло, мерцали с перебойми, третьи — в районе горла — вспыхивали и гасли, как искры на ветру.

— Видишь разрывы? — голос Чэнь Вэя доносился откуда-то издалека, но звучал чётко. — Там, где канал прерывается, Ци застаивается. Образуются пробки. Боль, гнев, страх — это не враги. Это указатели.

Сяо Ху смотрел на тёмный узел в груди. Он пульсировал — медленно, тяжело, как второе сердце, бьющееся в неправильном ритме.

— Что мне делать? — спросил он, и голос прозвучал глухо, словно из глубокого колодца.

— Ничего. Просто смотри.

Минуты тянулись. Чай остывал. Ветер шевелил волосы. Где-то вдалеке крикнула ночная птица.

И вдруг — без команды, без усилия — узел дрогнул. Тонкая золотая нить Ци просочилась сквозь него, прошла тёмную ткань, и на мгновение — на одно короткое мгновение — свет в груди вспыхнул ровным пламенем.

Сяо Ху распахнул глаза.

Перед ним сидел Чэнь Вэй. В уголках его губ пряталась едва заметная улыбка.

— Ты увидел. Теперь — запомни это ощущение.

— Но оно пропало, — выдохнул Сяо Ху. — Я не могу удержать

— Никто не может удержать, — перебил старый мастер. — Можно только открыть канал настолько, чтобы Ци текло само. Твоя задача — не сжимать поток, а расширять русло.

Он поднялся, стряхивая пыль с одежды.

— Первый ключ ты подобрал. Но не повернул. Для этого нужно время и —

Он замолчал, глядя куда-то в темноту за спиной Сяо Ху.

— И ещё кое-что.

Сяо Ху обернулся.

Из тьмы доков, оттуда, где стояли бараки рабов, донёлся звук. Не крик. Не стон. Что-то среднее — низкий, вибрирующий гул, от которого воздух пошёл рябью, а вода в заливе вздрогнула мелкой дрожью.

— Что это? — спросил Сяо Ху, чувствуя, как Ци внутри отзывается тревожным толчком. Чэнь Вэй прищурился, и в его глазах блеснул холодный, стальной огонёк.

— Похоже, Бон-Баши нашел, куда делась его печать. И пригласил гостя, который умеет слушать Ци.

Он повернулся к Сяо Ху, и в голосе его зазвенела сталь:

— Собирайся. Наш отплытие ускорится.

Гул не стихал. Он проникал сквозь кожу, оседал в костях, заставлял зубы ныть, как от мороза. Вода в заливе покрылась рябью — не от ветра, от вибрации, идущей со стороны баракков.

Сяо Ху вскочил, сжимая учебник. Ци внутри отозвалось судорогой — энергия взбунтовалась, рванулась наружу, пытаясь выйти через пальцы, через глаза, через каждый нерв.

— Успокой её, — приказал Чэнь Вэй, не повышая голоса. — Если ты сейчас выплеснешь Ци, тот, кто идёт, почувствует тебя за пол-лиги.

— Я не могу, — выдохнул Сяо Ху, чувствуя, как поток пытается разорвать меридианы. — Она не слушается

— Тогда сожми. В кулак. Сделай Ци маленькой, как зерно.

Сяо Ху стиснул кулак — так, что ногти впились в ладонь. Воля собралась в тугой комок, и энергия, подчиняясь, стеклась вниз живота, в Даньтянь, свернулась там тугим клубком, пульсирующим в такт сердцу.

Гул стих так же внезапно, как начался.

Наступила тишина. Звонящая, тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Он остановился, — прошептал Сяо Ху.

— Нет, — Чэнь Вэй смотрел в темноту, не моргая. — Он пришёл.

Из-за штабелей досок вышел человек.

Он был высок, сухопар, одет в чёрный халат без единого украшения. Лицо — гладкое, без возраста, словно восковая маска. Но самое страшное было в глазах: зрачки отсутствовали. Только белая пустота, в которой, если всмотреться, кружились едва заметные искры.

— Пожиратель Ци, — выдохнул Чэнь Вэй, и в его голосе впервые за всё время мелькнула настоящая тревога.

Белоглазый остановился в десяти шагах. Он не смотрел на Чэнь Вэя — он смотрел сквозь Сяо Ху, туда, где в Даньтяне свернулось клубком его Ци.

— Печать, — произнёс он. Голос звучал сухо, как шелест бумаги. — Верни.

— Её здесь нет, — Чэнь Вэй шагнул вперёд, заслоняя ученика.

Белоглазый повернул голову. Медленно, словно это причиняло ему боль.

— Я чувствую её запах. В воздухе. Она была здесь. Час назад.

— Ты ошибся.

— Я не ошибаюсь, старик. — Он улыбнулся — тонкими, бескровными губами. — Я всегда нахожу то, что ишу.

Чэнь Вэй вздохнул — тяжело, как человек, принимающий решение, которое откладывал слишком долго.

— Сяо Ху. Закрой глаза. Зажми уши. Не смотри на него, что бы ни случилось.

— Учитель

— ДЕЛАЙ!

Сяо Ху зажмурился, зажал уши ладонями.

Но даже сквозь закрытые веки он увидел вспышку — ослепительную, белую, как молния, ударившая в песок. А сквозь ладони услышал звук, которого не слышал никогда в жизни: рвущийся шёлк, ломающийся лёд, треск сухих костей — всё сразу.

И — крик.

Нечеловеческий. Пронзительный. Он длился, казалось, целую вечность, а потом оборвался, словно кто-то перерезал струну.

Тишина.

Сяо Ху открыл глаза.

Чэнь Вэй стоял на коленях, опираясь рукой о землю. Из рта у него текла кровь — тонкая, чёрная, почти невидимая в темноте. Перед ним, на песке, лежал белый халат — пустой, распластанный, как сброшенная кожа змеи.

— Я его — начал Сяо Ху.

— Нет. Он ушёл. Я только отбросил его физическую оболочку. — Чэнь Вэй вытер губы тыльной стороной ладони. — Но он знает, где мы. Вернётся. У нас меньше часа, пока он соберёт новое тело.

Старый мастер поднялся — с трудом, пошатываясь.

— Береги книгу. Вот печать. И беги к причалу номер семь. Там стоит «Летящая по волнам» — шхуна с красной полосой на борту. Капитан — мой старый должник. Он выведет тебя в открытое море.

— А вы?

— Я задержу его.

— Но вы ранены!

Чэнь Вэй посмотрел на Сяо Ху. В его глазах — выцветших, уставших — мелькнуло что-то тёплое. Почти отеческое.

— Я учил тебя не для того, чтобы ты погиб на этом берегу, мальчик. Ты — должен добраться до континента и вернуть печать в клан «Весеннего ветра» Там всё поймут. Так ты порадуешь своего учителя и надеюсь меня простят предки.

Он протянул руку и коснулся лба Сяо Ху.

Ци хлынуло — тёплое, спокойное, как летняя река. Боль в груди отпустила. Узел в сердце дрогнул и распустился ещё на одну нить.

— Я даю тебе часть своего огня. Он согреет тебя, когда станет холодно, — прошептал Чэнь Вэй. — А теперь — беги.

— Я не брошу вас!

— ГЛУПЕЦ! — голос Чэнь Вэя ударил, как плеть. — Если ты останешься — всё, чему я тебя учил, все жертвы — будут напрасны. Ты — надежда. Не на месть. На то, что Боевой Континент увидит: даже из грязи вырастает лотос.

Сяо Ху стиснул зубы до скрежета.

— Я вернусь за вами, — сказал он.

— Найди сначала себя.

Сяо Ху развернулся и побежал.

Ноги несли его вдоль причалов, сквозь штабеля бочек, мимо спящих стражников. Ветер бил в лицо, солёный и злой.

А за спиной, в той стороне, где остался Чэнь Вэй, взметнулся к небу столб огня — багрового, ревающего, как раненый зверь.

Сяо Ху не обернулся.

Он бежал.

Потому что, если обернётся — остановится навсегда.

Шхуна с красной полосой ждала у седьмого причала. Капитан — одноногий толстяк с серьгой в ухе — уже поднимал парус, когда Сяо Ху запрыгнул на палубу.

— Груз? — коротко спросил он.

— Я.

— Платить чем будешь?

— Учитель сказал — ты мой должник.

Капитан глянул на него, на печать, торчащую из-за пояса, на книгу в руках — и кивнул.

— Садись в трюм. Не высовывайся, пока не выйдем в открытое море. И не вздумай зажигать свет.

Сяо Ху спустился вниз, в темноту, пахнущую рыбой и сырым деревом.

Сел в угол, обхватил колени руками.

Ци в Даньтяне пульсировало ровно — тепло, подаренное Чэнь Вэем, согревало изнутри.

Над головой заскрипели доски, парус хлопнул на ветру, и шхуна качнулась, отрываясь от причала.

Интерлюдия. Утро Баши

Рассвет над Верфью выползал серый, липкий, как пот больного.

Бон-Баши сидел на резном стуле посреди двора — единственном предмете мебели, уцелевшем после ночного пожара. Вокруг чадил головешки, догорали руины складов, пахло горелым деревом и палёной плотью. Рабы, согнанные на площадь, стояли на коленях, боясь поднять голову.

Перед Баши, распятый на деревянной раме, висел Старец.

Чэнь Вэй.

Точнее — то, что от него осталось после встречи с Пожирателем Ци. Лицо — в саже и крови, левая рука вывернута под неестественным углом, грудь вмята, будто по ней прошлись кузнечным молотом. Но глаза — глаза горели. Живые, ясные, насмешливые.

— Ты — Баши подался вперёд, опираясь локтями о колени. Голос его дрожал — не от страха, от бешенства. — Ты украл мою печать. Отдал мальчишке. Думал, я не узнаю?

Чэнь Вэй не ответил. Сплюнул кровь на камни.

— Где он? — Баши повысил голос. — Куда уплыл? Говори, старый пёс, и я сделаю твою смерть быстрой.

Молчание.

— Плеть!

Палач шагнул вперёд — грязный верзила с плетью из сыромятной кожи, вплетённой с металлическими шипами. Удар — воздух взвизгнул, мясо чавкнуло. Чэнь Вэй дёрнулся, но не издал ни звука.

Ещё удар. Ещё.

— Говори!

Тишина.

Баши встал. Подошёл ближе — сапоги хрустели по битому камню. Остановился в полшаге от распятого, заглянул ему в глаза.

— Ты понимаешь, что я могу пытать тебя неделями? У меня есть мастера пыток, которые умеют держать человека на грани смерти сутками. Кричать ты будешь — но не от боли. От отчаяния.

Чэнь Вэй поднял голову. Кровь текла по подбородку, капала на грудь, на пол.

И — улыбнулся.

— Ты думаешь, это пытка, Баши? Ты думаешь, я боюсь боли? — голос его сел, пришлось откашляться, выплюнуть сгусток. — Я сорок лет жил с болью. Каждый день. Каждую ночь. Просыпался и засыпал с мыслью, что моя сестра что мы потеряли ВСЁ из-за жадности твоего отца.

Баши нахмурился.

— Сестра? При чём здесь она?

— При том, что твой отец подкупил Старейшину нашего клана, — прохрипел Чэнь Вэй, и в голосе его зазвенела старая, незаживающая ненависть. — Старый пёс продан за посулы и золото. И когда мы с братом нашли ту печать — печать, что открывает телепорт в усыпальницу древнего клана «Звёздных Тигров» — нас объявили ворами.

Он закашлялся, выплюнул сгусток крови.

— Нас лишили права на культивацию. Разбили источники Ци. Изгнали — как бешеных собак. А сестра — голос дрогнул. — Сестра попыталась защитить нас. И её убили. Прямо на площади. Твой отец смотрел и улыбался.

Баши молчал. Его лицо — холёное, надменное — медленно серело.

— Печать Звёздных Тигров, — прошептал он. — Та самая?

— Да. — Чэнь Вэй усмехнулся, обнажая окровавленные зубы. — В ней — ключ к потерянным техникам, каких на десять тысяч ли не сыщешь. Твой отец двадцать лет охотился за ней. И когда мы с братом её нашли — он решил, что она будет его.

— Вы были никем! — выкрикнул Баши, вскакивая. — Ничтожествами из захолустного клана! Как вы могли найти то, что не могли найти целые секты?!

— А вот так. — Чэнь Вэй рассмеялся — хрипло, страшно. — Судьба. Слепая, глупая судьба. Но твой отец отнял её у нас. Силой. Подкупом. Предательством. И сорок лет мы жили с одной лишь мыслью: вернуть должок.

Он подался вперёд, насколько позволяли верёвки.

— И я вернул. Мальчик уплыл. С печатью. К тем, кто знает, как её использовать. Ты никогда не войдёшь в усыпальницу, Баши. Ты никогда не получишь техники. Твой отец умрёт, так и не коснувшись наследия Звёздных Тигров.

— Я поймаю мальчишку! — рявкнул Баши. — У меня корабли, люди, связи по всему побережью!

— Поздно. — Чэнь Вэй улыбнулся — спокойно, почти блаженно. — Он уже далеко. И даже если ты его догонишь — ты не сможешь открыть печать. Она запечатана кровью. Не твоей.

Баши схватил его за горло.

— Чьей?! Говори!

Чэнь Вэй захрипел, но продолжал улыбаться.

— Ирония, Баши. Великая ирония. Ты думал, что владеешь печатью всё это время. А она просто ждала — когда её заберёт тот, кому она принадлежит по праву крови. Тот, в ком течёт кровь Звёздного Тигра.

Глаза Баши расширились.

— Мальчишка?.. Но он же

— Ты сам знаешь, что бывает если взять печать в руку. Улыбнулся старик.

— Не может быть, он даже не похож. Но печать приняла его.

— Да. — Чэнь Вэй закрыл глаза, и голос его стал тихим, как предсмертный шепот. — Он — потомок по крови, из рода, который твой отец пытался уничтожить. И ты сам привёл его ко мне. Спасибо, Баши.

Он вздохнул — долгий, хриплый вздох — и тело обмякло.

Улыбка так и осталась на его лице.

Баши стоял неподвижно. Перед ним висел мёртвый старик, а в голове пульсировала одна мысль, холодная, как лёд:

«Он всё спланировал. Сорок лет. Всё это время»

Возможно ли? Мальчишка, которого он привёз как раба — последний наследник Звёздных Тигров? Печать ушла с ним. Хозяин будет в ярости. И единственный, кто знал правду — мёртв, с улыбкой на губах.

Солнце поднималось над Верфью. Но для Бон-Баши этот рассвет стал началом долгой, тёмной ночи.

Глава 10

В трюме «Летящей по волнам» Сяо Ху просидел трое суток, медитируя и укрепляя каналы Ци, считая удары волн о борт.

На четвёртый день капитан — одноногий толстяк по прозвищу Щербет — спустился вниз и бросил к ногам парня мешок с сухарями и бурдюк пресной воды.

— Дальше сам, малец.

Сяо Ху поднялся, пряча учебник за пазуху.

— Куда дальше?

— На остров высажу. Пустой остров. Дальше моя посудина не пройдёт — рифы, течения, твари морские. А ты там кого-то встречать должен. Не моё дело кого. Чэнь Вэй заплатил — я везу. Считай, что ты мой должок ему закрываешь.

Сяо Ху промолчал. Он не стал рассказывать, что Чэнь Вэй мёртв и встречать его некому. Теперь он один.

Корабль причалил к скалистому берегу в сумерках.

Остров выглядел мрачно — голые чёрные скалы, никакой зелени, только вой ветра да крики неведомых птиц где-то высоко в небе. Волны разбивались о камни, оставляя белую пену.

— Прыгай, — сказал Щербет. — Через три дня начнётся отлив — вода уйдёт далеко. В пещерах на берегу пережди. Через неделю я вернусь, если буду в этих водах. Если нет — сам выбирайся.

Сяо Ху спрыгнул в ледяную воду.

Волны швыряли его о камни, раздирали кожу в кровь, но он греб из последних сил, сжимая в зубах завёрнутый в промасленную ткань учебник. Печать билась о грудь, и её тяжесть казалась единственной нитью, связывающей его с жизнью.

Он выполз на берег — мокрый, дрожащий, исцарапанный. Лёг на камни, не в силах пошевелиться.

Три дня он провёл на проклятом острове.

И это были три дня настоящего ада.

Первый день прошёл в поисках убежища. Он нашёл пещеру — узкую расщелину в скале, где можно было укрыться от ветра. Развёл огонь старым огнивом, что дал Чэнь Вэй. Сидел у костра, сушил одежду и пытался не думать о том, насколько он одинок.

К ночи пришёл голод.

Сухари, что дал Щербет, кончились на второй день. Вода в бурдюке — на третий. Сяо Ху пытался ловить крабов в прибрежных лужах, но твари оказались быстрее и злее, чем он думал. Один цапнул его за палец так, что кровь хлестала полчаса.

На второй день он наткнулся на гнездо морских птиц. Яйца были горькими и воняли рыбой, но он сожрал их сырыми, давясь и плача от отвращения.

На третий день началась лихорадка.

Сяо Ху лежал на дне пещеры, свернувшись калачиком, и трясся в ознобе. Тело горело, раны на руках и ногах воспалились, Ци внутри бушевало, выходя из-под контроля. Ему казалось, что он умирает.

— Я не сдохну здесь, — шептал он, стискивая зубы до скрежета. — Я не сдохну. Не для того я прошёл через всё это. Не для того Чэнь Вэй сжёг себя.

Он заставил себя сесть. Скрестил ноги. Закрыв глаза.

И начал медитировать.

Ци внутри него бурлило, метало, рвалось наружу — но он удерживал его силой воли. Проводил по меридианам, заставляя течь ровно, как учил Чэнь Вэй. Пот лился градом, мышцы сводило судорогой, но он не останавливался. Час. Два. Три.

Внутри что-то щёлкнуло. Разорвалось. И Ци хлынуло через тело мощным, очищающим потоком. Каналы расширились, клетки напитались силой, и жар спал, уступив место глубокому, ровному теплу.

Сяо Ху открыл глаза.

Он поднял уровень.

Шестой ранг первого уровня Ци-закалки.

— Я сделал это, — прошептал он, глядя на свои руки. — Без пилюль. Без наставника. Просто силой воли.

В груди зажглась искра гордости. Первая за долгое время.

Он вышел из пещеры, щурясь от внезапного солнца. Море дышало ровно, волны лениво накатывали на берег. Но было что-то другое.

Тишина.

Птицы не кричали. Ветер стих. Даже вода словно замерла, не решаясь биться о скалы.

Сяо Ху посмотрел на линию прибоя и замер.

Вода ушла.

Море отступило на сотню шагов, обнажив дно — чёрное илистое месиво, покрытое водорослями, острыми обломками скал и костями. Множеством костей — рыбьих, звериных и человеческих. Они белели на солнце, разбросанные по всей полосе обнажившегося дна.

Отлив.

Но не просто отлив — Великий Отлив, когда вода уходит так далеко, что открываются древние тайны, что спят на дне веками.

Среди чёрной пустоши, в девяноста шагах от берега, зияла чёрная пасть.

Огромный, высотой в три человеческих роста, обрамлённый древними письменами, что светились тусклым голубым светом даже под слоем вековой грязи. Его не могло быть видно с воды — он открывался только сейчас, когда море отступило достаточно далеко.

Печать на груди Сяо Ху взорвалась жаром.

Так сильно, что он вскрикнул и схватился за неё — металл обжигал пальцы, пульсировал в такт сердцу, притягивал, звал, тащил его к этому гроту, словно невидимая цепь.

— Чэнь Вэй — выдохнул Сяо Ху. — Ты знал. Ты всё знал.

Он не колебался ни мгновения.

Спрыгнул с уступа, приземлился на илистое дно, по колено увязнув в холодной жиже. Зашагал к гроту, разбрызгивая грязь, переступая через кости, не глядя под ноги. В лицо бил запах гнили и соли, но он не замечал.

Всё, что он видел — чёрный проём, ждущий его.

И письмена на стенах — те же символы, что и на печати.

Он вошёл внутрь.

В гроте было холодно.

Сырой воздух пах плесенью и чем-то древним — тем запахом, который бывает только в местах, куда не ступала нога человека сотни лет. Стены покрывал скользкий налёт, светящийся тусклым зелёным светом — светляки, грибки, что питаются Ци.

Сяо Ху сделал десять шагов. Двадцать.

Грот уходил вглубь острова, сужаясь и расширяясь, словно горло гигантского зверя. И чем глубже он заходил, тем сильнее нагревалась печать, тем громче пульсировала.

А потом стены заговорили.

Нет — не заговорили. Запели тысячи голосов, слитые в один глубокий гул:

«Печать Звёздного Тигра явилась спустя тысячу лет»

Сяо Ху замер, вглядываясь в темноту.

Стены пещеры были покрыты барельефами — древними, полустёртыми временем, но всё ещё различимыми. Люди в доспехах, запряжённые в колесницы тигры, небесные светила,

переплетённые в сложные узоры. И в центре каждого барельефа — символ, который он узнал мгновенно.

Печать Звёздного Тигра.

— Что это за место? — прошептал он.

Ответа не было, но барельефы вдруг засветились — тускло, едва заметно, и свет этот тянулся к печати на его груди, словно признавая хозяина.

Он пошёл дальше.

Коридор расширился, и Сяо Ху вышел в огромный зал — такой большой, что свод терялся в темноте. Пол был выложен чёрными плитами, каждая с выгравированным символом. В центре зала стоял алтарь — чёрный камень, испещрённый рунами, пульсирующий ровным синим светом.

А перед алтарём, на коленях, сидели скелеты.

Тридцать два скелета.

Они сидели кругом, обратив пустые глазницы к алтарю, словно молились. На некоторых ещё висели лохмотья одежд — тёмно-синих, с вышитыми золотыми нитями тиграми. Кто-то сжимал в костяных пальцах мечи, кто-то — пустые чаши.

Последние стражи.

Или последние жертвы.

Печать на груди Сяо Ху вспыхнула так ярко, что он ослеп. Вырвалась из-под одежды, взлетела в воздух и ровно, словно её вели невидимые руки, опустилась в центр алтаря — в точности подходящее углубление, ждавшее её тысячу лет.

Алтарь взревел.

Синее пламя взметнулось до самого свода, руны загорелись одна за другой, и из алтаря ударил столб света, пронзивший потолок пещеры, ушедший куда-то вверх, сквозь камень, сквозь остров, в самое небо.

Пол под ногами Сяо Ху задрожал.

Скелеты — он мог поклясться — шевельнулись. Их челюсти задвигались, издавая сухой, скрежещущий звук, похожий на древнюю молитву:

— Пришёл пришёл открой врата

Свет схватил Сяо Ху, закрутил его в воронку, и мир перевернулся.

Пещера исчезла.

Остров исчез.

Он летел сквозь бесконечную голубую пустоту, и тело его разрывало на части — нет, не тело, сознание. Ему казалось, что он тонет, задыхается, что его выдавливают сквозь игольное ушко, и боль была такой, что он хотел только одного — чтобы это кончилось.

Пощады.

Но пощады не было.

Он прорывался сквозь границу миров, и Ци в его теле кипело, трансформировалось, впитывая энергию перехода, наполняясь силой, недоступной обычным культиваторам.

А потом всё кончилось.

Сяо Ху рухнул на траву.

Зелёную, мягкую, пахнущую утренней росой. Солнце светило ярко, пели птицы, где-то вдалеке шумел водопад. Воздух был таким чистым и вкусным, насыщенным Ци так сильно, что у Сяо Ху закружилась голова.

Он лежал на спине, глядя в чистое небо, и не мог поверить.

— Жив — выдохнул он. — Я жив.

Он медленно сел, оглядываясь.

Вокруг расстился лес — густой, зелёный, полный жизни. Высокие деревья уходили кронами в облака, воздух звенел от птичьих голосов.

И вдалеке, над вершинами деревьев, парил человек.

Настоящий культиватор — в длинных белых одеждах, с мечом за спиной, парящий в воздухе, словно птица. Он явно заметил вспышку телепорта и теперь летел к месту падения Сяо Ху.

Сяо Ху вскочил на ноги, сжимая кулаки.

— Новый мир, — прошептал он, чувствуя, как Ци бурлит внутри, готовое к бою. — Новые правила. И я не собираюсь проигрывать.

Глава 11

Сяо Ху стоял на поляне, сжимая кулаки, и смотрел, как культиватор в белых одеждах плавно опускается с неба.

Тот приземлился в десяти шагах — мягко, без единого звука, словно опавший лепесток. Меч за спиной даже не звякнул. Длинные рукава одеяния колыхнулись от ветра, и Сяо Ху уловил слабый аромат — сандал и что-то горьковатое, похожее на полынь.

Культиватор оказался мужчиной лет сорока на вид, хотя в этом возрасте для практиков внешность обманчива. Худощавое лицо, острый подбородок, глубоко посаженные глаза — чёрные, как ночное небо, и такие же холодные.

— Значит, пространственный разлом, — сказал он, оглядывая Сяо Ху с ног до головы. — Давненько я такого не видел. Лет тридцать, наверное.

Голос у него был ровный, спокойный, без тени эмоций.

Сяо Ху сглотнул.

— Я я не знал, что это пространственный разлом. Я просто

— Просто шёл по гроту, активировал древнюю печать и провалился в другой мир, — закончил за него культиватор. — Банальная история. Впрочем, для новичка — впечатляет.

Он сделал шаг вперёд, и Сяо Ху инстинктивно отступил.

— Не дёргайся, — бросил мужчина. — Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже лежал с пробитой головой. Я просто хочу посмотреть на твою печать.

Сяо Ху замер.

— Откуда ты

— Я мастер секты Небесного Меча, четвёртый ранг Сферы Ядра, по имени Лань Фэн. И я чувствую печать Звёздного Тигра за версту. Ты хоть знаешь, что носишь на груди?

— Знаю. Это наследие моего рода.

Лань Фэн усмехнулся — криво, без тени веселья.

— Рода, которого больше нет. Звёздные Тигры вымерли тысячу лет назад. Или ты думал, что ты первый, кто пришёл с Острова Отлива за последние триста лет?

Сяо Ху похолодел.

— О чём ты?

— О том, мальчик, что за этой печатью охотятся полконтинента. И если кто-то узнает, что ты её носишь, ты не проживёшь и дня. — Лань Фэн скрестил руки на груди. — Хорошая новость: я не охочусь за ней. Мне она не нужна. Плохая новость: я не собираюсь тебя защищать просто так.

Сяо Ху стиснул зубы.

— Чего ты хочешь?

— Умный вопрос. — Лань Фэн одобрительно кивнул. — Ты шестой ранг первого уровня Ци-закалки. На Острове Отлива это, наверное, считалось достижением. Здесь — это дно. Последний мусорщик в нашей секте сильнее тебя в два раза.

— Я знаю, — тихо ответил Сяо Ху. — Я чувствую это. Воздух здесь пропитан Ци так, что у меня кружится голова. Я вижу, как ты паришь в небе, и понимаю, как многому мне ещё нужно научиться.

Лань Фэн прищурился.

— Ты не врешь. И не пытаешься казаться круче, чем есть. Это редкость среди молодых.

— А смысл? Ты видишь меня насквозь. Я для тебя — открытая книга.

— Хм. — Лань Фэн задумался на мгновение. — Ладно. Слушай сюда. Я возьму тебя в ученики. На испытательный срок в три месяца. Если за это время ты не покажешь прогресса — вышвырну вон, и печать тебя не спасёт. Если покажешь — будешь учиться дальше.

Сяо Ху моргнул.

— Ты ты серьёзно?

— Я никогда не шучу, когда речь идёт о практике, — отрезал Лань Фэн. — Но учти: я буду гонять тебя так, что ты возненавидишь само слово «культивация». Я буду ломать твоё тело, твой дух и твою волю. И если ты сломаешься — ты умрёшь. Не от моих рук. Просто — не выживешь.

Сяо Ху посмотрел ему в глаза.

В них не было жестокости. Только холодная, стальная решимость.

— Я согласен, — сказал он. — Я не сломаюсь. Я прошёл через горящий храм, через море, через проклятый остров, через телепорт. Я не умру от того, что какой-то старик будет меня гонять.

— Старик? — Лань Фэн удивлённо поднял бровь. — Мне сорок два. Для культиватора — расцвет сил.

— Для меня — старик, — огрызнулся Сяо Ху.

Лань Фэн расхохотался.

Впервые — искренне, открыто, запрокинув голову.

— Ну, дерзости тебе не занимать. Это хорошо. Значит, будешь жить.

Он развернулся и пошёл в сторону леса, бросив через плечо:

— Пошли. Переночуешь у меня в хижине. Завтра начнём твоё обучение. И запомни первое правило Божественного Континента: здесь не прощают слабость. Никогда.

Сяо Ху выдохнул, чувствуя, как напряжение спадает.

Он сделал шаг — и чуть не упал, потому что ноги подкосились от усталости. Телепорт, лихорадка, прорыв, встреча с культиватором Сферы Ядра — организм был на пределе.

— Эй, старик, — крикнул он вдогонку. — У тебя есть что-нибудь поесть? Я три дня жрал сырые яйца и сухари.

Лань Фэн обернулся, усмехнувшись.

— Есть. Но сначала — водопад. Ты воняешь так, что даже духи леса разбегаются.

Сяо Ху усмехнулся в ответ.

Впервые за долгое время.

Ночь в хижине Лань Фэна была странной.

Хижина стояла на поляне в глубине леса — маленькая, аккуратная, с очагом, циновками и полками, уставленными свитками и склянками. На стене висел меч — старый, в потёртых ножнах, но от него исходила такая мощная аура Ци, что у Сяо Ху мурашки бежали по коже.

— Не пялься, — сказал Лань Фэн, разливая чай. — Это Плач Луны, моё духовное оружие. Потрогаешь без спроса — останешься без пальцев.

— Понял. — Сяо Ху сел у очага, грея руки над огнём. — Скажи а почему ты согласился взять меня? Ты же меня совсем не знаешь.

Лань Фэн помолчал, глядя в чашку.

— Потому что триста лет никто не приходил с Острова Отлива. А когда кто-то приходит — это судьба. Судьбу нельзя игнорировать. — Он поднял взгляд. — И потому, что у тебя есть глаза человека, который видел смерть. Такие глаза не врут.

Сяо Ху опустил голову.

— Я видел. Старик Чэнь Вэй сгорел заживо, чтобы я мог уйти.

— Значит, ты должен жить так, чтобы его жертва не была напрасной. — Лань Фэн протянул ему чашку. — Пей. Это чай из корня белого лотоса. Очистит твои меридианы после перехода.

Сяо Ху взял чашку, сделал глоток — и по телу разлилось тепло, мягкое, обволакивающее, смывающее усталость.

— Вкусно, — удивился он.

— Ещё бы. Одна такая чашка стоит пять серебряных монет. Для новичка — это целое состояние. Цени.

Сяо Ху кивнул и допил чай до дна.

Лёг спать на циновку у очага, укрывшись старым одеялом. Спал крепко — впервые за много дней.

И во сне ему приснился Чэнь Вэй.

Старик стоял в белой пустоте, молодой, без шрамов и ожогов, и улыбался.

— Ты на месте, — сказал он. — Теперь не останавливайся.

Сяо Ху проснулся с мокрыми щеками.

На улице светало.

— Вставай, соня! — раздался крик Лань Фэна снаружи. — Через десять минут начинаем. Опоздаешь — будешь чистить отхожее место месяц.

Сяо Ху вскочил, натянул одежду, выбежал на улицу.

Лань Фэн стоял на поляне, держа в руке деревянный меч — простой, некрашенный, без всяких украшений.

— Первый урок, — сказал он. — Ты знаешь, как накапливать Ци. Но ты не знаешь, как им пользоваться. Ты как кузнец, который держит молот, но не умеет ковать. Понял?

— Понял.

— Хорошо. — Лань Фэн бросил ему деревянный меч. — Тогда попробуй попасть по мне.

Сяо Ху поймал меч, размял запястье и бросился в атаку.

Через три секунды он лежал на траве, глотая пыль, а Лань Фэн стоял над ним с абсолютно спокойным лицом.

— Руки слабые. Ноги не в той позиции. Ци не направлено. Ты как младенец с палкой. Ещё раз.

Сяо Ху встал, отряхнулся и снова бросился.

Через три секунды он снова лежал на траве.

— Ещё.

— Ещё.

— Ещё.

Через час у Сяо Ху не было сил даже подняться. Он лежал на спине, глядя в небо, и тяжело дышал.

Лань Фэн сел рядом на траву.

— Запомни главное, — сказал он тихо. — Ци — это не просто сила. Это твоя воля, твоя кровь, твоя жизнь. Если ты бьёшь Ци — ты бьёшь всей своей сущностью. И если ты боишься ударить по-настоящему — ты никогда не пробьёшь даже первый ранг Сферы Ядра. Ты понял?

Сяо Ху перевёл дыхание.

— Понял.

— Хорошо. Тогда поднимайся. Повторим ещё двадцать раз.

Сяо Ху застонал.

Но встал.

К вечеру он еле шевелился — тело ломило, на руках и ногах были синяки, ладони стёрты в кровь. Но в груди горел тёплый огонёк — чувство, что он наконец-то начал что-то делать.

— Неплохо, — сказал Лань Фэн, когда они сидели у очага. — Для первого дня — сносно. Ты не сломался, не заплакал, не попросил пощады. Это уже больше, чем я ожидал.

— Ты обещал, что будешь гонять меня, — прохрипел Сяо Ху, — но ты не говорил, что у меня отсохнут руки.

— Не отсохнут. За ночь восстановятся. Ци в этом мире работает быстрее, чем ты привык. — Лань Фэн протянул ему чашку с чаем. — Пей и спи. Завтра будет сложнее.

Сяо Ху взял чашку и вдруг замер.

— Скажи а у тебя есть ученики? Ну, кроме меня?

Лань Фэн помрачнел.

— Был. Один.

— И где он?

— Мёртв.

Повисла тишина.

Сяо Ху не стал спрашивать подробностей. Он просто допил чай и лёг спать.

Но перед сном, глядя в тёмный потолок, он подумал:

«Я не стану ещё одной потерей. Я выживу. Я стану сильнее. Ради Чэнь Вэя. Ради себя.

И ради того, кто когда-то поверит в меня».

Он закрыл глаза и провалился в сон.

На следующий день Лань Фэн устроил ему проверку — настоящую, жёсткую, без скидок.

Три часа бега по горам с мешком камней на плечах.

Два часа отработки базового удара мечом — десять тысяч повторений.

Час медитации в ледяном ручье, чтобы научиться контролировать поток Ци под нагрузкой.

И вечером — спарринг.

Снова проигрыш за проигрышем.

Сяо Ху сбил костяшки в кровь, разодрал колено об острый камень, получил по рёбрам так, что до сих пор ныло при вдохе.

Но он не сдался.

И на десятый раз — впервые — он зацепил Лань Фэна. Край рукава. Лёгкое касание. Но это был прогресс.

Лань Фэн остановился, посмотрел на разрезанный рукав — и улыбнулся.

— А ты способный, парень.

Сяо Ху рухнул на колени, тяжело дыша, но на лице его была широкая, счастливая улыбка.

— А ты думал, старик.

С этого дня начался его путь на Божественном Континенте.

Путь, который приведёт его к вершинам, которые он пока даже не может вообразить.

Но первый шаг он сделал.

Сяо Ху стоял на поляне, сжимая кулаки, и смотрел, как культиватор в белых одеждах плавно опускается с неба.

Тот приземлился в десяти шагах — мягко, без единого звука, словно опавший лепесток. Меч за спиной даже не звякнул. Длинные рукава одеяния колыхнулись от ветра, и Сяо Ху уловил слабый аромат — сандал и что-то горьковатое, похожее на полынь.

Культиватор оказался мужчиной лет сорока на вид, хотя в этом возрасте для практиков внешность обманчива. Худощавое лицо, острый подбородок, глубоко посаженные глаза — чёрные, как ночное небо, и такие же холодные.

— Значит, пространственный разлом, — сказал он, оглядывая Сяо Ху с ног до головы. — Давненько я такого не видел. Лет тридцать, наверное.

Голос у него был ровный, спокойный, без тени эмоций.

Сяо Ху сглотнул.

— Я я не знал, что это пространственный разлом. Я просто

— Просто шёл по гроту, активировал древнюю печать и провалился в другой мир, — закончил за него культиватор. — Банальная история. Впрочем, для новичка — впечатляет.

Он сделал шаг вперёд, и Сяо Ху инстинктивно отступил.

— Не дёргайся, — бросил мужчина. — Если бы я хотел тебя убить, ты бы уже лежал с пробитой головой. Я просто хочу посмотреть на твою печать.

Сяо Ху замер.

— Откуда ты

— Я мастер секты Небесного Меча, четвёртый ранг Сферы Ядра, по имени Лань Фэн. И я чувствую печать Звёздного Тигра за версту. Ты хоть знаешь, что носишь на груди?

— Знаю. Это наследие моего рода.

Лань Фэн усмехнулся — криво, без тени веселья.

— Рода, которого больше нет. Звёздные Тигры вымерли тысячу лет назад. Или ты думал, что ты первый, кто пришёл с Острова Отлива за последние триста лет?

Сяо Ху похолодел.

— О чём ты?

— О том, мальчик, что за этой печатью охотятся полконтинента. И если кто-то узнает, что ты её носишь, ты не проживёшь и дня. — Лань Фэн скрестил руки на груди. — Хорошая новость: я не охочусь за ней. Мне она не нужна. Плохая новость: я не собираюсь тебя защищать просто так.

Сяо Ху стиснул зубы.

— Чего ты хочешь?

— Умный вопрос. — Лань Фэн одобрительно кивнул. — Ты шестой ранг первого уровня Ци-закалки. На Острове Отлива это, наверное, считалось достижением. Здесь — это дно. Последний мусорщик в нашей секте сильнее тебя в два раза.

— Я знаю, — тихо ответил Сяо Ху. — Я чувствую это. Воздух здесь пропитан Ци так, что у меня кружится голова. Я вижу, как ты паришь в небе, и понимаю, как многому мне ещё нужно научиться.

Лань Фэн прищурился.

— Ты не врешь. И не пытаешься казаться круче, чем есть. Это редкость среди молодых.

— А смысл? Ты видишь меня насквозь. Я для тебя — открытая книга.

— Хм. — Лань Фэн задумался на мгновение. — Ладно. Слушай сюда. Я возьму тебя в ученики. На испытательный срок в три месяца. Если за это время ты не покажешь прогресса — вышвырну вон, и печать тебя не спасёт. Если покажешь — будешь учиться дальше.

Сяо Ху моргнул.

— Ты ты серьёзно?

— Я никогда не шучу, когда речь идёт о практике, — отрезал Лань Фэн. — Но учти: я буду гонять тебя так, что ты возненавидишь само слово «культивация». Я буду ломать твоё тело, твой дух и твою волю. И если ты сломаешься — ты умрёшь. Не от моих рук. Просто — не выживешь.

Сяо Ху посмотрел ему в глаза.

В них не было жестокости. Только холодная, стальная решимость.

— Я согласен, — сказал он. — Я не сломаюсь. Я прошёл через горящий храм, через море, через проклятый остров, через телепорт. Я не умру от того, что какой-то старик будет меня гонять.

— Старик? — Лань Фэн удивлённо поднял бровь. — Мне сорок два. Для культиватора — расцвет сил.

— Для меня — старик, — огрызнулся Сяо Ху.

Лань Фэн расхохотался.

Впервые — искренне, открыто, запрокинув голову.

— Ну, дерзости тебе не занимать. Это хорошо. Значит, будешь жить.

Он развернулся и пошёл в сторону леса, бросив через плечо:

— Пошли. Переночуешь у меня в хижине. Завтра начнём твоё обучение. И запомни первое правило Божественного Континента: здесь не прощают слабость. Никогда.

Сяо Ху выдохнул, чувствуя, как напряжение спадает.

Он сделал шаг — и чуть не упал, потому что ноги подкосились от усталости. Телепорт, лихорадка, прорыв, встреча с культиватором Сферы Ядра — организм был на пределе.

— Эй, старик, — крикнул он вдогонку. — У тебя есть что-нибудь поесть? Я три дня жрал сырые яйца и сухари.

Лань Фэн обернулся, усмехнувшись.

— Есть. Но сначала — водопад. Ты воняешь так, что даже духи леса разбегаются.

Сяо Ху усмехнулся в ответ.

Впервые за долгое время.

Ночь в хижине Лань Фэна была странной.

Хижина стояла на поляне в глубине леса — маленькая, аккуратная, с очагом, циновками и полками, уставленными свитками и склянками. На стене висел меч — старый, в потёртых ножнах, но от него исходила такая мощная аура Ци, что у Сяо Ху мурашки бежали по коже.

— Не пялься, — сказал Лань Фэн, разливая чай. — Это Плач Луны, моё духовное оружие. Потрогаешь без спроса — останешься без пальцев.

— Понял. — Сяо Ху сел у очага, грея руки над огнём. — Скажи а почему ты согласился взять меня? Ты же меня совсем не знаешь.

Лань Фэн помолчал, глядя в чашку.

— Потому что триста лет никто не приходил с Острова Отлива. А когда кто-то приходит — это судьба. Судьбу нельзя игнорировать. — Он поднял взгляд. — И потому, что у тебя есть глаза человека, который видел смерть. Такие глаза не врут.

Сяо Ху опустил голову.

— Я видел. Старик Чэнь Вэй сторел заживо, чтобы я мог уйти.

— Значит, ты должен жить так, чтобы его жертва не была напрасной. — Лань Фэн протянул ему чашку. — Пей. Это чай из корня белого лотоса. Очистит твои меридианы после перехода.

Сяо Ху взял чашку, сделал глоток — и по телу разлилось тепло, мягкое, обволакивающее, смывающее усталость.

— Вкусно, — удивился он.

— Ещё бы. Одна такая чашка стоит пять серебряных монет. Для новичка — это целое состояние. Цени.

Сяо Ху кивнул и допил чай до дна.

Лёг спать на циновку у очага, укрывшись старым одеялом. Спал крепко — впервые за много дней.

И во сне ему приснился Чэнь Вэй.

Старик стоял в белой пустоте, молодой, без шрамов и ожогов, и улыбался.

— Ты на месте, — сказал он. — Теперь не останавливайся.

Сяо Ху проснулся с мокрыми щеками.

На улице светало.

— Вставай, соня! — раздался крик Лань Фэна снаружи. — Через десять минут начинаем. Опоздаешь — будешь чистить отхожее место месяц.

Сяо Ху вскочил, натянул одежду, выбежал на улицу.

Лань Фэн стоял на поляне, держа в руке деревянный меч — простой, некрашенный, без всяких украшений.

— Первый урок, — сказал он. — Ты знаешь, как накапливать Ци. Но ты не знаешь, как им пользоваться. Ты как кузнец, который держит молот, но не умеет ковать. Понял?

— Понял.

— Хорошо. — Лань Фэн бросил ему деревянный меч. — Тогда попробуй попасть по мне.

Сяо Ху поймал меч, размял запястье и бросился в атаку.

Через три секунды он лежал на траве, глотая пыль, а Лань Фэн стоял над ним с абсолютно спокойным лицом.

— Руки слабые. Ноги не в той позиции. Ци не направлено. Ты как младенец с палкой. Ещё раз.

Сяо Ху встал, отряхнулся и снова бросился.

Через три секунды он снова лежал на траве.

— Ещё.

— Ещё.

— Ещё.

Через час у Сяо Ху не было сил даже подняться. Он лежал на спине, глядя в небо, и тяжело дышал.

Лань Фэн сел рядом на траву.

— Запомни главное, — сказал он тихо. — Ци — это не просто сила. Это твоя воля, твоя кровь, твоя жизнь. Если ты бьёшь Ци — ты бьёшь всей своей сущностью. И если ты боишься ударить по-настоящему — ты никогда не пробьёшь даже первый ранг Сферы Ядра. Ты понял?

Сяо Ху перевёл дыхание.

— Понял.

— Хорошо. Тогда поднимайся. Повторим ещё двадцать раз.

Сяо Ху застонал.

Но встал.

К вечеру он еле шевелился — тело ломило, на руках и ногах были синяки, ладони стёрты в кровь. Но в груди горел тёплый огонёк — чувство, что он наконец-то начал что-то делать.

— Неплохо, — сказал Лань Фэн, когда они сидели у очага. — Для первого дня — сносно. Ты не сломался, не заплакал, не попросил пощады. Это уже больше, чем я ожидал.

— Ты обещал, что будешь гонять меня, — прохрипел Сяо Ху, — но ты не говорил, что у меня отсохнут руки.

— Не отсохнут. За ночь восстановятся. Ци в этом мире работает быстрее, чем ты привык. — Лань Фэн протянул ему чашку с чаем. — Пей и спи. Завтра будет сложнее.

Сяо Ху взял чашку и вдруг замер.

— Скажи а у тебя есть ученики? Ну, кроме меня?

Лань Фэн помрачнел.

— Был. Один.

— И где он?

— Мёртв.

Повисла тишина.

Сяо Ху не стал спрашивать подробностей. Он просто допил чай и лёг спать.

Но перед сном, глядя в тёмный потолок, он подумал:

«Я не стану ещё одной потерей. Я выживу. Я стану сильнее. Ради Чэнь Вэя. Ради себя. И ради того, кто когда-то поверит в меня».

Он закрыл глаза и провалился в сон.

На следующий день Лань Фэн устроил ему проверку — настоящую, жёсткую, без скидок. Три часа бега по горам с мешком камней на плечах.

Два часа отработки базового удара мечом — десять тысяч повторений.

Час медитации в ледяном ручье, чтобы научиться контролировать поток Ци под нагрузкой.

И вечером — спарринг.

Снова проигрыш за проигрышем.

Сяо Ху сбил костяшки в кровь, разодрал колено об острый камень, получил по рёбрам так, что до сих пор ныло при вдохе.

Но он не сдался.

И на десятый раз — впервые — он зацепил Лань Фэна. Край рукава. Лёгкое касание. Но это был прогресс.

Лань Фэн остановился, посмотрел на разрезанный рукав — и улыбнулся.

— А ты способный, парень.

Сяо Ху рухнул на колени, тяжело дыша, но на лице его была широкая, счастливая улыбка.

— А ты думал, старик.

С этого дня начался его путь на Божественном Континенте.

Путь, который приведёт его к вершинам, которые он пока даже не может вообразить.

Но первый шаг он сделал.

Глава 12

Месяц пролетел как один день.

Сяо Ху проснулся до рассвета и ложился за полночь. Его тело превратилось в сплошной синяк, мозоли на руках стали жесткими, как подошвы сапог, но он чувствовал, как Ци течет по меридианам все быстрее и увереннее.

Лань Фэн не давал поблажек — ни разу. Даже когда Сяо Ху сломал ребро на девятнадцатый день, мастер лишь перевязал его, влил в горло горькую настойку и отправил бежать дальше.

— Боль — твой учитель, — сказал он тогда. — Запомни это чувство. Оно спасет тебе жизнь.

Но на тридцатый день Лань Фэн объявил:

— Хватит прятаться. Пора показать тебя секте.

Сяо Ху застыл с чашкой чая в руках.

— Секте?

— Небесный Меч — не просто школа. Это одна из двенадцати великих сект Боевого Континента. Если ты хочешь учиться по-настоящему, тебе нужно пройти через Небесные Врата. — Лань Фэн отложил свиток, который читал. — Испытание для всех новичков. Ты сдашь — получишь статус внешнего ученика. Не сдашь — вернешься в свой низший мир в виде пепла.

— В виде пепла? — переспросил Сяо Ху. — У нас говорили проще: тебя убьют.

— Тут тоже убьют. Просто образно выражаются, чтоб страшнее было. — Лань Фэн усмехнулся. — Готовься. Через три дня испытание.

Небесные Врата оказались каменным монолитом в центре горного ущелья.

Сяо Ху стоял среди десятков других претендентов — все молодые, все в одинаковых серых робах, все сжимали мечи так, будто от этого зависит их жизнь. Потому что от этого и зависела.

Вокруг толпились наставники в белых одеждах, смотрели оценивающе, цепко, как торговцы скотом на ярмарке.

— Слушайте все! — раздался голос, усиленный ци. — Испытание Небесных Врат простое: пройти сквозь лабиринт, найти выход и не умереть. Внутри — ловушки, звери и духовные барьеры. Кто сдастся — кричите «отрекаюсь», вас вытащат. Но знайте: отрекшегося Небесный Меч никогда не примет.

Сяо Ху поправил деревянный меч на поясе.

Настоящее оружие новичкам не давали — считалось, что заслужить надо.

Рядом с ним стоял парень с нервным лицом, тощий, с прыщами на лбу.

— Эй, ты, — зашептал он. — Слышал, что внутри живет Огненная Лисица пятого ранга?

Одним укусом разрывает человека пополам.

— Слышал, — коротко ответил Сяо Ху.

— И не боишься?

Сяо Ху повернулся к нему.

— Боюсь. Но бояться и отступать — разные вещи.

Парень открыл рот, чтобы что-то ответить, но тут каменный монолит загудел — и створки начали расходиться.

Внутри — тьма. Густая, живая, дышащая.

— Вперед! — крикнул главный наставник. — Испытание началось!

Толпа хлынула внутрь.

Сяо Ху шагнул в темноту, и она поглотила его целиком.

Лабиринт оказался хуже, чем он представлял.

Узкие коридоры, резкие повороты, стены из черного камня, которые источали холод. С потолка капала вода, где-то в глубине выли звери, и эти звуки отдавались эхом, сбивая с толку.

Первая ловушка ждала через минуту.

Сяо Ху ступил на плиту — и пол под ним провалился. Он успел ухватиться за край, повис над ямой, на дне которой торчали копыя. Руки скользили — камень был мокрым.

— Ци в ноги! — выдохнул он, концентрируя энергию.

Пальцы впились в камень, оставляя царапины. Он подтянулся, перекатился на безопасную плиту — и замер, прислушиваясь к биению сердца.

Рядом кто-то закричал.

Сяо Ху обернулся — позади двое парней пытались отбиться от огромной многоножки. Панцирь — синий, светящийся, ядовитый. Один уже лежал на полу, второй размахивал мечом, но лезвие отскакивало от панциря, как от железа.

— Помоги! — закричал он, заметив Сяо Ху.

Сяо Ху стиснул зубы.

«Не лезь не в свое дело. Выживи сам — и достаточно».

Но ноги уже несли его вперед.

Он влетел в многоножку сбоку, вложив в удар всю ци, что успел накопить. Деревянный меч хрустнул — но трещина пошла по панцирю. Многоножка взвизгнула, развернулась к новому врагу.

— Бей под брюхо! — крикнул Сяо Ху второму парню. — Там нет панциря!

Парень кивнул, нырнул под тварь — и вонзил меч по рукоять.

Многоножка дернулась, забилась и затихла.

Сяо Ху выдохнул. Посмотрел на свой сломанный меч.

— Дерьмо.

— Спасибо, — сказал парень, вытирая пот со лба. — Ты спас меня.

— Я спас себя, просто тебе повезло оказаться рядом. — Сяо Ху отбросил обломки меча.

— Мне нужно новое оружие.

— Возьми мое.

— Не глупи. Оно тебе самому нужно.

Но парень уже протягивал ему запасной кинжал — короткий, но острый.

— Я Вэй Чунь, — сказал он. — Третий ранг второго уровня закалки ци. Ты?

— Сяо Ху. Шестой ранг первого уровня.

— Шестой ранг первого? — Вэй Чунь удивился. — И ты так дерешься? Я думал, ты хотя бы второй уровень.

— У каждого свой путь. — Сяо Ху пристегнул кинжал к поясу. — Двигаем дальше. Вместе.

— Вместе, — кивнул Вэй Чунь.

И они побежали в глубину лабиринта.

Через два часа из тридцати претендентов в живых осталось двенадцать.

Трое отреклись. Пятеро погибли. Остальные разбрелись по лабиринту, и Сяо Ху потерял им счет.

Они с Вэй Чунем шли по туннелю, стены которого покрывали светящиеся лишайники — они давали тусклый, синеватый свет, достаточный, чтобы различать дорогу.

Вэй Чунь оказался неплохим бойцом. Слабоват в контроле ци, но быстрый и хитрый. Вместе они завалили двух каменных пауков, ушли от песчаной ловушки и едва не сварились заживо в паровом зале.

— Я начинаю уставать, — признался Вэй Чунь, опираясь на стену. — Ци почти на исходе.

— У меня тоже. Но выход близко. Я чувствую движение воздуха.

— Откуда ты знаешь?

— На Острове Отлива я научился чувствовать ветер. Он всегда говорит правду.
Вэй Чунь посмотрел на него с уважением.

В этот момент стена справа от них взорвалась.

Из пролома вылетела фигура — огромная, мускулистая, в обрывках серой робы. Человек.

Бывший претендент.

Но он смотрел на них белыми глазами — без зрачков, без мысли.

— Печать Звездного Тигра — прохрипел он мертвым голосом. — Отдай

Сяо Ху отшатнулся.

— Что за?!

Человек бросился вперед — с неестественной скоростью, с силой, нечеловеческой для его уровня.

Вэй Чунь попытался заблокировать — и отлетел в стену, ломая ее спиной.

Он потерял сознание.

Сяо Ху остался один на один с белыми глазами.

— Печать — повторила тварь. — Моя моя.

Сяо Ху выхватил кинжал.

— Пошел ты.

Он бросился в атаку.

Бой был коротким и жестоким.

Тварь была сильнее, быстрее, но Сяо Ху был хитрее. Он использовал стены, углы, разрывы дистанции. Он пропустил удар по ребрам, второй — по лицу, из носа хлынула кровь, но он не отступал.

«Ци — это моя воля, моя кровь, моя жизнь», — звучал в голове голос Лань Фэна.

Сяо Ху концентрировал остатки энергии в правой руке.

Один удар.

Точный.

Кинжал вошел под подбородок — мягкое место, где не было защиты.

Тварь дернулась — и рухнула.

Белый свет ушел из глаз. Тело обмякло.

Сяо Ху стоял над ним, тяжело дыша, чувствуя, как ци утекает, как река в песок.

«Это кто-то послал его за мной», — понял он. — «Кто-то знает, что я здесь».

Он поднял взгляд — и увидел выход.

Свет.

Настоящий дневной свет, пробивающийся сквозь щель между камнями.

— Вэй Чунь. — Он подбежал к парню, взвалил его на плечо. — Мы почти вышли. Не смей умирать.

Он шагнул к выходу.

И вышел наружу.

Яркое солнце ударило в глаза. Прохладный ветер — на мокрое от пота лицо.

Перед ним стояли наставники Небесного Меча.

Главный из них — старик с длинной седой бородой, в вышитой золотом мантии — посмотрел на него, на бессознательного Вэй Чуня и произнес:

— Имя?

— Сяо Ху.

Старик кивнул и записал что-то в свиток.

— Внешний ученик Небесного Меча. С этого дня — ты один из нас.

Сяо Ху опустил Вэй Чуня на траву и рухнул рядом.

Он сдал.

Но внутри росла тревога: кто послал ту тварь? И сколько еще охотников за печатью ждут его впереди?

Вот улучшенная и дополненная версия вашего наброска, выдержанная в стиле и формате повествования предыдущих глав:

Три дня прошли как в тумане.

Сяо Ху почти не спал. Всё, что он видел в лабиринте — белые глаза твари, её мёртвый голос, требующий Печать — застыло в памяти раскалённым клеймом. Он перевязывал рёбра, менял сбитые бинты на руках и читал. Читал запоем, словно книги могли заткнуть дыру в груди.

Лань Фэн не мешал. Он лишь подкладывал новые свитки на стол — об истории Боевого Континента, о картах земель, о клановых распрях и о том, как устроен мир за пределами Острова Отлива.

Мир, в который Сяо Ху теперь шагнул по-настоящему.

И этот мир оказался чудовищно большим.

Сто двенадцать великих сект. Три императорских дома. Семь кланов, владеющих наследием Древних. Бесчисленные княжества, города-государства, земли, где Ци течёт так густо, что воздух искрит. И над всем этим — небеса, разделённые на девять уровней, где, по слухам, живут бессмертные.

Сяо Ху захлопнул свиток и потёр глаза.

«Как целые страны, там далеко, где я родился, вообще мог жить, ничего не знают об этом? Или — нет желая знать?»

Глава о клане «Весенний Ветер» попала ему на третий день.

Четыре строчки в энциклопедии упавших домов: «Клан Весеннего Ветра — уничтожен во время Войны Девяти Пиков. Оставшиеся ветви рассеяны. Печать рода утеряна. Считается, что виновников потери печати, изгнали в земли дальше Острова Отлива».

Сяо Ху долго смотрел на эти строки.

Печать утеряна. Он носил на груди то, что весь мир считал исчезнувшим.

И кто-то знал об этом.

Беседка стояла на краю обрыва. Ветер дул с ущелья, принося запах сосен и мокрой травы. Лань Фэн сидел с чашкой чая, и напротив него расположился незнакомый мастер — высокий, с острыми чертами лица и длинными рукавами, расшитыми серебряными нитями.

Сяо Ху остановился в двадцати шагах, вдохнул, выдохнул и направился к ним.

Он шёл ровно, не семена, не пряча взгляд. Спина прямая, руки сложены в уважительном жесте — так, как учил Чэнь Вэй: «Если кланяешься старшему — кланяйся до земли. Если говоришь — говори прямо».

— Простите, Старшие! — Сяо Ху остановился у входа в беседку и поклонился. — Могу ли я поговорить с учителем?

Незнакомец медленно отставил чашку. Его взгляд скользнул по Сяо Ху — цепкий, оценивающий, как у мастера, который привык видеть людей насквозь.

— Какой интересный у тебя ученик, Лань Фэн, — произнёс он с лёгкой улыбкой. — Обучен грамоте, почтителен, да ещё и прошёл испытание. Очень забавный малец. Буду наблюдать за его успехами.

Он поднялся, одёрнул рукава и, проходя мимо Сяо Ху, остановился на мгновение.

— А тебе, мальчик, хочу дать совет. — Голос незнакомца стал чуть тише, но в нём прорезалась насмешливая теплота. — Держи своего учителя подальше от вина и игровых залов. Кости часто мешают жизни и культивации. Особенно если эти кости — игральные.

Лань Фэн, доселе невозмутимый, слегка покраснел и кашлянул в кулак.

— Брат «У», не стоит так обо мне переживать. Я давно уже не ребёнок. — Он поджал губы. — И не стоило тебе говорить о моих пристрастиях при моём ученике.

— Я всего лишь забочусь о брате. Что тут такого? — Незнакомец улыбнулся шире и, не оборачиваясь, направился к тропе. — Удачи тебе, малец. Она понадобится.

Он скрылся за поворотом, и Сяо Ху остался один на один с учителем.

Лань Фэн вздохнул, налил свежую чашку чая и указал на место напротив себя.

— Садись. Я слушаю тебя, ученик.

Сяо Ху опустил на циновку, но не стал брать чай.

— Учитель. Я прошёл испытание. Мне велели прибыть через десять дней в секту Небесного Меча в качестве внешнего ученика. Дали время на сборы.

— Знаю. — Лань Фэн отпил глоток. — Я уже получил уведомление.

— Но у меня есть два нерешённых вопроса. — Сяо Ху сжал пальцы в кулак под столом. — Нет, даже три. И я прошу вашей помощи.

Лань Фэн поставил чашку и сложил руки на коленях. Вся его расслабленная поза исчезла — сменилась вниманием хищника.

— Продолжай, Сяо Ху. Я весь во внимании.

Сяо Ху глубоко вздохнул.

— Первое: печать. Я обещал своему первому наставнику — Чэнь Вэйю — вернуть Печать Весеннего Ветра в клан. Это было его последнее желание. Наставник погиб, защищая меня и эту печать. Я не могу предать его память.

Лань Фэн не перебивал. Лишь едва заметно кивнул.

— Второе: в лабиринте на меня напали. Не просто ловушка или зверь — человек, одержимый чем-то. Он требовал печать. Он знал, что она у меня. — Сяо Ху поднял взгляд на учителя. — Я чудом выжил. Благодаря Вэй Чуню, моему новому другу. Но если печать останется у меня, я подвергаю опасности всех, кто рядом. Включая вас, учитель.

Лань Фэн молчал, и его молчание было тяжелее любого крика.

— И третье. — Сяо Ху опустил голову. — Самое главное. Я не могу дальше культивировать Ци. Всё, что я вам сказал — долг, угроза, страх за других — мешает моему сознанию. Я не могу сконцентрироваться на цели. Ци застревает в меридианах, как вода в пересохшем русле.

Он поднялся и поклонился — низко, до самой земли, коснувшись лбом циновки.

— Учитель. Я прошу вас помочь мне вернуть печать. Я не прошу сделать это за меня. Я прошу научить меня, как сделать это самому.

Тишина повисла в беседке. Ветер стих, словно даже природа ждала ответа.

Лань Фэн долго смотрел на склонённую голову ученика. Потом медленно поднялся, подошёл к краю обрыва и заговорил, не оборачиваясь:

— Ты знаешь, почему я взял тебя в ученики, Сяо Ху?

— Нет, учитель.

— Я взял тебя не потому, что ты сильный. Ты слаб. Даже для первого уровня Ци-закалки — ты слаб. — Он помолчал. — Я взял тебя потому, что у тебя есть сердце. Глупое, горячее, упрямое сердце. Оно толкает тебя вперёд, даже когда разум кричит «стой».

Он повернулся.

— Клан Весеннего Ветра пал двадцать лет назад. Тайна их печати ушла вместе с ними. Но если ты хочешь вернуть её — я не буду тебя останавливать. Напротив. — Лань Фэн улыбнулся, и в этой улыбке впервые не было насмешки. — Я научу тебя не просто культивировать. Я научу тебя выживать в мире, где печать стоит дороже человеческой жизни.

Сяо Ху поднял голову.

— Учитель

— Поднимайся. — Лань Фэн махнул рукой. — У нас десять дней до отправления. И за эти десять дней я выжму из тебя всё, что можно. А потом — ты пойдёшь в секту, получишь статус и начнёшь искать путь к клану.

Он шагнул ближе и положил руку на плечо Сяо Ху.

— И запомни: твоя Ци застревает не из-за слабости. Она застревает из-за страха. Ты боишься, что не справишься. Что предашь память наставника. Что подведёшь тех, кто в тебя верит. — Его пальцы сжались. — Но страх — это не слабость. Это топливо. Научись гореть, а не тлеть — и Ци потечёт снова.

Сяо Ху сглотнул ком в горле.

— Я понял, учитель.

— Вот и славно. — Лань Фэн отпустил плечо и вернулся к чайнику. — А теперь иди. Отдохни сегодня. Завтра начнём настоящую тренировку.

Сяо Ху поклонился ещё раз и вышел из беседки.

Ветер ударил в лицо — свежий, горный, чистый.

Мир ждал.

А на груди, под одеждой, всё так же грела кожу Печать Весеннего Ветра — древняя, тёплая, живая.

И впервые за много дней Сяо Ху почувствовал не страх, а решимость.

Месяц пролетел как один день.

Сяо Ху просыпался до рассвета и ложился за полночь. Его тело превратилось в сплошной синяк, мозоли на руках стали жесткими, как подошвы сапог, но он чувствовал, как Ци течет по меридианам все быстрее и увереннее.

Лань Фэн не давал поблажек — ни разу. Даже когда Сяо Ху сломал ребро на девятнадцатый день, мастер лишь перевязал его, влил в горло горькую настойку и отправил бежать дальше.

— Боль — твой учитель, — сказал он тогда. — Запомни это чувство. Оно спасет тебе жизнь.

Но на тридцатый день Лань Фэн объявил:

— Хватит прятаться. Пора показать тебя секте.

Сяо Ху застыл с чашкой чая в руках.

— Секте?

— Небесный Меч — не просто школа. Это одна из двенадцати великих сект Боевого Континента. Если ты хочешь учиться по-настоящему, тебе нужно пройти через Небесные Врата. — Лань Фэн отложил свиток, который читал. — Испытание для всех новичков. Ты сдашь — получишь статус внешнего ученика. Не сдашь — вернешься в свой низший мир в виде пепла.

— В виде пепла? — переспросил Сяо Ху. — У нас говорили проще: тебя убьют.

— Тут тоже убьют. Просто образно выражаются, чтоб страшнее было. — Лань Фэн усмехнулся. — Готовься. Через три дня испытание.

Небесные Врата оказались каменным монолитом в центре горного ущелья.

Сяо Ху стоял среди десятков других претендентов — все молодые, все в одинаковых серых робах, все сжимали мечи так, будто от этого зависит их жизнь. Потому что от этого и зависела.

Вокруг толпились наставники в белых одеждах, смотрели оценивающе, цепко, как торговцы скотом на ярмарке.

— Слушайте все! — раздался голос, усиленный ци. — Испытание Небесных Врат простое: пройти сквозь лабиринт, найти выход и не умереть. Внутри — ловушки, звери и духовные барьеры. Кто сдастся — кричите «отрекаюсь», вас вытащат. Но знайте: отрекшегося Небесный Меч никогда не примет.

Сяо Ху поправил деревянный меч на поясе.

Настоящее оружие новичкам не давали — считалось, что заслужить надо.

Рядом с ним стоял парень с нервным лицом, тощий, с прыщами на лбу.

— Эй, ты, — зашептал он. — Слышал, что внутри живет Огненная Лисица пятого ранга? Одним укусом разрывает человека пополам.

— Слышал, — коротко ответил Сяо Ху.

— И не боишься?

Сяо Ху повернулся к нему.

— Боюсь. Но бояться и отступить — разные вещи.

Парень открыл рот, чтобы что-то ответить, но тут каменный монолит загудел — и створки начали расходиться.

Внутри — тьма. Густая, живая, дышащая.

— Вперед! — крикнул главный наставник. — Испытание началось!

Толпа хлынула внутрь.

Сяо Ху шагнул в темноту, и она поглотила его целиком.

Лабиринт оказался хуже, чем он представлял.

Узкие коридоры, резкие повороты, стены из черного камня, которые источали холод. С потолка капала вода, где-то в глубине выли звери, и эти звуки отдавались эхом, сбивая с толку.

Первая ловушка ждала через минуту.

Сяо Ху ступил на плиту — и пол под ним провалился. Он успел ухватиться за край, повис над ямой, на дне которой торчали копыя. Руки скользили — камень был мокрым.

— Ци в ноги! — выдохнул он, концентрируя энергию.

Пальцы впились в камень, оставляя царапины. Он подтянулся, перекатился на безопасную плиту — и замер, прислушиваясь к биению сердца.

Рядом кто-то закричал.

Сяо Ху обернулся — позади двое парней пытались отбиться от огромной многоножки. Панцирь — синий, светящийся, ядовитый. Один уже лежал на полу, второй размахивал мечом, но лезвие отскакивало от панциря, как от железа.

— Помоги! — закричал он, заметив Сяо Ху.

Сяо Ху стиснул зубы.

«Не лезь не в свое дело. Выживи сам — и достаточно».

Но ноги уже несли его вперед.

Он влетел в многоножку сбоку, вложив в удар всю ци, что успел накопить. Деревянный меч хрустнул — но трещина пошла по панцирю. Многоножка взвизгнула, развернулась к новому врагу.

— Бей под брюхо! — крикнул Сяо Ху второму парню. — Там нет панциря!

Парень кивнул, нырнул под тварь — и вонзил меч по рукоять.

Многоножка дернулась, забила и затихла.

Сяо Ху выдохнул. Посмотрел на свой сломанный меч.

— Дерьмо.

— Спасибо, — сказал парень, вытирая пот со лба. — Ты спас меня.

— Я спас себя, просто тебе повезло оказаться рядом. — Сяо Ху отбросил обломки меча.

— Мне нужно новое оружие.

— Возьми мое.

— Не глупи. Оно тебе самому нужно.

Но парень уже протягивал ему запасной кинжал — короткий, но острый.

— Я Вэй Чунь, — сказал он. — Третий ранг второго уровня закалки ци. Ты?

— Сяо Ху. Шестой ранг первого уровня.

— Шестой ранг первого? — Вэй Чунь удивился. — И ты так дерешься? Я думал, ты хотя бы второй уровень.

— У каждого свой путь. — Сяо Ху пристегнул кинжал к поясу. — Двигаем дальше. Вместе.

— Вместе, — кивнул Вэй Чунь.

И они побежали в глубину лабиринта.

Через два часа из тридцати претендентов в живых осталось двенадцать.

Трое отреклись. Пятеро погибли. Остальные разбрелись по лабиринту, и Сяо Ху потерял им счет.

Они с Вэй Чунем шли по туннелю, стены которого покрывали светящиеся лишайники — они давали тусклый, синеватый свет, достаточный, чтобы различать дорогу.

Вэй Чунь оказался неплохим бойцом. Слабоват в контроле ци, но быстрый и хитрый. Вместе они завалили двух каменных пауков, ушли от песчаной ловушки и едва не сварились заживо в паровом зале.

— Я начинаю уставать, — признался Вэй Чунь, опираясь на стену. — Ци почти на исходе.

— У меня тоже. Но выход близко. Я чувствую движение воздуха.

— Откуда ты знаешь?

— На Острове Отлива я научился чувствовать ветер. Он всегда говорит правду.

Вэй Чунь посмотрел на него с уважением.

В этот момент стена справа от них взорвалась.

Из пролома вылетела фигура — огромная, мускулистая, в обрывках серой робы. Человек. Бывший претендент.

Но он смотрел на них белыми глазами — без зрачков, без мысли.

— Печать Звездного Тигра — прохрипел он мертвым голосом. — Отдай

Сяо Ху отшатнулся.

— Что за?!

Человек бросился вперед — с неестественной скоростью, с силой, нечеловеческой для его уровня.

Вэй Чунь попытался заблокировать — и отлетел в стену, ломая ее спиной.

Он потерял сознание.

Сяо Ху остался один на один с белыми глазами.

— Печать — повторила тварь. — Моя моя.

Сяо Ху выхватил кинжал.

— Пошел ты.

Он бросился в атаку.

Бой был коротким и жестоким.

Тварь была сильнее, быстрее, но Сяо Ху был хитрее. Он использовал стены, углы, разрывы дистанции. Он пропустил удар по ребрам, второй — по лицу, из носа хлынула кровь, но он не отступал.

«Ци — это моя воля, моя кровь, моя жизнь», — звучал в голове голос Лань Фэна.

Сяо Ху концентрировал остатки энергии в правой руке.

Один удар.

Точный.

Кинжал вошел под подбородок — мягкое место, где не было защиты.

Тварь дернулась — и рухнула.

Белый свет ушел из глаз. Тело обмякло.

Сяо Ху стоял над ним, тяжело дыша, чувствуя, как ци утекает, как река в песок.

«Это кто-то послал его за мной», — понял он. — «Кто-то знает, что я здесь».

Он поднял взгляд — и увидел выход.

Свет.

Настоящий дневной свет, пробивающийся сквозь щель между камнями.

— Вэй Чунь. — Он подбежал к парню, взвалил его на плечо. — Мы почти вышли. Не смей умирать.

Он шагнул к выходу.

И вышел наружу.

Яркое солнце ударило в глаза. Прохладный ветер — на мокрое от пота лицо.
Перед ним стояли наставники Небесного Меча.

Главный из них — старик с длинной седой бородой, в вышитой золотом мантии — посмотрел на него, на бессознательного Вэй Чуня и произнес:

— Имя?

— Сяо Ху.

Старик кивнул и записал что-то в свиток.

— Внешний ученик Небесного Меча. С этого дня — ты один из нас.

Сяо Ху опустил Вэй Чуня на траву и рухнул рядом.

Он сдал.

Но внутри росла тревога: кто послал ту тварь? И сколько еще охотников за печатью ждут его впереди?

Вот улучшенная и дополненная версия вашего наброска, выдержанная в стиле и формате повествования предыдущих глав:

Три дня прошли как в тумане.

Сяо Ху почти не спал. Всё, что он видел в лабиринте — белые глаза твари, её мёртвый голос, требующий Печать — застыло в памяти раскалённым клеймом. Он перевязывал рёбра, менял сбитые бинты на руках и читал. Читал запоем, словно книги могли заткнуть дыру в груди.

Лань Фэн не мешал. Он лишь подкладывал новые свитки на стол — об истории Боевого Континента, о картах земель, о клановых распрях и о том, как устроен мир за пределами Острова Отлива.

Мир, в который Сяо Ху теперь шагнул по-настоящему.

И этот мир оказался чудовищно большим.

Сто двенадцать великих сект. Три императорских дома. Семь кланов, владеющих наследием Древних. Бесчисленные княжества, города-государства, земли, где Ци течёт так густо, что воздух искрит. И над всем этим — небеса, разделённые на девять уровней, где, по слухам, живут бессмертные.

Сяо Ху захлопнул свиток и потёр глаза.

«Как целые страны, там далеко, где я родился, вообще мог жить, ничего не знают об этом? Или — нет желая знать?»

Глава о клане «Весенний Ветер» попала ему на третий день.

Четыре строчки в энциклопедии упавших домов: «Клан Весеннего Ветра — уничтожен во время Войны Девяти Пиков. Оставшиеся ветви рассеяны. Печать рода утеряна. Считается, что виновников потери печати, изгнали в земли дальше Острова Отлива».

Сяо Ху долго смотрел на эти строки.

Печать утеряна. Он носил на груди то, что весь мир считал исчезнувшим.

И кто-то знал об этом.

Беседка стояла на краю обрыва. Ветер дул с ущелья, принося запах сосен и мокрой травы. Лань Фэн сидел с чашкой чая, и напротив него расположился незнакомый мастер — высокий, с острыми чертами лица и длинными рукавами, расшитыми серебряными нитями.

Сяо Ху остановился в двадцати шагах, вдохнул, выдохнул и направился к ним.

Он шёл ровно, не семеня, не пряча взгляд. Спина прямая, руки сложены в уважительном жесте — так, как учил Чэнь Вэй: «Если кланяешься старшему — кланяйся до земли. Если говоришь — говори прямо».

— Простите, Старшие! — Сяо Ху остановился у входа в беседку и поклонился. — Могу ли я поговорить с учителем?

Незнакомец медленно отставил чашку. Его взгляд скользнул по Сяо Ху — цепкий, оценивающий, как у мастера, который привык видеть людей насквозь.

— Какой интересный у тебя ученик, Лань Фэн, — произнёс он с лёгкой улыбкой. — Обучен грамоте, почитителен, да ещё и прошёл испытание. Очень забавный малец. Буду наблюдать за его успехами.

Он поднялся, одёрнул рукава и, проходя мимо Сяо Ху, остановился на мгновение.

— А тебе, мальчик, хочу дать совет. — Голос незнакомца стал чуть тише, но в нём прорезалась насмешливая теплота. — Держи своего учителя подальше от вина и игровых залов. Кости часто мешают жизни и культивации. Особенно если эти кости — игральные.

Лань Фэн, доселе невозмутимый, слегка покраснел и кашлянул в кулак.

— Брат «У», не стоит так обо мне переживать. Я давно уже не ребёнок. — Он поджал губы. — И не стоило тебе говорить о моих пристрастиях при моём ученике.

— Я всего лишь забочусь о брате. Что тут такого? — Незнакомец улыбнулся шире и, не оборачиваясь, направился к тропе. — Удачи тебе, малец. Она понадобится.

Он скрылся за поворотом, и Сяо Ху остался один на один с учителем.

Лань Фэн вздохнул, налил свежую чашку чая и указал на место напротив себя.

— Садись. Я слушаю тебя, ученик.

Сяо Ху опустил на циновку, но не стал брать чай.

— Учитель. Я прошёл испытание. Мне велели прибыть через десять дней в секту Небесного Меча в качестве внешнего ученика. Дали время на сборы.

— Знаю. — Лань Фэн отпил глоток. — Я уже получил уведомление.

— Но у меня есть два нерешённых вопроса. — Сяо Ху сжал пальцы в кулак под столом. — Нет, даже три. И я прошу вашей помощи.

Лань Фэн поставил чашку и сложил руки на коленях. Вся его расслабленная поза исчезла — сменилась вниманием хищника.

— Продолжай, Сяо Ху. Я весь во внимании.

Сяо Ху глубоко вздохнул.

— Первое: печать. Я обещал своему первому наставнику — Чэнь Вэйю — вернуть Печать Весеннего Ветра в клан. Это было его последнее желание. Наставник погиб, защищая меня и эту печать. Я не могу предать его память.

Лань Фэн не перебивал. Лишь едва заметно кивнул.

— Второе: в лабиринте на меня напали. Не просто ловушка или зверь — человек, одержимый чем-то. Он требовал печать. Он знал, что она у меня. — Сяо Ху поднял взгляд на учителя. — Я чудом выжил. Благодаря Вэй Чуню, моему новому другу. Но если печать останется у меня, я подвергаю опасности всех, кто рядом. Включая вас, учитель.

Лань Фэн молчал, и его молчание было тяжелее любого крика.

— И третье. — Сяо Ху опустил голову. — Самое главное. Я не могу дальше культивировать Ци. Всё, что я вам сказал — долг, угроза, страх за других — мешает моему сознанию. Я не могу сконцентрироваться на цели. Ци застревает в меридианах, как вода в пересохшем русле.

Он поднялся и поклонился — низко, до самой земли, коснувшись лбом циновки.

— Учитель. Я прошу вас помочь мне вернуть печать. Я не прошу сделать это за меня. Я прошу научить меня, как сделать это самому.

Тишина повисла в беседке. Ветер стих, словно даже природа ждала ответа.

Лань Фэн долго смотрел на склонённую голову ученика. Потом медленно поднялся, подошёл к краю обрыва и заговорил, не оборачиваясь:

— Ты знаешь, почему я взял тебя в ученики, Сяо Ху?

— Нет, учитель.

— Я взял тебя не потому, что ты сильный. Ты слаб. Даже для первого уровня Ци-закалки — ты слаб. — Он помолчал. — Я взял тебя потому, что у тебя есть сердце. Глупое, горячее, упрямое сердце. Оно толкает тебя вперёд, даже когда разум кричит «стой».

Он повернулся.

— Клан Весеннего Ветра пал двадцать лет назад. Тайна их печати ушла вместе с ними. Но если ты хочешь вернуть её — я не буду тебя останавливать. Напротив. — Лань Фэн улыбнулся, и в этой улыбке впервые не было насмешки. — Я научу тебя не просто культивировать. Я научу тебя выживать в мире, где печать стоит дороже человеческой жизни.

Сяо Ху поднял голову.

— Учитель

— Поднимайся. — Лань Фэн махнул рукой. — У нас десять дней до отправления. И за эти десять дней я выжму из тебя всё, что можно. А потом — ты пойдёшь в секту, получишь статус и начнёшь искать путь к клану.

Он шагнул ближе и положил руку на плечо Сяо Ху.

— И запомни: твоя Ци застревает не из-за слабости. Она застревает из-за страха. Ты боишься, что не справишься. Что предашь память наставника. Что подведёшь тех, кто в тебя верит. — Его пальцы сжались. — Но страх — это не слабость. Это топливо. Научись гореть, а не тлеть — и Ци потечёт снова.

Сяо Ху сглотнул ком в горле.

— Я понял, учитель.

— Вот и славно. — Лань Фэн отпустил плечо и вернулся к чайнику. — А теперь иди. Отдохни сегодня. Завтра начнём настоящую тренировку.

Сяо Ху поклонился ещё раз и вышел из беседки.

Ветер ударил в лицо — свежий, горный, чистый.

Мир ждал.

А на груди, под одеждой, всё так же грела кожу Печать Весеннего Ветра — древняя, тёплая, живая.

И впервые за много дней Сяо Ху почувствовал не страх, а решимость.

Месяц пролетел как один день.

Сяо Ху просыпался до рассвета и ложился за полночь. Его тело превратилось в сплошной синяк, мозоли на руках стали жесткими, как подошвы сапог, но он чувствовал, как Ци течет по меридианам все быстрее и увереннее.

Лань Фэн не давал поблажек — ни разу. Даже когда Сяо Ху сломал ребро на девятнадцатый день, мастер лишь перевязал его, влил в горло горькую настойку и отправил бежать дальше.

— Боль — твой учитель, — сказал он тогда. — Запомни это чувство. Оно спасет тебе жизнь.

Но на тридцатый день Лань Фэн объявил:

— Хватит прятаться. Пора показать тебя секте.

Сяо Ху застыл с чашкой чая в руках.

— Секте?

— Небесный Меч — не просто школа. Это одна из двенадцати великих сект Боевого Континента. Если ты хочешь учиться по-настоящему, тебе нужно пройти через Небесные Врата. — Лань Фэн отложил свиток, который читал. — Испытание для всех новичков. Ты сдашь — получишь статус внешнего ученика. Не сдашь — вернешься в свой низший мир в виде пепла.

— В виде пепла? — переспросил Сяо Ху. — У нас говорили проще: тебя убьют.

— Тут тоже убьют. Просто образно выражаются, чтоб страшнее было. — Лань Фэн усмехнулся. — Готовься. Через три дня испытание.

Небесные Врата оказались каменным монолитом в центре горного ущелья.

Сяо Ху стоял среди десятков других претендентов — все молодые, все в одинаковых серых робах, все сжимали мечи так, будто от этого зависит их жизнь. Потому что от этого и зависела.

Вокруг толпились наставники в белых одеждах, смотрели оценивающе, цепко, как торговцы скотом на ярмарке.

— Слушайте все! — раздался голос, усиленный ци. — Испытание Небесных Врат простое: пройти сквозь лабиринт, найти выход и не умереть. Внутри — ловушки, звери и духовные барьеры. Кто сдастся — кричите «отрекаюсь», вас вытащат. Но знайте: отрекшегося Небесный Меч никогда не примет.

Сяо Ху поправил деревянный меч на поясе.

Настоящее оружие новичкам не давали — считалось, что заслужить надо.

Рядом с ним стоял парень с нервным лицом, тощий, с прыщами на лбу.

— Эй, ты, — зашептал он. — Слышал, что внутри живет Огненная Лисица пятого ранга? Одним укусом разрывает человека пополам.

— Слышал, — коротко ответил Сяо Ху.

— И не боишься?

Сяо Ху повернулся к нему.

— Боюсь. Но бояться и отступать — разные вещи.

Парень открыл рот, чтобы что-то ответить, но тут каменный монолит загудел — и створки начали расходиться.

Внутри — тьма. Густая, живая, дышащая.

— Вперед! — крикнул главный наставник. — Испытание началось!

Толпа хлынула внутрь.

Сяо Ху шагнул в темноту, и она поглотила его целиком.

Лабиринт оказался хуже, чем он представлял.

Узкие коридоры, резкие повороты, стены из черного камня, которые источали холод. С потолка капала вода, где-то в глубине выли звери, и эти звуки отдавались эхом, сбивая с толку.

Первая ловушка ждала через минуту.

Сяо Ху ступил на плиту — и пол под ним провалился. Он успел ухватиться за край, повис над ямой, на дне которой торчали копыта. Руки скользили — камень был мокрым.

— Ци в ноги! — выдохнул он, концентрируя энергию.

Пальцы впились в камень, оставляя царапины. Он подтянулся, перекатился на безопасную плиту — и замер, прислушиваясь к биению сердца.

Рядом кто-то закричал.

Сяо Ху обернулся — позади двое парней пытались отбиться от огромной многоножки. Панцирь — синий, светящийся, ядовитый. Один уже лежал на полу, второй размахивал мечом, но лезвие отскакивало от панциря, как от железа.

— Помоги! — закричал он, заметив Сяо Ху.

Сяо Ху стиснул зубы.

«Не лезь не в свое дело. Выживи сам — и достаточно».

Но ноги уже несли его вперед.

Он влетел в многоножку сбоку, вложив в удар всю ци, что успел накопить. Деревянный меч хрустнул — но трещина пошла по панцирю. Многоножка взвизгнула, развернулась к новому врагу.

— Бей под брюхо! — крикнул Сяо Ху второму парню. — Там нет панциря!

Парень кивнул, нырнул под тварь — и вонзил меч по рукоять.

Многоножка дернулась, забилась и затихла.

Сяо Ху выдохнул. Посмотрел на свой сломанный меч.

— Дерьмо.

— Спасибо, — сказал парень, вытирая пот со лба. — Ты спас меня.

— Я спас себя, просто тебе повезло оказаться рядом. — Сяо Ху отбросил обломки меча. — Мне нужно новое оружие.

— Возьми мое.

— Не глупи. Оно тебе самому нужно.

Но парень уже протягивал ему запасной кинжал — короткий, но острый.

— Я Вэй Чунь, — сказал он. — Третий ранг второго уровня закалки ци. Ты?

— Сяо Ху. Шестой ранг первого уровня.

— Шестой ранг первого? — Вэй Чунь удивился. — И ты так дерешься? Я думал, ты хотя бы второй уровень.

— У каждого свой путь. — Сяо Ху пристегнул кинжал к поясу. — Двигаем дальше. Вместе.

— Вместе, — кивнул Вэй Чунь.

И они побежали в глубину лабиринта.

Через два часа из тридцати претендентов в живых осталось двенадцать.

Трое отrekliсь. Пятеро погибли. Остальные разбрелись по лабиринту, и Сяо Ху потерял им счет.

Они с Вэй Чунем шли по туннелю, стены которого покрывали светящиеся лишайники — они давали тусклый, синеватый свет, достаточный, чтобы различать дорогу.

Вэй Чунь оказался неплохим бойцом. Слабоват в контроле ци, но быстрый и хитрый. Вместе они завалили двух каменных пауков, ушли от песчаной ловушки и едва не сварились заживо в паровом зале.

— Я начинаю уставать, — признался Вэй Чунь, опираясь на стену. — Ци почти на исходе.

— У меня тоже. Но выход близко. Я чувствую движение воздуха.

— Откуда ты знаешь?

— На Острове Отлива я научился чувствовать ветер. Он всегда говорит правду.

Вэй Чунь посмотрел на него с уважением.

В этот момент стена справа от них взорвалась.

Из пролома вылетела фигура — огромная, мускулистая, в обрывках серой робы. Человек. Бывший претендент.

Но он смотрел на них белыми глазами — без зрачков, без мысли.

— Печать Звездного Тигра — прохрипел он мертвым голосом. — Отдай

Сяо Ху отшатнулся.

— Что за?!

Человек бросился вперед — с неестественной скоростью, с силой, нечеловеческой для его уровня.

Вэй Чунь попытался заблокировать — и отлетел в стену, ломая ее спиной.

Он потерял сознание.

Сяо Ху остался один на один с белыми глазами.

— Печать — повторила тварь. — Моя моя.

Сяо Ху выхватил кинжал.

— Пошел ты.

Он бросился в атаку.

Бой был коротким и жестоким.

Тварь была сильнее, быстрее, но Сяо Ху был хитрее. Он использовал стены, углы, разрывы дистанции. Он пропустил удар по ребрам, второй — по лицу, из носа хлынула кровь, но он не отступал.

«Ци — это моя воля, моя кровь, моя жизнь», — звучал в голове голос Лань Фэна.

Сяо Ху концентрировал остатки энергии в правой руке.

Один удар.

Точный.

Кинжал вошел под подбородок — мягкое место, где не было защиты.

Тварь дернулась — и рухнула.

Белый свет ушел из глаз. Тело обмякло.

Сяо Ху стоял над ним, тяжело дыша, чувствуя, как ци утекает, как река в песок.

«Это кто-то послал его за мной», — понял он. — «Кто-то знает, что я здесь».

Он поднял взгляд — и увидел выход.

Свет.

Настоящий дневной свет, пробивающийся сквозь щель между камнями.

— Вэй Чунь. — Он подбежал к парню, взвалил его на плечо. — Мы почти вышли. Не смей умирать.

Он шагнул к выходу.

И вышел наружу.

Яркое солнце ударило в глаза. Прохладный ветер — на мокрое от пота лицо.

Перед ним стояли наставники Небесного Меча.

Главный из них — старик с длинной седой бородой, в вышитой золотом мантии — посмотрел на него, на бессознательного Вэй Чуня и произнес:

— Имя?

— Сяо Ху.

Старик кивнул и записал что-то в свиток.

— Внешний ученик Небесного Меча. С этого дня — ты один из нас.

Сяо Ху опустил Вэй Чуня на траву и рухнул рядом.

Он сдал.

Но внутри росла тревога: кто послал ту тварь? И сколько еще охотников за печатью ждут его впереди?

Вот улучшенная и дополненная версия вашего наброска, выдержанная в стиле и формате повествования предыдущих глав:

Три дня прошли как в тумане.

Сяо Ху почти не спал. Всё, что он видел в лабиринте — белые глаза твари, её мёртвый голос, требующий Печать — застыло в памяти раскалённым клеймом. Он перевязывал рёбра, менял сбитые бинты на руках и читал. Читал запоем, словно книги могли заткнуть дыру в груди.

Лань Фэн не мешал. Он лишь подкладывал новые свитки на стол — об истории Боевого Континента, о картах земель, о клановых распрях и о том, как устроен мир за пределами Острова Отлива.

Мир, в который Сяо Ху теперь шагнул по-настоящему.

И этот мир оказался чудовищно большим.

Сто двенадцать великих сект. Три императорских дома. Семь кланов, владеющих наследием Древних. Бесчисленные княжества, города-государства, земли, где Ци течёт так густо, что воздух искрит. И над всем этим — небеса, разделённые на девять уровней, где, по слухам, живут бессмертные.

Сяо Ху захлопнул свиток и потёр глаза.

«Как целые страны, там далеко, где я родился, вообще мог жить, ничего не знают об этом? Или — нет желая знать?»

Глава о клане «Весенний Ветер» попала ему на третий день.

Четыре строчки в энциклопедии упавших домов: «Клан Весеннего Ветра — уничтожен во время Войны Девяти Пиков. Оставшиеся ветви рассеяны. Печать рода утеряна. Считается, что виновников потери печати, изгнали в земли дальше Острова Отлива».

Сяо Ху долго смотрел на эти строки.

Печать утеряна. Он носил на груди то, что весь мир считал исчезнувшим.

И кто-то знал об этом.

Беседка стояла на краю обрыва. Ветер дул с ущелья, принося запах сосен и мокрой травы. Лань Фэн сидел с чашкой чая, и напротив него расположился незнакомый мастер — высокий, с острыми чертами лица и длинными рукавами, расшитыми серебряными нитями.

Сяо Ху остановился в двадцати шагах, вдохнул, выдохнул и направился к ним.

Он шёл ровно, не семеня, не пряча взгляд. Спина прямая, руки сложены в уважительном жесте — так, как учил Чэнь Вэй: «Если кланяешься старшему — кланяйся до земли. Если говоришь — говори прямо».

— Простите, Старшие! — Сяо Ху остановился у входа в беседку и поклонился. — Могу ли я поговорить с учителем?

Незнакомец медленно отставил чашку. Его взгляд скользнул по Сяо Ху — цепкий, оценивающий, как у мастера, который привык видеть людей насквозь.

— Какой интересный у тебя ученик, Лань Фэн, — произнёс он с лёгкой улыбкой. — Обучен грамоте, почтителен, да ещё и прошёл испытание. Очень забавный малец. Буду наблюдать за его успехами.

Он поднялся, одёрнул рукава и, проходя мимо Сяо Ху, остановился на мгновение.

— А тебе, мальчик, хочу дать совет. — Голос незнакомца стал чуть тише, но в нём прорезалась насмешливая теплота. — Держи своего учителя подальше от вина и игровых залов. Кости часто мешают жизни и культивации. Особенно если эти кости — игральные.

Лань Фэн, доселе невозмутимый, слегка покраснел и кашлянул в кулак.

— Брат «У», не стоит так обо мне переживать. Я давно уже не ребёнок. — Он поджал губы. — И не стоило тебе говорить о моих пристрастиях при моём ученике.

— Я всего лишь забочусь о брате. Что тут такого? — Незнакомец улыбнулся шире и, не оборачиваясь, направился к тропе. — Удачи тебе, малец. Она понадобится.

Он скрылся за поворотом, и Сяо Ху остался один на один с учителем.

Лань Фэн вздохнул, налил свежую чашку чая и указал на место напротив себя.

— Садись. Я слушаю тебя, ученик.

Сяо Ху опустил на циновку, но не стал брать чай.

— Учитель. Я прошёл испытание. Мне велели прибыть через десять дней в секту Небесного Меча в качестве внешнего ученика. Дали время на сборы.

— Знаю. — Лань Фэн отпил глоток. — Я уже получил уведомление.

— Но у меня есть два нерешённых вопроса. — Сяо Ху сжал пальцы в кулак под столом. — Нет, даже три. И я прошу вашей помощи.

Лань Фэн поставил чашку и сложил руки на коленях. Вся его расслабленная поза исчезла — сменилась вниманием хищника.

— Продолжай, Сяо Ху. Я весь во внимании.

Сяо Ху глубоко вздохнул.

— Первое: печать. Я обещал своему первому наставнику — Чэнь Вэйю — вернуть Печать Весеннего Ветра в клан. Это было его последнее желание. Наставник погиб, защищая меня и эту печать. Я не могу предать его память.

Лань Фэн не перебивал. Лишь едва заметно кивнул.

— Второе: в лабиринте на меня напали. Не просто ловушка или зверь — человек, одержимый чем-то. Он требовал печать. Он знал, что она у меня. — Сяо Ху поднял взгляд на учителя. — Я чудом выжил. Благодаря Вэй Чуню, моему новому другу. Но если печать останется у меня, я подвергаю опасности всех, кто рядом. Включая вас, учитель.

Лань Фэн молчал, и его молчание было тяжелее любого крика.

— И третье. — Сяо Ху опустил голову. — Самое главное. Я не могу дальше культивировать Ци. Всё, что я вам сказал — долг, угроза, страх за других — мешает моему сознанию. Я не могу сконцентрироваться на цели. Ци застревает в меридианах, как вода в пересохшем русле.

Он поднялся и поклонился — низко, до самой земли, коснувшись лбом циновки.

— Учитель. Я прошу вас помочь мне вернуть печать. Я не прошу сделать это за меня. Я прошу научить меня, как сделать это самому.

Тишина повисла в беседке. Ветер стих, словно даже природа ждала ответа.

Лань Фэн долго смотрел на склонённую голову ученика. Потом медленно поднялся, подошёл к краю обрыва и заговорил, не оборачиваясь:

— Ты знаешь, почему я взял тебя в ученики, Сяо Ху?

— Нет, учитель.

— Я взял тебя не потому, что ты сильный. Ты слаб. Даже для первого уровня Ци-закалки — ты слаб. — Он помолчал. — Я взял тебя потому, что у тебя есть сердце. Глупое, горячее, упрямое сердце. Оно толкает тебя вперёд, даже когда разум кричит «стой».

Он повернулся.

— Клан Весеннего Ветра пал двадцать лет назад. Тайна их печати ушла вместе с ними. Но если ты хочешь вернуть её — я не буду тебя останавливать. Напротив. — Лань Фэн улыбнулся, и в этой улыбке впервые не было насмешки. — Я научу тебя не просто культивировать. Я научу тебя выживать в мире, где печать стоит дороже человеческой жизни.

Сяо Ху поднял голову.

— Учитель

— Поднимайся. — Лань Фэн махнул рукой. — У нас десять дней до отправления. И за эти десять дней я выжму из тебя всё, что можно. А потом — ты пойдёшь в секту, получишь статус и начнёшь искать путь к клану.

Он шагнул ближе и положил руку на плечо Сяо Ху.

— И запомни: твоя Ци застревает не из-за слабости. Она застревает из-за страха. Ты боишься, что не справишься. Что предашь память наставника. Что подведёшь тех, кто в тебя верит. — Его пальцы сжались. — Но страх — это не слабость. Это топливо. Научись гореть, а не тлеть — и Ци потечёт снова.

Сяо Ху сглотнул ком в горле.

— Я понял, учитель.

— Вот и славно. — Лань Фэн отпустил плечо и вернулся к чайнику. — А теперь иди. Отдохни сегодня. Завтра начнём настоящую тренировку.

Сяо Ху поклонился ещё раз и вышел из беседки.

Ветер ударил в лицо — свежий, горный, чистый.

Мир ждал.

А на груди, под одеждой, всё так же грела кожу Печать Весеннего Ветра — древняя, тёплая, живая.

И впервые за много дней Сяо Ху почувствовал не страх, а решимость.

Глава 13

Следующие семь дней стали адом. Лань Фэн поднимал Сяо Ху за час до рассвета, гонял до темноты и отпускал только тогда, когда у мальчика подкашивались ноги. Тренировки перестали быть простым укреплением тела. Теперь это была война.

— Запомни одно правило, Сяо Ху. — Лань Фэн стоял на вершине валуна, скрестив руки. — В мире культивации тот, кто умеет прятаться, живёт дольше того, кто умеет бить.

Сяо Ху, висящий на ветке вверх ногами, пытался удержать дыхание и не смотреть на учителя. Пот заливал глаза, мышцы дрожали.

— Вы учите меня прятаться?

— Я учу тебя выживать. — Лань Фэн спрыгнул с валуна и оказался прямо перед лицом ученика. — Если ты видишь врага — значит, ты уже мёртв. Если ты чувствуешь опасность — значит, ты уже опоздал. Настоящий мастер не позволяет себе быть замеченным.

Он щёлкнул Сяо Ху по лбу, и мальчик сорвался с ветки, приземлившись на спину.

— Ауч!

— Вставай. Будем учить скрытности.

Они тренировались в лесу. Лань Фэн показывал, как сливаться с тенью, как делать шаг бесшумным, как затаить дыхание так, чтобы даже зверь не учуял. Сяо Ху учился чувствовать ветер, землю, каждый камешек под ногой.

— Твой учитель на Острове Отлива, Чэнь Вэй, научил тебя чувствовать Ци. — Лань Фэн поправил повязку на глазах ученика. — Теперь я научу тебя исчезать.

Сяо Ху стоял с завязанными глазами, пытаясь уловить движение учителя по звуку. Но Лань Фэн был неуловим — ни шороха, ни дыхания, ни запаха.

— Вы используете секретную технику? — спросил Сяо Ху.

— Нет. Я просто умею быть незаметным. Это не техника, это состояние.

— Как этому научиться?

Лань Фэн усмехнулся, и его голос донёсся откуда-то слева, хотя мгновение назад он был справа.

— Жить так, чтобы тебя не замечали. С детства. — В голосе проскользнула горечь. — У каждого свой путь, ученик.

На седьмой день, когда Сяо Ху уже начал привыкать к тренировкам, Лань Фэн разбудил его глубокой ночью.

— Вставай. Тихо.

Сяо Ху открыл глаза. Луна стояла высоко, заливая комнату серебряным светом. Учитель стоял в дверях, уже одетый, с каким-то странным блеском в глазах.

— Куда мы?

— Увидишь. Накинь плащ и следуй за мной. И помни — ни звука.

Они выскользнули из дома, как две тени. Лань Фэн двигался по лесу так, словно сам был его частью — обходил ветки, перешагивал корни, ни разу не хрустнув сучком. Сяо Ху изо всех сил старался повторять, но то и дело спотыкался.

Лань Фэн останавливался, ждал, качал головой и шёл дальше.

Через полчаса они вышли к подножию скалы.

— Сюда. — Учитель отодвинул кусты, открывая узкую расщелину. — Протискивайся.

Сяо Ху полез следом. Расщелина была тёмной, влажной, пахло серой и травами. Она вела вглубь скалы, и чем дальше они шли, тем теплее становился воздух.

— Учитель, что это?

— Тихо. Скоро сам увидишь.

Расщелина расширилась, и Сяо Ху ахнул.

Перед ним открылся подземный грот. С потолка свисали сталактиты, подсвеченные мягким голубоватым свечением. В центре грота располагалось озеро — нет, не озеро, а несколько террасных источников, соединённых между собой. Вода в них была разного цвета: молочно-белая, золотистая, прозрачно-голубая. От воды поднимался пар, густой и тёплый.

Но главное — в воздухе вибрировала Ци.

Сяо Ху почувствовал её сразу. Она вливалась в кожу, омывала меридианы, щекотала каждую клетку тела.

— Что это?! — выдохнул он.

— Горячие источники Небесного Меча. — Лань Фэн улыбнулся, довольный, как кот, укравший рыбу. — Говорят, что в этом месте сходятся линии духовной энергии континента. Вода здесь пропитана Ци. Малые источники — для внешних учеников, средние — для внутренних, а те, что в глубине — для старейшин.

— И мы украдкой пришли сюда?

— Именно. — Лань Фэн сбросил плащ и шагнул к малому источнику. — Ты культивируешь слишком медленно. У нас нет времени ждать. А здесь за одну ночь ты получишь столько, сколько за месяц тренировок на поверхности.

Сяо Ху колебался.

— Но это же нарушение правил?

— Конечно. — Лань Фэн уже сидел по пояс в воде, блаженно прикрыв глаза. — Поэтому мы здесь тайком.

— Нас поймают.

— Только если ты будешь стоять на берегу и размышлять о морали. Залезай.

Сяо Ху вздохнул и полез в воду.

Как только он погрузился, Ци ударила в него, словно молния. Она ворвалась в меридианы, закружилась по линиям, выжигая застои и закупорки. Сяо Ху вскрикнул и вцепился в край источника.

— Терпи. — Голос Лань Фэна был спокоен. — Твои меридианы тесны. Они долго были забиты страхом и сомнениями. Дай воде промыть тебя.

Сяо Ху стиснул зубы. Боль была острой, жгучей, но где-то за ней, глубже, рождалось тепло. Он чувствовал, как Ци течёт — свободно, мощно, впервые без сопротивления.

— Сосредоточься на печати. — Лань Фэн не открывал глаз. — Она — центр. Тяни Ци через неё.

Сяо Ху послушался. Он закрыл глаза и направил поток энергии к печати, что спроецировалась на груди. Печать отозвалась — она впитала часть энергии и, словно насос, потянула остальное внутрь тела.

Меридианы расширились. Дышать стало легче. Мышцы перестали дрожать.

А потом — щёлкнуло.

Сяо Ху распахнул глаза. Он чувствовал внутри себя прорыв — словно плотину прорвало. Ци хлынула вверх, поднялась к дантяню — и закрутилась там новым вихрем.

— У меня — он посмотрел на свои руки. — У меня получилось?

— Седьмой ранг первого уровня Ци-закалки. — Лань Фэн улыбнулся. — Поздравляю. Один шаг к следующему уровню.

— Я поднялся? За одну ночь?

— За пять часов в источнике. — Учитель хмыкнул. — А теперь сиди тихо и впитывай. Рассвет скоро.

Но судьба распорядилась иначе.

— А ну стоять!

Голос грянул, как гром. Свет факелов залил грот. С десятков фигур в белых одеждах — патруль Небесного Меча — стояли у входа. Впереди — мужчина с суровым лицом, в одежде старейшины.

— Лань Фэн! — прорычал он. — Я знал, что ты рано или поздно попадёшься!

Лань Фэн вздохнул, выбрался из воды и с достоинством поклонился.

— Старейшина Цзянь. Какая приятная неожиданность.

— Не притворяйся! — Старейшина ткнул в него пальцем. — Нарушение границ секты! Незаконное использование духовных источников! Проникновение на закрытую территорию! — Он перевёл взгляд на Сяо Ху. — И ты притащил с собой ребёнка?!

Сяо Ху замер. В голове пронеслась мысль: «Меня сейчас выгонят. Даже не приняв в секту, выгонят».

Но Лань Фэн шагнул вперёд, заслоняя его.

— Он здесь ни при чём. Это я привёл его. Я учитель. Наказание должно лечь только на меня.

Старейшина Цзянь сощурился.

— Благородно, но бесполезно. Наказание будет общим.

— Я не позволю. — Лань Фэн скрестил руки на груди. — Я, Лань Фэн, беру всю вину на себя. Если есть штраф — я заплачу. Если есть наказание — я приму. Ученик лишь следовал за мной.

В гроте повисла тишина. Сяо Ху смотрел на учителя, не веря своим ушам.

Старейшина Цзянь нахмурился. Видно было, что он не ожидал такого поворота.

— Лань Фэн — начал он.

— Сто малых камней духа. — перебил его Лань Фэн. — Я знаю таксу за такой проступок. Сто камней — и вопрос закрыт.

Старейшина долго смотрел на него. Потом медленно кивнул.

— Сто камней. И ты убираешься отсюда до того, как я передумаю.

Лань Фэн поклонился, достал из-за пазухи небольшой мешочек и без колебаний бросил его старейшине.

— Держите. Здесь ровно сто. С процентами.

Старейшина поймал мешочек, пересчитал на вес и фыркнул.

— Убирайся.

Лань Фэн схватил Сяо Ху за шкуру и потащил к выходу.

Учитель и ученик выскользнули из расщелины и только в лесу, под покровом темноты, Сяо Ху осмелился спросить:

— Учитель вы заплатили сто камней духа. За меня?

Лань Фэн остановился. Он повернулся к ученику, и в свете луны Сяо Ху увидел, что учитель улыбается.

— Сто камней духа, говоришь? — Лань Фэн понизил голос до шёпота. — Знаешь, сколько стоит доступ к духовным источникам Небесного Меча для внешнего ученика? Тысяча камней в год. А мы с тобой только что провели там пять часов, и ты поднялся на ранг. Я считаю, это выгодная сделка.

— Но откуда у вас камни?

Лань Фэн загадочно улыбнулся.

— Умный человек никогда не кладёт все яйца в одну корзину, ученик. Особенно когда его старый друг — мастер У — должен ему пару услуг.

Сяо Ху открыл рот, чтобы спросить ещё, но Лань Фэн приложил палец к губам.

— А теперь — молчи. Мы будем делать вид, что ничего не произошло. Ты готовишься к отбытию в секту, а я — Он вздохнул. — Я буду думать, как заработать обратно сто камней, которые я только что спустил на твоё обучение.

Сяо Ху хотел сказать, что вернёт их. Что когда-нибудь обязательно вернёт.

Но слова застряли в горле, потому что он понял: учитель сделал это не ради выгоды. Он сделал это ради него.

Где-то в лесу крикнула ночная птица. Сяо Ху поднял голову к небу — луна светила ярко, и в её свете он чувствовал, как Ци продолжает течь внутри него.

Вот он седьмой ранг первого уровня.

Дорога до секты Небесного Меча заняла полдня.

Сяо Ху шёл пешком, как и было положено внешнему ученику. Лань Фэн провожал его только до первых ворот — дальше путь был закрыт даже для наставников, не имеющих прямого отношения к секте.

— Запомни, Сяо Ху. — Учитель стоял у каменного столба, испещрённого рунами. — Ты теперь сам по себе. Я не смогу тебя защищать, не смогу подсказывать, не смогу вытаскивать из неприятностей.

— Я понимаю, учитель.

— Нет, не понимаешь. — Лань Фэн усмехнулся. — Но поймёшь. Скоро.

Он хлопнул ученика по плечу, сунул в руку небольшой кожаный мешочек и развернулся, не прощаясь.

— В мешочке — три малых камня духа и свиток с основами техники скрытности. Не потеряй. И не умри.

— Учитель — Сяо Ху хотел сказать что-то важное, но слова застряли в горле.

Лань Фэн, не оборачиваясь, поднял руку в прощальном жесте и исчез за поворотом дороги.

Сяо Ху остался один.

Перед ним возвышались Небесные Врата — исполинская арка из белого нефрита, вырезанная прямо в скале. По бокам стояли два стража в доспехах, с длинными копьями и холодными глазами.

— Имя? — спросил один.

— Сяо Ху. Внешний ученик. Прибыл по результатам испытания.

Страж сверился со свитком, кивнул и указал внутрь.

— Проходи. Третья улица направо, общежитие для новичков. Найдёшь комнату с табличкой «В-14». Заселяйся, получай форму и жди расписания.

Сяо Ху поклонился и шагнул внутрь.

Секта Небесного Меча оказалась огромной. Она раскинулась на три террасы, вырубленные прямо в горе. На нижней жили внешние ученики, там же находились тренировочные площадки, склады и столовая. Средняя терраса была закрыта для новичков — туда пускали только тех, кто достиг третьего уровня Ци-закалки. А верхняя, увенчанная белыми пагодами, сияла в облаках — резиденция старейшин и внутренних учеников.

Общежитие оказалось длинным каменным зданием, разделённым на десятки маленьких комнат. Сяо Ху нашёл «В-14». Дверь была приоткрыта.

Сяо Ху вошёл, бросил мешок на пол и окинул взглядом помещение. Четыре кровати. Три заняты. Одна свободная — в углу, у заплесневелой стены, с продавленным матрасом, похожим на сдохшую собаку.

— А вот и пополнение.

Ма Хун сидел на верхней койке, свесив ноги. Ручищи сложены на груди. Челюсть квадратная, взгляд — как у быка, который уже выбрал жертву.

Рядом, на средней койке, сидел Лю Чэнь. Точил ноготь о ноготь, смотрел холодно, изучающе. На поясе — амулет за сотню камней, не меньше. Денежный мешок. Но смотреть умеет — сразу видно, битый.

Третья койка пустая, но завалена барахлом. Чей-то схрон.

— Свободная в углу, — лениво бросил Ма Хун и кивнул в сторону продавленной кровати. — Заселяйся. Полы моешь утром и вечером. В коридоре тоже.

Сяо Ху даже не посмотрел в угол.

Он подошёл к третьей койке — той, что была завалена вещами. Сгрёб барахло в охапку и швырнул на пол к ногам Ма Хуна.

— Это моё место.

Тишина упала, как гиря.

Ма Хун медленно спустил ноги. Встал. Сверху вниз посмотрел на Сяо Ху, который был ниже на голову и уже на два размера.

— Ты чего сказал?

— Это место у окна. Окно выходит во двор. Света много, воздух свежий. — Сяо Ху говорил спокойно, но внутри уже закипала кровь. — А в углу сырость и плесень. Я там спать не буду.

Ма Хун спрыгнул с койки. Приземлился тяжело, как камень. Костяшки хрустнули.

— Ты, мелюзга, знаешь, кто я?

— Знаю. Тот, кто сейчас получит в морду, если не уступит.

У Лю Чэня приподнялась бровь. Он откинулся на подушку, сложил руки за головой и приготовился смотреть шоу.

Ма Хун заржал.

— Слыхал, Лю Чэнь? Этот сосунок мне угрожает. — Он шагнул вперёд, нависая над Сяо Ху. — Да я тебя одной левой

Он замахнулся.

Сяо Ху не стал уклоняться.

Он шагнул внутрь.

Кулак Ма Хуна просвистел мимо уха, а Сяо Ху врезался плечом ему в грудь, всадил колено в солнечное сплетение и, когда Ма Хун согнулся пополам, встретил его голову своим лбом.

Глухой стук костей.

Ма Хун рухнул на колени, зажимая разбитое лицо. Кровь хлынула из носа, залила губы, капала на пол.

— Ах ты — прохрипел он, пытаясь встать.

Сяо Ху не дал.

Он схватил Ма Хуна за волосы, рванул голову вверх и — раз! — ещё раз ударил лбом. Ма Хун завалился набок, как мешок с мясом.

— Это тебе за угол с плесенью, — выдохнул Сяо Ху, вытирая кровь с рассечённой брови. — Место у окна моё. Вопросы?

Ма Хун мычал, пытаясь подняться, но ноги не слушались. Он лишь хрипел и размазывал кровь по лицу.

— Ну? — Сяо Ху повернулся к Лю Чэню. — У тебя есть вопросы?

Лю Чэнь лениво зевнул.

— Мне всё равно, кто где спит. Только ты, новенький, зря полез. Ма Хун — шестого ранга Ци-закалки. Если бы он успел вложить Ци в удар, ты бы сейчас лежал со сломанной челюстью.

— Но не вложил.

— Не успел. — Лю Чэнь улыбнулся, холодно, оценивающе. — Ты быстрый. Но зря ты это сделал.

— Почему?

Потому что дверь позади Сяо Ху резко распахнулась — с такой силой, что с петель слетел крючок.

На пороге стоял парень. Высокий. Плечи — как широкая доска. На лице — шрам через левый глаз. На поясе — меч, самый настоящий боевой меч, чёрный, без ножен, просто в руке.

— Ма Хун? — Он обвёл комнату мутным взглядом и остановился на теле, корчащемся на полу. — Кто это сделал?

Сяо Ху повернулся к нему, встал между ним и койкой у окна.

— Я сделал.

Парень уставился на него. Смерил взглядом с ног до головы. Хмыкнул.

— Мелковат. — Он вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. — Меня зовут Чжан Фэн. Я старший брат Ма Хуна по тренировкам. Ты избил моего младшего.

— Он сам напросился.

— Мне плевать, кто напросился. — Чжан Фэн перехватил меч поудобнее. — Ты ударил моего брата — я должен ударить тебя. Таков закон.

И он шагнул.

Сяо Ху прыгнул назад, выставив руки. Чжан Фэн даже не думал использовать меч как оружие — он просто размахнулся рукоятью, как дубиной.

Но Сяо Ху уже не был тем мальчишкой для битвы.

Лань Фэн семь дней вбивал в него одно правило: «Тело помнит быстрее, чем голова».

Сяо Ху нырнул под удар, проскользил по полу, вскочил за спиной Чжан Фэна и врезал ему пяткой под колено. Чжан Фэн охнул, но не упал. Он развернулся и врезал локтем назад, целя в лицо.

Сяо Ху блокировал предплечьем — рука онемела от силы удара.

«Чёрт. Этот на уровень выше. На два».

Чжан Фэн больше не играл. Он прыгнул вперёд, схватил Сяо Ху за грудки и швырнул об стену так, что штукатурка треснула. Сяо Ху сполз на пол, в глазах потемнело.

— Будешь знать, как трогать моих, — прорычал Чжан Фэн, подходя ближе.

Сяо Ху сплюнул кровь. Улыбнулся.

— Всё равно моё. Место. У окна.

Чжан Фэн замер.

— Ты упёртый?

— А ты даже не представляешь насколько!

Сяо Ху встал. Пошатываясь. Разбитая бровь заливала глаз кровью, дыхание сбилось, рёбра, кажется, треснули. Но он стоял.

— Место моё, — повторил он. — Я его отвоевал. Убьёшь меня — тебя выгонят из секты. Не убьёшь — я всё равно вернусь сюда ночью.

Чжан Фэн посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты больной?

— Я голодный. Я хочу есть. Хочу спать. Хочу стать сильнее. И тратить силы на драку с тобой каждый день не входит в мои планы.

Чжан Фэн вдруг хмыкнул. Опустил меч.

— Ты мне нравишься, щенок. — Он повернулся к двери. — Ма Хун, не позорь меня больше. Новенький доказал, что у него есть яйца. Оставьте его в покое.

И вышел.

Ма Хун с пола смотрел на Сяо Ху с ненавистью, но молчал. Лю Чэнь снова закрыл глаза.

— Добро пожаловать в секту Небесного Меча, новенький, — тихо сказал он. — Ты только что заработал первого врага.

Сяо Ху подошёл к койке у окна. Сгрёб вещи Ма Хуна на пол, бросил свой мешок. Сел на край.

Хорошо-то как.

Глава 14

Утро на пике Небесной Черепахи встретило Сяо Ху сыростью и туманом, который лип к коже, как мокрая простыня. Он стоял в очереди внешних учеников, втягивая голову в плечи, и слушал, как капает с крыши тренировочного павильона.

Кап. Кап. Кап.

Каждая капля отбивала ритм, похожий на отсчёт времени. Сколько ему осталось до того, как печать обнаружат? До того, как кто-то из старейшин решит, что парень с седьмым рангом Закалки Ци не заслуживает такой реликвии? Минуты растянулись в часы, и солнце победило тучи.

Я ждал своей очереди почти вечность. Вдыхал запах нагретой солнцем дождевой воды на каменной крошке, слушал, как ветер играет с колокольчиками на карнизах далёких павильонов, и старался унять дрожь в пальцах. Не от страха. От нетерпения.

Старейшина Цзянь принимал новичков неторопливо, с видом человека, который никуда не спешит, потому что все дела мира подождут. Он сидел на резном стуле из корня тысячелетнего дерева, и каждый его жест источал силу, скрытую под маской добродушного старика. Каждому он уделял ровно столько времени, сколько требовал долг, — не больше, но и не меньше. Голос его был сух и ровен, как шелест старого пергамента. Солнце стояло в зените, выжигая тени, а очередь из внешних учеников тянулась к нему, словно муравьиная тропа.

— Внешний ученик секты Небесного Меча, Сяо Ху, приветствует наставника!

Я опустил в поклон, так чтоб проявить уважение, но сдержано. Табличку держал двумя руками, словно подношение божеству.

— Встань, — голос Цзяня был сух, но не строг. — Какая ступень?

— Седьмой ранг, первого уровня Закалки Ци, наставник.

Он поднял голову. Взгляд его — выцветший, мудрый, чуть насмешливый — упёрся в меня. Он молчал ровно столько, чтобы я успел занервничать, а потом произнёс:

— Ну надо же Ты. — Он хмыкнул, откладывая кисть. — Лань Фэнь, стало быть, твой наставник. Я уж думал, он до самой смерти будет бродить по горе в поисках ученика, а оно вон как. — Цзянь покачал головой, и в этом жесте было не осуждение, а усталая отеческая насмешка. — Ладно. Держи.

Он протянул мне увесистый холщовый мешочек. Я принял его, ощутив ладонью плотные очертания склянок.

— Вступительный набор. Ценные вещи, не разлей, не растеряй. Остальное — за очки заслуг. Ты парень не промах, сам разберёшься.

Я молча поклонился, и уже собирался отойти, когда он остановил меня жестом — одним пальцем, словно приклеил меня к месту.

— Погоди. Как освобожусь — жди меня у фонтана. Есть у меня к тебе словечко. Не для чужих ушей.

И он вернулся к следующему ученику, будто ничего не произошло. А у меня внутри всё перевернулось.

Час, проведённый у фонтана, тянулся бесконечно. Я разглядывал содержимое мешочка: три глиняных флакона с настойкой, пахнущей густой горечью; численник с двумя датами, обведёнными красным; брошюру правил; круглую пилюлю очистки, тусклую, как луна в облаках; и бамбуковый жетон на горячие источники. Я попытался медитировать, но Ци в даньтяне не отзывалась. Мысли путались. Я прислушивался к обрывкам разговоров старших учеников, силясь уловить что-то важное, но слова разлетались птицами, не задерживаясь в памяти.

Он заметил, что наставник Цзянь закончил приём и медленно, чуть сутулясь, направился к тропе, ведущей к его дому на склоне.

Догнав его, соблюдая почтительную дистанцию в три шага, Сяо Ху поклонился:

— Наставник, вы хотели меня видеть?

— Да, — Цзянь кивнул. — Пойдём. Поговорим у меня. Мы шли молча.

Тропинка вилась меж валунов, поросших мхом, мимо старых сосен с корявыми стволами, похожими на скрюченные пальцы. В траве стрекотали цикады, и от этого стрекота становилось ещё тише.

Дом старейшины оказался неожиданно скромным. Каменные стены, почерневшие от времени, маленькое окно, пропускающее лишь узкую полосу света, и запах — запах старой бумаги, чернил и сухих корней.

— Итак, — начал Цзянь, указав Сяо Ху на циновку у низкого столика. Он сам сел напротив и, чуть прищурившись, сцепил пальцы в замок. — Значит, нижний мир, откуда ты к нам прибыл, истощён? И практиков даже уровня Концентрации Ци там можно встретить лишь по великой случайности? Хм Вот почему ссылка в нижний мир так подкашивает мастеров. Мои догадки оправдались. Это и правда варварский мир.

Он вздохнул.

Цзянь опустил голову, давая мне выговориться. Я о многом умолчал, о многом не стал распространяться. Да и зачем ему знать всё? Найдёт ли он в этом интерес?

— Мне жаль твоих родителей, юноша. Такие потери часто ломают людей. Но я рад, что ты сумел найти в себе стержень и добрался до нас, поставив перед собой благородные цели.

— Вот так я прибыл на остров. И тогда ещё не знал, что окажусь в таком месте. — Я просто искал путь, наставник, — ответил я тихо. — И нашёл его здесь.

Цзянь усмехнулся, невесело, одними уголками губ.

— Говоришь ты складно. Но я смотрю на тебя и вижу: удача тебя любит. Если бы не мой горе-ученик Лань Фэнь, который как раз возвращался из Грога Ветров после наказания за очередной запой Эх, душа не на месте у этого парня. Но в тот день он был трезв. И искал, чем бы искупить грехи за лень. А тут ты. — Цзянь развёл руками. — Так что не думай, что это случайность.

— Я благодарен, — сказал я, встречая его взгляд.

— Пока рано благодарить. — Цзянь вдруг подался вперёд, и лицо его стало серьёзным, почти суровым. — Сейчас ты сделаешь то, что я скажу. Сними печать. Положи её на стол передо мной. И не бойся: я — мастер печати среднего уровня Золотого Ядра. Я смогу скрыть её ауру так, что даже небесный инспектор не почувет.

Я колебался. Сердце пропустило удар. Но я послушался: сунул руку за пазуху, нащупал холодный металл, снял шнурок и положил печать на стол. Она лежала, между нами, тусклая и древняя, словно осколок ночного неба.

— Хорошо. — Цзянь выдохнул. — Теперь слушай. И не перебивай. То, что я скажу, может спасти тебе жизнь. Или оборвать её, если ты будешь дураком.

Он начал рассказ, и я слушал, затаив дыхание.

— Давно, очень давно на этих землях был Властитель континента. Он пришёл в наши земли из Верхнего Мира — так говорят древние книги. Его звали Правитель Ал Го. Клан его — Тяньлун, по крови — зверь Небесный Дракон. Этот властитель объединил разрозненные земли с помощью четырёх генералов, каждый из которых был на уровне Зародыша Бессмертия.

Цзянь загнул палец:

— Первый — Муа Фэнь. Он основал род Фэнь. Сейчас их потомки попрежнему владеют частью континента, а их родовой зверь — птица Фэн.

Второй палец.

— Второй — Боло Цинь. Его род сохранился на севере, хоть влияние они растеряли. Их зверь — Цинь Линь.

Третий палец.

— Третий генерал не стал претендовать на большие территории. Он занял южные окраины — морские пути и приграничье. Имя рода — Го Чи, а зверь их — Морская Черепаха.

Четвёртый палец. Цзянь остановился на нём, задержал на Сяо Ху взгляд.

— И наконец, род Хинг Ху. Звёздный Тигр. Их тотемное животное — тигр. И тут начинается самое интересное.

Он выдержал паузу, давая Сяо Ху осмыслить услышанное.

— Мало кто знает, что Техника Небесного Дракона и Техника Звёздного Тигра — это не две разные техники. Это части одной и той же. Единой. И если я ничего не путаю, эти техники относятся к бессмертному рангу. Вместе они дают метод культивации, основанный на силе «звёздной» Ци.

Сяо Ху похолодел. Бессмертный ранг?

— Представь себе, насколько ценной является просто информация о твоей печати, — продолжил Цзянь. — Не говоря уже о том, что она вновь появилась на континенте и попала в руки — в твои руки.

Я кивнул. Язык прилип к нёбу.

— А теперь о твоей печати. Не думай, что ты избранный. Любой сопляк до девяти лет и до девятого ранга Закалки Ци может держать её. Это защита от дурака, а не метка принадлежности к клану.

Сяо Ху почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Защита от дурака? — переспросил он.

— Да, — кивнул Цзянь.

— Механизм, предотвращающий попадание артефакта в руки слишком сильных или опытных культиваторов. Иначе он мог бы вызвать катастрофу. Последним, кто ей владел, был Шу Вэй из клана Весеннего Ветра. И что с ним стало? А то, что весь клан вырезали сорок лет назад, когда печать пропала. Остался только трактир в городе Семи Озёр. Одна ветвь рода, осколок былой славы.

Цзянь остановился, давая мне осмыслить.

— Я не притронусь к ней, — сказал он, глядя на печать с уважением, граничащим со страхом. — Не хочу травить свою Ци. Я наложил на неё своё сокрытие. Но оно продержится только пять дней. А дальше — решай сам. Отдашь печать и будешь жить спокойно. Или примешь наследие и тогда назад дороги не будет.

Он откинулся назад, уперев руки в пол. В комнате повисла тишина, тяжёлая, как камень.

Приняв решение, я вышел из каменного дома старейшины Цзяня, и горный воздух ударил в лицо, смешанный с запахом хвои и сырой земли. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в цвета старой бронзы и запёкшейся крови. Старейшина сказал: «Пять дней». Этого хватит, чтобы дойти до города, найти трактир и понять, что делать дальше. Но сперва — дорога.

Тропа от пика «Небесной Черепахи» к подножию секты вилась меж исполинских сосен, чьи корни, толстые как драконьи жилы, вспарывали каменную кладку древней мостовой. Местами плиты провалились, и приходилось перепрыгивать через разломы, где внизу клубился сырой туман, пахнувший плесенью и чем-то сладковатым, почти приторным — то ли гниющими цветами, то ли дохлой плотью. Я старался дышать ровно и не смотреть вниз.

Вскоре лес сомкнулся плотной стеной. Ветви сплетались над головой в такой частый полог, что солнечные лучи пробивались лишь редкими золотыми копьями, пронзающими полумрак. Здесь было влажно и душно, как в пасти спящего зверя. Каждый шаг отдавался хрустом прелой листвы и треском сучьев, и этот звук казался неестественно громким в окружающей тишине.

Я шёл уже около часа, когда боковым зрением уловил движение — тень, метнувшуюся меж стволов. Я замер, прислушиваясь к биению собственного сердца. Ничего. Только ветер шелестит в кронах, да где-то далеко кричит птица, резко, будто её душат.

Я двинулся дальше, но через несколько шагов услышал то, отчего кровь застыла в жилах: чей-то смех. Тихий, высокий, неестественно звонкий, словно смеялся не человек, а разбитый колокольчик. Смех доносился слева, из-за густого орешника.

Осторожно, стараясь не шуршать листвой, я раздвинул ветви и выглянул.

На небольшой поляне, залитой пятнистым светом, сидела девочка. Лет семи-восьми, не больше. Одежда на ней была странная — из грубой мешковины, подпоясанная верёвкой, но на ногах — расшитые золотом туфельки, какие носят дочери знатных домов на городских праздниках. Она сидела на поваленном стволе и аккуратно расчёсывала длинные чёрные волосы деревянным гребнем, на котором, как мне показалось, были вырезаны крошечные змеи, обвивающие луну.

Девочка подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Глаза у неё были жёлтые. Не карие, не золотистые — именно жёлтые, как у кошки или, если верить книгам, у зверя Ци Линь. И зрачки — вертикальные, тонкие иглы.

— Дяденька, ты заблудился? — спросила она мелодичным, почти ангельским голоском. — Здесь опасно. Волки приходят. Большие. Чёрные.

Я медленно выпрямился, не выпуская ветку из рук.

— А ты сама почему здесь, дитя? Где твои родители?

Девочка улыбнулась. Улыбка была милой, по-детски беззубой, но от неё по спине пробежал холодок.

— Папа умер. Мама тоже. Теперь я живу в лесу. Меня кормит тот, кто живёт в горе. — Она указала пальчиком куда-то вглубь чащи. — Он добрый. Иногда он зовёт меня к себе, и мы играем. А ты не хочешь с нами поиграть? У него много игрушек. Они все костяные, но красивые.

Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала ледяная змейка. Здесь, в этом проклятом месте, посреди глухого леса, пятилетняя девочка с жёлтыми глазами и костяными игрушками — это не иначе как проделки демонического культиватора или, того хуже, встреча с порождением злого духа, что прикидывается ребёнком. В старых записях секты такое описывали: твари Запределья любят принимать облик невинных, чтобы заманить путников в ловушку.

— Спасибо за приглашение, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но меня ждут в городе. Дела.

Девочка перестала улыбаться. Её лицо застыло, став неестественно гладким, как восковая маска.

— А я не люблю, когда отказываются, — произнесла она уже другим голосом — низким, скрипучим, словно у старухи. — Никто не любит. Подумай, дяденька. Гора ждёт гостей.

Она встала, отряхнула подол, и в тот же миг ветер донёс до меня запах — резкий, сладковатый, тошнотворный. Запах палёных перьев и старой крови. Лес вокруг поляны словно потемнел, тени сгустились, и мне показалось, что из-за деревьев за мной наблюдают сотни глаз.

Я не стал ждать. Развернулся и зашагал прочь, стараясь не переходить на бег, хотя каждый мускул в теле молил о бегстве. Через десяток шагов я оглянулся. Поляна была пуста. Только разбитый гребень валялся на мху, и на его зубцах блестели капли, похожие на расплавленное золото.

Дальше я шёл быстро, не разбирая дороги, пока ноги сами не вынесли меня на усыпанную гравием колею, где следы повозок были свежими, а по краям стояли ритуальные каменные столбы с вырезанными иероглифами защиты. Здесь лес расступался, открывая вид на долину, где уже мерцали огоньки города.

Я перевёл дух и вытер холодный пот со лба. «Вот же проклятое место! — подумал я. — Секта на горе, а у подножия — настоящая демоница!»

Но на душе стало тревожно. Эта девочка — она не просто случайная встреча. Обязательно нужно всё рассказать учителю. Другая мысль пришла в голову. Пять дней — слишком щедрый срок, если по моему следу уже идут твари, что чуют артефакты божественного ранга.

Я ускорил шаг. Трактир «Весенний Ветер» был уже не за горами.

До города Семи Озёр я шёл почти три часа. Дорога пылила под ногами, солнце садилось, а в голове звенела пустота после разговора с маленькой незнакомкой. Город встретил меня привычным шумом: крики торговцев, ржание лошадей, запах жареного масла и дешёвых благовоний.

Трактир «Весенний Ветер» я нашёл почти сразу. Он стоял на окраине, у самой воды, и с первого взгляда казался заброшенным: вывеска покосилась, краска облупилась, крыльцо скрипело под ногами. Но внутри горел свет.

Я толкнул дверь. В нос ударил густой запах старого дерева, лука и холодного чая. В зале было пусто: только за дальним столиком дремал какой-то пьянчуга, уткнувшись носом в кружку. За стойкой стояла женщина. Лет сорока на вид, но глаза выдавали опыт: острый взгляд, натренированный видеть людей насквозь.

— Чем могу помочь? — спросила она ровным, ничего не выражающим голосом.

Я подошёл к стойке, выдержал паузу, чтобы она поняла: я пришёл не за едой.

— Мне нужна комната, — сказал я тихо. — И разговор. О старых долгах.

Её рука, протиравшая кружку, замерла. Она подняла на меня глаза, и на мгновение в них мелькнуло что-то — настороженность, узнавание?

— Мы не даём комнаты в долг, юноша. Плати монетой или проваливай.

— Я заплачу. Но не монетой. — Я чуть наклонился вперёд и одними губами произнёс: — Весенний Ветер не угас. Он пришёл со мной.

Тишина повисла в воздухе, осязаемая, липкая, как мёд. Женщина медленно, очень медленно, поставила кружку на полку. Затем оглянулась на спящего пьянчугу — он не шевелился — и кивнула на дверь за своей спиной, ведущую в подсобку.

— Проходи.

Утро на пике Небесной Черепахи встретило Сяо Ху сыростью и туманом, который лип к коже, как мокрая простыня. Он стоял в очереди внешних учеников, втягивая голову в плечи, и слушал, как капает с крыши тренировочного павильона.

Кап. Кап. Кап.

Каждая капля отбивала ритм, похожий на отсчёт времени. Сколько ему осталось до того, как печать обнаружат? До того, как кто-то из старейшин решит, что парень с седьмым рангом Закалки Ци не заслуживает такой реликвии? Минуты растянулись в часы, и солнце победило тучи.

Я ждал своей очереди почти вечность. Вдыхал запах нагретой солнцем дождевой воды на каменной крошке, слушал, как ветер играет с колокольчиками на карнизах далёких павильонов, и старался унять дрожь в пальцах. Не от страха. От нетерпения.

Старейшина Цзянь принимал новичков неторопливо, с видом человека, который никуда не спешит, потому что все дела мира подождут. Он сидел на резном стуле из корня тысячелетнего дерева, и каждый его жест источал силу, скрытую под маской добродушного старика. Каждому он уделял ровно столько времени, сколько требовал долг, — не больше, но и не меньше. Голос его был сух и ровен, как шелест старого пергамента. Солнце стояло в зените, выжигая тени, а очередь из внешних учеников тянулась к нему, словно муравьиная тропка.

— Внешний ученик секты Небесного Меча, Сяо Ху, приветствует наставника!

Я опустил голову в поклон, так чтоб проявить уважение, но сдержано. Табличку держал двумя руками, словно подношение божеству.

— Встань, — голос Цзяня был сух, но не строг. — Какая ступень?

— Седьмой ранг, первого уровня Закалки Ци, наставник.

Он поднял голову. Взгляд его — выцветший, мудрый, чуть насмешливый — упёрся в меня. Он молчал ровно столько, чтобы я успел занервничать, а потом произнёс:

— Ну надо же Ты. — Он хмыкнул, откладывая кисть. — Лань Фэнь, стало быть, твой наставник. Я уж думал, он до самой смерти будет бродить по горе в поисках ученика, а оно вон как. — Цзянь покачал головой, и в этом жесте было не осуждение, а усталая отеческая насмешка. — Ладно. Держи.

Он протянул мне увесистый холщовый мешочек. Я принял его, ощутив ладонью плотные очертания склянок.

— Вступительный набор. Ценные вещи, не разлей, не растеряй. Остальное — за очки заслуг. Ты парень не промах, сам разберёшься.

Я молча поклонился, и уже собирался отойти, когда он остановил меня жестом — одним пальцем, словно приклеил меня к месту.

— погоди. Как освобожусь — жди меня у фонтана. Есть у меня к тебе словечко. Не для чужих ушей.

И он вернулся к следующему ученику, будто ничего не произошло. А у меня внутри всё перевернулось.

Час, проведённый у фонтана, тянулся бесконечно. Я разглядывал содержимое мешочка: три глиняных флакона с настойкой, пахнущей густой горечью; численник с двумя датами, обведёнными красным; брошюру правил; круглую пилюлю очистки, тусклую, как луна в облаках; и бамбуковый жетон на горячие источники. Я попытался медитировать, но Ци в даньтiane не отзывалась. Мысли путались. Я прислушивался к обрывкам разговоров старших учеников, силясь уловить что-то важное, но слова разлетались птицами, не задерживаясь в памяти.

Он заметил, что наставник Цзянь закончил приём и медленно, чуть сутулясь, направился к тропе, ведущей к его дому на склоне.

Догнав его, соблюдая почтительную дистанцию в три шага, Сяо Ху поклонился:

— Наставник, вы хотели меня видеть?

— Да, — Цзянь кивнул. — Пойдём. Поговорим у меня. Мы шли молча.

Тропинка вилась меж валунов, поросших мхом, мимо старых сосен с корявыми стволами, похожими на скрюченные пальцы. В траве стрекотали цикады, и от этого стрекота становилось ещё тише.

Дом старейшины оказался неожиданно скромным. Каменные стены, почерневшие от времени, маленькое окно, пропускающее лишь узкую полосу света, и запах — запах старой бумаги, чернил и сухих корней.

— Итак, — начал Цзянь, указав Сяо Ху на циновку у низкого столика. Он сам сел напротив и, чуть прищурившись, сцепил пальцы в замок. — Значит, нижний мир, откуда ты к нам прибыл, истощён? И практиков даже уровня Концентрации Ци там можно встретить лишь по великой случайности? Хм Вот почему ссылка в нижний мир так подкашивает мастеров. Мои догадки оправдались. Это и правда варварский мир.

Он вздохнул.

Цзянь опустил голову, давая мне выговориться. Я о многом умолчал, о многом не стал распространяться. Да и зачем ему знать всё? Найдёт ли он в этом интерес?

— Мне жаль твоих родителей, юноша. Такие потери часто ломают людей. Но я рад, что ты сумел найти в себе стержень и добрался до нас, поставив перед собой благородные цели.

— Вот так я прибыл на остров. И тогда ещё не знал, что окажусь в таком месте. — Я просто искал путь, наставник, — ответил я тихо. — И нашёл его здесь.

Цзянь усмехнулся, невесело, одними уголками губ.

— Говоришь ты складно. Но я смотрю на тебя и вижу: удача тебя любит. Если бы не мой горе-ученик Лань Фэнь, который как раз возвращался из Грота Ветров после наказания за очередной запой Эх, душа не на месте у этого парня. Но в тот день он был трезв. И искал, чем бы искупить грехи за лень. А тут ты. — Цзянь развёл руками. — Так что не думай, что это случайность.

— Я благодарен, — сказал я, встречая его взгляд.

— Пока рано благодарить. — Цзянь вдруг подался вперёд, и лицо его стало серьёзным, почти суровым. — Сейчас ты сделаешь то, что я скажу. Сними печать. Положи её на стол передо мной. И не бойся: я — мастер печати среднего уровня Золотого Ядра. Я смогу скрыть её ауру так, что даже небесный инспектор не почувствует.

Я колебался. Сердце пропустило удар. Но я послушался: сунул руку за пазуху, нащупал холодный металл, снял шнурок и положил печать на стол. Она лежала, между нами, тусклая и древняя, словно осколок ночного неба.

— Хорошо. — Цзянь выдохнул. — Теперь слушай. И не перебивай. То, что я скажу, может спасти тебе жизнь. Или оборвать её, если ты будешь дураком.

Он начал рассказ, и я слушал, затаив дыхание.

— Давно, очень давно на этих землях был Властитель континента. Он пришёл в наши земли из Верхнего Мира — так говорят древние книги. Его звали Правитель Ал Го. Клан его — Тяньлун, по крови — зверь Небесный Дракон. Этот властитель объединил разрозненные земли с помощью четырёх генералов, каждый из которых был на уровне Зародыша Бессмертия.

Цзянь загнул палец:

— Первый — Муа Фэнь. Он основал род Фэнь. Сейчас их потомки попережнему владеют частью континента, а их родовой зверь — птица Фэн.

Второй палец.

— Второй — Боло Цинь. Его род сохранился на севере, хоть влияние они растеряли. Их зверь — Цинь Линь.

Третий палец.

— Третий генерал не стал претендовать на большие территории. Он занял южные окраины — морские пути и приграничье. Имя рода — Го Чи, а зверь их — Морская Черепаха.

Четвёртый палец. Цзянь остановился на нём, задержал на Сяо Ху взгляд.

— И наконец, род Хинг Ху. Звёздный Тигр. Их тотемное животное — тигр. И тут начинается самое интересное.

Он выдержал паузу, давая Сяо Ху осмыслить услышанное.

— Мало кто знает, что Техника Небесного Дракона и Техника Звёздного Тигра — это не две разные техники. Это части одной и той же. Единой. И если я ничего не путаю, эти техники относятся к бессмертному рангу. Вместе они дают метод культивации, основанный на силе «звёздной» Ци.

Сяо Ху похолодел. Бессмертный ранг?

— Представь себе, насколько ценной является просто информация о твоей печати, — продолжил Цзянь. — Не говоря уже о том, что она вновь появилась на континенте и попала в руки — в твои руки.

Я кивнул. Язык прилип к нёбу.

— А теперь о твоей печати. Не думай, что ты избранный. Любой сопляк до девяти лет и до девятого ранга Закалки Ци может держать её. Это защита от дурака, а не метка принадлежности к клану.

Сяо Ху почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Защита от дурака? — переспросил он.

— Да, — кивнул Цзянь.

— Механизм, предотвращающий попадание артефакта в руки слишком сильных или опытных культиваторов. Иначе он мог бы вызвать катастрофу. Последним, кто ей владел, был Шу Вэй из клана Весеннего Ветра. И что с ним стало? А то, что весь клан вырезали сорок лет назад, когда печать пропала. Остался только трактир в городе Семи Озёр. Одна ветвь рода, осколок былой славы.

Цзянь остановился, давая мне осмыслить.

— Я не притронусь к ней, — сказал он, глядя на печать с уважением, граничащим со страхом. — Не хочу травить свою Ци. Я наложил на неё своё сокрытие. Но оно продержится только пять дней. А дальше — решай сам. Отдашь печать и будешь жить спокойно. Или примешь наследие и тогда назад дороги не будет.

Он откинулся назад, уперев руки в пол. В комнате повисла тишина, тяжёлая, как камень.

Приняв решение, я вышел из каменного дома старейшины Цзяня, и горный воздух ударил в лицо, смешанный с запахом хвои и сырой земли. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в цвета старой бронзы и запёкшейся крови. Старейшина сказал: «Пять дней». Этого хватит, чтобы дойти до города, найти трактир и понять, что делать дальше. Но сперва — дорога.

Тропа от пика «Небесной Черепахи» к подножию секты вилась меж исполинских сосен, чьи корни, толстые как драконьи жилы, вспарывали каменную кладку древней мостовой. Местами плиты провалились, и приходилось перепрыгивать через разломы, где внизу клубился сырой туман, пахнувший плесенью и чем-то сладковатым, почти приторным — то ли гниющими цветами, то ли дохлой плотью. Я старался дышать ровно и не смотреть вниз.

Вскоре лес сомкнулся плотной стеной. Ветви сплетались над головой в такой частый полог, что солнечные лучи пробивались лишь редкими золотыми копьями, пронзающими полумрак. Здесь было влажно и душно, как в пасти спящего зверя. Каждый шаг отдавался хрустом прелой листвы и треском сучьев, и этот звук казался неестественно громким в окружающей тишине.

Я шёл уже около часа, когда боковым зрением уловил движение — тень, метнувшуюся меж стволов. Я замер, прислушиваясь к биению собственного сердца. Ничего. Только ветер шелестит в кронах, да где-то далеко кричит птица, резко, будто её душат.

Я двинулся дальше, но через несколько шагов услышал то, отчего кровь застыла в жилах: чей-то смех. Тихий, высокий, неестественно звонкий, словно смеялся не человек, а разбитый колокольчик. Смех доносился слева, из-за густого орешника.

Осторожно, стараясь не шуршать листвой, я раздвинул ветви и выглянул.

На небольшой поляне, залитой пятнистым светом, сидела девочка. Лет семи-восьми, не больше. Одежда на ней была странная — из грубой мешковины, подпоясанная верёвкой, но на ногах — расшитые золотом туфельки, какие носят дочери знатных домов на городских праздниках. Она сидела на поваленном стволе и аккуратно расчёсывала длинные чёрные волосы деревянным гребнем, на котором, как мне показалось, были вырезаны крошечные змеи, обвиняющие луну.

Девочка подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Глаза у неё были жёлтые. Не карие, не золотистые — именно жёлтые, как у кошки или, если верить книгам, у зверя Ци Линь. И зрачки — вертикальные, тонкие иглы.

— Дяденька, ты заблудился? — спросила она мелодичным, почти ангельским голоском. — Здесь опасно. Волки приходят. Большие. Чёрные.

Я медленно выпрямился, не выпуская ветку из рук.

— А ты сама почему здесь, дитя? Где твои родители?

Девочка улыбнулась. Улыбка была милой, по-детски беззубой, но от неё по спине пробежал холодок.

— Папа умер. Мама тоже. Теперь я живу в лесу. Меня кормит тот, кто живёт в горе. — Она указала пальчиком куда-то вглубь чащи. — Он добрый. Иногда он зовёт меня к себе, и мы играем. А ты не хочешь с нами поиграть? У него много игрушек. Они все костяные, но красивые.

Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала ледяная змейка. Здесь, в этом проклятом месте, посреди глухого леса, пятилетняя девочка с жёлтыми глазами и костяными игрушками — это не иначе как проделки демонического культиватора или, того хуже, встреча с порождением злого духа, что прикидывается ребёнком. В старых записях секты такое описывали: твари Запределья любят принимать облик невинных, чтобы заманить путников в ловушку.

— Спасибо за приглашение, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но меня ждут в городе. Дела.

Девочка перестала улыбаться. Её лицо застыло, став неестественно гладким, как восковая маска.

— А я не люблю, когда отказываются, — произнесла она уже другим голосом — низким, скрипучим, словно у старухи. — Никто не любит. Подумай, дяденька. Гора ждёт гостей.

Она встала, отряхнула подол, и в тот же миг ветер донёс до меня запах — резкий, сладковатый, тошнотворный. Запах палёных перьев и старой крови. Лес вокруг поляны словно потемнел, тени сгустились, и мне показалось, что из-за деревьев за мной наблюдают сотни глаз.

Я не стал ждать. Развернулся и зашагал прочь, стараясь не переходить на бег, хотя каждый мускул в теле молил о бегстве. Через десяток шагов я оглянулся. Поляна была пуста. Только разбитый гребень валялся на мху, и на его зубцах блестели капли, похожие на расплавленное золото.

Дальше я шёл быстро, не разбирая дороги, пока ноги сами не вынесли меня на усыпанную гравием колею, где следы повозок были свежими, а по краям стояли ритуальные каменные столбы с вырезанными иероглифами защиты. Здесь лес расступался, открывая вид на долину, где уже мерцали огоньки города.

Я перевёл дух и вытер холодный пот со лба. «Вот же проклятое место! — подумал я. — Секта на горе, а у подножия — настоящая демоница!»

Но на душе стало тревожно. Эта девочка — она не просто случайная встреча. Обязательно нужно всё рассказать учителю. Другая мысль пришла в голову. Пять дней — слишком щедрый срок, если по моему следу уже идут твари, что чуют артефакты божественного ранга.

Я ускорил шаг. Трактир «Весенний Ветер» был уже не за горами.

До города Семи Озёр я шёл почти три часа. Дорога пылила под ногами, солнце садилось, а в голове звенела пустота после разговора с маленькой незнакомкой. Город встретил меня привычным шумом: крики торговцев, ржание лошадей, запах жареного масла и дешёвых благовоний.

Трактир «Весенний Ветер» я нашёл почти сразу. Он стоял на окраине, у самой воды, и с первого взгляда казался заброшенным: вывеска покосилась, краска облупилась, крыльцо скрипело под ногами. Но внутри горел свет.

Я толкнул дверь. В нос ударил густой запах старого дерева, лука и холодного чая. В зале было пусто: только за дальним столиком дремал какой-то пьянчуга, уткнувшись носом в кружку. За стойкой стояла женщина. Лет сорока на вид, но глаза выдавали опыт: острый взгляд, натренированный видеть людей насквозь.

— Чем могу помочь? — спросила она ровным, ничего не выражающим голосом.

Я подошёл к стойке, выдержал паузу, чтобы она поняла: я пришёл не за едой.

— Мне нужна комната, — сказал я тихо. — И разговор. О старых долгах.

Её рука, протиравшая кружку, замерла. Она подняла на меня глаза, и на мгновение в них мелькнуло что-то — настороженность, узнавание?

— Мы не даём комнаты в долг, юноша. Плати монетой или проваливай.

— Я заплачу. Но не монетой. — Я чуть наклонился вперёд и одними губами произнёс:
— Весенний Ветер не угас. Он пришёл со мной.

Тишина повисла в воздухе, осязаемая, липкая, как мёд. Женщина медленно, очень медленно, поставила кружку на полку. Затем оглянулась на спящего пьянчугу — он не шевелился — и кивнула на дверь за своей спиной, ведущую в подсобку.

— Проходи.

Утро на пике Небесной Черепахи встретило Сяо Ху сыростью и туманом, который лип к коже, как мокрая простыня. Он стоял в очереди внешних учеников, втягивая голову в плечи, и слушал, как капает с крыши тренировочного павильона.

Кап. Кап. Кап.

Каждая капля отбивала ритм, похожий на отсчёт времени. Сколько ему осталось до того, как печать обнаружат? До того, как кто-то из старейшин решит, что парень с седьмым рангом Закалки Ци не заслуживает такой реликвии? Минуты растянулись в часы, и солнце победило тучи.

Я ждал своей очереди почти вечность. Вдыхал запах нагретой солнцем дождевой воды на каменной крошке, слушал, как ветер играет с колокольчиками на карнизах далёких павильонов, и старался унять дрожь в пальцах. Не от страха. От нетерпения.

Старейшина Цзянь принимал новичков неторопливо, с видом человека, который никуда не спешит, потому что все дела мира подождут. Он сидел на резном стуле из корня тысячелетнего дерева, и каждый его жест источал силу, скрытую под маской добродушного старика. Каждому он уделял ровно столько времени, сколько требовал долг, — не больше, но и не меньше. Голос его был сух и ровен, как шелест старого пергамента. Солнце стояло в зените, выжигая тени, а очередь из внешних учеников тянулась к нему, словно муравьиная тропа.

— Внешний ученик секты Небесного Меча, Сяо Ху, приветствует наставника!

Я опустил голову в поклон, так чтоб проявить уважение, но сдержано. Табличку держал двумя руками, словно подношение божеству.

— Встань, — голос Цзяня был сух, но не строг. — Какая ступень?

— Седьмой ранг, первого уровня Закалки Ци, наставник.

Он поднял голову. Взгляд его — выцветший, мудрый, чуть насмешливый — упёрся в меня. Он молчал ровно столько, чтобы я успел занервничать, а потом произнёс:

— Ну надо же Ты. — Он хмыкнул, откладывая кисть. — Лань Фэнь, стало быть, твой наставник. Я уж думал, он до самой смерти будет бродить по горе в поисках ученика, а оно вон как. — Цзянь покачал головой, и в этом жесте было не осуждение, а усталая отеческая насмешка. — Ладно. Держи.

Он протянул мне увесистый холщовый мешочек. Я принял его, ощутив ладонью плотные очертания склянок.

— Вступительный набор. Ценные вещи, не разлей, не растеряй. Остальное — за очки заслуг. Ты парень не промах, сам разберёшься.

Я молча поклонился, и уже собирался отойти, когда он остановил меня жестом — одним пальцем, словно приклеил меня к месту.

— погоди. Как освобожусь — жди меня у фонтана. Есть у меня к тебе словечко. Не для чужих ушей.

И он вернулся к следующему ученику, будто ничего не произошло. А у меня внутри всё перевернулось.

Час, проведённый у фонтана, тянулся бесконечно. Я разглядывал содержимое мешочка: три глиняных флакона с настойкой, пахнувшей густой горечью; численник с двумя датами, обведёнными красным; брошюру правил; круглую пилюлю очистки, тусклую, как луна в облаках; и бамбуковый жетон на горячие источники. Я попытался медитировать, но Ци в дантяне

не отзывалась. Мысли путались. Я прислушивался к обрывкам разговоров старших учеников, силясь уловить что-то важное, но слова разлетались птицами, не задерживаясь в памяти.

Он заметил, что наставник Цзянь закончил приём и медленно, чуть сутулясь, направился к тропе, ведущей к его дому на склоне.

Догнав его, соблюдая почтительную дистанцию в три шага, Сяо Ху поклонился:

— Наставник, вы хотели меня видеть?

— Да, — Цзянь кивнул. — Пойдём. Поговорим у меня. Мы шли молча.

Тропинка вилась меж валунов, поросших мхом, мимо старых сосен с корявыми стволами, похожими на скрюченные пальцы. В траве стрекотали цикады, и от этого стрекота становилось ещё тише.

Дом старейшины оказался неожиданно скромным. Каменные стены, почерневшие от времени, маленькое окно, пропускающее лишь узкую полосу света, и запах — запах старой бумаги, чернил и сухих кореньев.

— Итак, — начал Цзянь, указав Сяо Ху на циновку у низкого столика. Он сам сел напротив и, чуть прищурившись, сцепил пальцы в замок. — Значит, нижний мир, откуда ты к нам прибыл, истощён? И практиков даже уровня Концентрации Ци там можно встретить лишь по великой случайности? Хм Вот почему ссылка в нижний мир так подкашивает мастеров. Мои догадки оправдались. Это и правда варварский мир.

Он вздохнул.

Цзянь опустил голову, давая мне выговориться. Я о многом умолчал, о многом не стал распространяться. Да и зачем ему знать всё? Найдёт ли он в этом интерес?

— Мне жаль твоих родителей, юноша. Такие потери часто ломают людей. Но я рад, что ты сумел найти в себе стержень и добрался до нас, поставив перед собой благородные цели.

— Вот так я прибыл на остров. И тогда ещё не знал, что окажусь в таком месте. — Я просто искал путь, наставник, — ответил я тихо. — И нашёл его здесь.

Цзянь усмехнулся, невесело, одними уголками губ.

— Говоришь ты складно. Но я смотрю на тебя и вижу: удача тебя любит. Если бы не мой горе-ученик Лань Фэнь, который как раз возвращался из Грота Ветров после наказания за очередной запой Эх, душа не на месте у этого парня. Но в тот день он был трезв. И искал, чем бы искупить грехи за лень. А тут ты. — Цзянь развёл руками. — Так что не думай, что это случайность.

— Я благодарен, — сказал я, встречая его взгляд.

— Пока рано благодарить. — Цзянь вдруг подался вперёд, и лицо его стало серьёзным, почти суровым. — Сейчас ты сделаешь то, что я скажу. Сними печать. Положи её на стол передо мной. И не бойся: я — мастер печати среднего уровня Золотого Ядра. Я смогу скрыть её ауру так, что даже небесный инспектор не почувет.

Я колебался. Сердце пропустило удар. Но я послушался: сунул руку за пазуху, нащупал холодный металл, снял шнурок и положил печать на стол. Она лежала, между нами, тусклая и древняя, словно осколок ночного неба.

— Хорошо. — Цзянь выдохнул. — Теперь слушай. И не перебивай. То, что я скажу, может спасти тебе жизнь. Или оборвать её, если ты будешь дураком.

Он начал рассказ, и я слушал, затаив дыхание.

— Давно, очень давно на этих землях был Властитель континента. Он пришёл в наши земли из Верхнего Мира — так говорят древние книги. Его звали Правитель Ал Го. Клан его — Тяньлун, по крови — зверь Небесный Дракон. Этот властитель объединил разрозненные земли с помощью четырёх генералов, каждый из которых был на уровне Зародыша Бессмертия.

Цзянь загнул палец:

— Первый — Муа Фэнь. Он основал род Фэнь. Сейчас их потомки попрежнему владеют частью континента, а их родовой зверь — птица Фэн.

Второй палец.

— Второй — Боло Цинь. Его род сохранился на севере, хоть влияние они растеряли. Их зверь — Цинь Линь.

Третий палец.

— Третий генерал не стал претендовать на большие территории. Он занял южные окраины — морские пути и приграничье. Имя рода — Го Чи, а зверь их — Морская Черепаха.

Четвёртый палец. Цзянь остановился на нём, задержал на Сяо Ху взгляд.

— И наконец, род Хинг Ху. Звёздный Тигр. Их тотемное животное — тигр. И тут начинается самое интересное.

Он выдержал паузу, давая Сяо Ху осмыслить услышанное.

— Мало кто знает, что Техника Небесного Дракона и Техника Звёздного Тигра — это не две разные техники. Это части одной и той же. Единой. И если я ничего не путаю, эти техники относятся к бессмертному рангу. Вместе они дают метод культивации, основанный на силе «звёздной» Ци.

Сяо Ху похолодел. Бессмертный ранг?

— Представь себе, насколько ценной является просто информация о твоей печати, — продолжил Цзянь. — Не говоря уже о том, что она вновь появилась на континенте и попала в руки — в твои руки.

Я кивнул. Язык прилип к нёбу.

— А теперь о твоей печати. Не думай, что ты избранный. Любой сопляк до девяти лет и до девятого ранга Закалки Ци может держать её. Это защита от дурака, а не метка принадлежности к клану.

Сяо Ху почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Защита от дурака? — переспросил он.

— Да, — кивнул Цзянь.

— Механизм, предотвращающий попадание артефакта в руки слишком сильных или опытных культиваторов. Иначе он мог бы вызвать катастрофу. Последним, кто ей владел, был Шу Вэй из клана Весеннего Ветра. И что с ним стало? А то, что весь клан вырезали сорок лет назад, когда печать пропала. Остался только трактир в городе Семи Озёр. Одна ветвь рода, осколок былой славы.

Цзянь остановился, давая мне осмыслить.

— Я не притронусь к ней, — сказал он, глядя на печать с уважением, граничащим со страхом. — Не хочу травить свою Ци. Я наложил на неё своё сокрытие. Но оно продержится только пять дней. А дальше — решай сам. Отдашь печать и будешь жить спокойно. Или при-мешь наследие и тогда назад дороги не будет.

Он откинулся назад, уперев руки в пол. В комнате повисла тишина, тяжёлая, как камень.

Приняв решение, я вышел из каменного дома старейшины Цзяня, и горный воздух ударил в лицо, смешанный с запахом хвои и сырой земли. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в цвета старой бронзы и запёкшейся крови. Старейшина сказал: «Пять дней». Этого хватит, чтобы дойти до города, найти трактир и понять, что делать дальше. Но сперва — дорога.

Тропа от пика «Небесной Черепахи» к подножию секты вилась меж исполинских сосен, чьи корни, толстые как драконьи жилы, вспарывали каменную кладку древней мостовой. Местами плиты провалились, и приходилось перепрыгивать через разломы, где внизу клубился сырой туман, пахнувший плесенью и чем-то сладковатым, почти приторным — то ли гниющими цветами, то ли дохлой плотью. Я старался дышать ровно и не смотреть вниз.

Вскоре лес сомкнулся плотной стеной. Ветви сплетались над головой в такой частый полог, что солнечные лучи пробивались лишь редкими золотыми копьями, пронзающими полумрак. Здесь было влажно и душно, как в пасти спящего зверя. Каждый шаг отдавался

хрустом прелой листвы и треском сучьев, и этот звук казался неестественно громким в окружающей тишине.

Я шёл уже около часа, когда боковым зрением уловил движение — тень, метнувшуюся меж стволов. Я замер, прислушиваясь к биению собственного сердца. Ничего. Только ветер шелестит в кронах, да где-то далеко кричит птица, резко, будто её душат.

Я двинулся дальше, но через несколько шагов услышал то, отчего кровь застыла в жилах: чей-то смех. Тихий, высокий, неестественно звонкий, словно смеялся не человек, а разбитый колокольчик. Смех доносился слева, из-за густого орешника.

Осторожно, стараясь не шуршать листвой, я раздвинул ветви и выглянул.

На небольшой поляне, залитой пятнистым светом, сидела девочка. Лет семи-восьми, не больше. Одежда на ней была странная — из грубой мешковины, подпоясанная верёвкой, но на ногах — расшитые золотом туфельки, какие носят дочери знатных домов на городских праздниках. Она сидела на поваленном стволе и аккуратно расчёсывала длинные чёрные волосы деревянным гребнем, на котором, как мне показалось, были вырезаны крошечные змеи, обвивающие луну.

Девочка подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Глаза у неё были жёлтые. Не карие, не золотистые — именно жёлтые, как у кошки или, если верить книгам, у зверя Ци Линь. И зрачки — вертикальные, тонкие иглы.

— Дяденька, ты заблудился? — спросила она мелодичным, почти ангельским голоском. — Здесь опасно. Волки приходят. Большие. Чёрные.

Я медленно выпрямился, не выпуская ветку из рук.

— А ты сама почему здесь, дитя? Где твои родители?

Девочка улыбнулась. Улыбка была милой, по-детски беззубой, но от неё по спине пробежал холодок.

— Папа умер. Мама тоже. Теперь я живу в лесу. Меня кормит тот, кто живёт в горе. — Она указала пальчиком куда-то вглубь чащи. — Он добрый. Иногда он зовёт меня к себе, и мы играем. А ты не хочешь с нами поиграть? У него много игрушек. Они все костяные, но красивые.

Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала ледяная змейка. Здесь, в этом проклятом месте, среди глухого леса, пятилетняя девочка с жёлтыми глазами и костяными игрушками — это не иначе как проделки демонического культиватора или, того хуже, встреча с порождением злого духа, что прикидывается ребёнком. В старых записях секты такое описывали: твари Запределья любят принимать облик невинных, чтобы заманить путников в ловушку.

— Спасибо за приглашение, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но меня ждут в городе. Дела.

Девочка перестала улыбаться. Её лицо застыло, став неестественно гладким, как восковая маска.

— А я не люблю, когда отказываются, — произнесла она уже другим голосом — низким, скрипучим, словно у старухи. — Никто не любит. Подумай, дяденька. Гора ждёт гостей.

Она встала, отряхнула подол, и в тот же миг ветер донёс до меня запах — резкий, сладковатый, тошнотворный. Запах палёных перьев и старой крови. Лес вокруг поляны словно потемнел, тени сгустились, и мне показалось, что из-за деревьев за мной наблюдают сотни глаз.

Я не стал ждать. Развернулся и зашагал прочь, стараясь не переходить на бег, хотя каждый мускул в теле молил о бегстве. Через десяток шагов я оглянулся. Поляна была пуста. Только разбитый гребень валялся на мху, и на его зубцах блестели капли, похожие на расплавленное золото.

Дальше я шёл быстро, не разбирая дороги, пока ноги сами не вынесли меня на усыпанную гравием колею, где следы повозок были свежими, а по краям стояли ритуальные каменные

столбы с вырезанными иероглифами защиты. Здесь лес расступался, открывая вид на долину, где уже мерцали огоньки города.

Я перевёл дух и вытер холодный пот со лба. «Вот же проклятое место! — подумал я. — Секта на горе, а у подножия — настоящая демоница!»

Но на душе стало тревожно. Эта девочка — она не просто случайная встреча. Обязательно нужно всё рассказать учителю. Другая мысль пришла в голову. Пять дней — слишком щедрый срок, если по моему следу уже идут твари, что чуют артефакты божественного ранга.

Я ускорил шаг. Трактир «Весенний Ветер» был уже не за горами.

До города Семи Озёр я шёл почти три часа. Дорога пылила под ногами, солнце садилось, а в голове звенела пустота после разговора с маленькой незнакомкой. Город встретил меня привычным шумом: крики торговцев, ржание лошадей, запах жареного масла и дешёвых благовоний.

Трактир «Весенний Ветер» я нашёл почти сразу. Он стоял на окраине, у самой воды, и с первого взгляда казался заброшенным: вывеска покосилась, краска облупилась, крыльцо скрипело под ногами. Но внутри горел свет.

Я толкнул дверь. В нос ударил густой запах старого дерева, лука и холодного чая. В зале было пусто: только за дальним столиком дремал какой-то пьянчуга, уткнувшись носом в кружку. За стойкой стояла женщина. Лет сорока на вид, но глаза выдавали опыт: острый взгляд, натренированный видеть людей насквозь.

— Чем могу помочь? — спросила она ровным, ничего не выражающим голосом.

Я подошёл к стойке, выдержал паузу, чтобы она поняла: я пришёл не за едой.

— Мне нужна комната, — сказал я тихо. — И разговор. О старых долгах.

Её рука, протиравшая кружку, замерла. Она подняла на меня глаза, и на мгновение в них мелькнуло что-то — настороженность, узнавание?

— Мы не даём комнаты в долг, юноша. Плати монетой или проваливай.

— Я заплачу. Но не монетой. — Я чуть наклонился вперёд и одними губами произнёс: — Весенний Ветер не угас. Он пришёл со мной.

Тишина повисла в воздухе, осязаемая, липкая, как мёд. Женщина медленно, очень медленно, поставила кружку на полку. Затем оглянулась на спящего пьянчугу — он не шевелился — и кивнула на дверь за своей спиной, ведущую в подсобку.

— Проходи.

Глава 15

Подсобка оказалась тесной, заставленной мешками с крупой и связками сушёных трав. В углу стоял низкий столик, на котором дымилась глиняная чашка с остатками чая. Женщина задвинула засов и жестом указала мне на единственный табурет:

— Садись, — сказала она. — Нас тут никто не услышит.

Она больше не скрывала своей истинной манеры говорить — голос стал ниже, жёстче, с едва уловимым надтреснутым оттенком, будто ей приходилось много кричать в прошлом. Или плакать.

— Кто ты и откуда знаешь пароль? — её глаза сузились. — И говори быстро, пока я не решила, что ты шпион из клана Тяньлун.

Я выдержал её взгляд, хотя внутри всё сжалось. Женщина передо мной явно была не простой трактирщицей. Ци вокруг неё пульсировала скрыто, но даже моей слабой чувствительности хватало, чтобы понять: она как минимум на стадии Заложения Основы, а то и выше. Искусно скрывает свою ауру старым, мастерски наложенным артефактом.

— Меня зовут Сяо Ху, — начал я, стараясь говорить спокойно. — Я прибыл в секту Небесного Меча как ученик.

Я рассказывал и рассказывал. Как убили родителей. Как впервые увидел применение силы Ци — когда неизвестный одним жестом ладони сломил волю отца. Меня будто прорвало. Слова хлынули потоком: унижения во внешнем дворе, встреча с Чэнь Вэем, его уроки грамоты и первые шаги в культивации, сегодняшняя встреча в лесу с той девочкой-демоницей. Всё, до самого момента, как я переступил порог её трактира.

Женщина слушала молча, не перебивая. На её лице мелькали тени эмоций — гнев, боль, узнавание. Когда я закончил, она долго смотрела в одну точку на стене.

— Значит, муж мой — Чэнь Вэй сдержал клятву, — прошептала она. — И печать теперь у тебя?

Я сунул руку за пазуху и вытащил амулет на шнурке:

— Вот она.

Шу Мэй протянула дрожащую руку, но не притронулась к артефакту. Только коснулась его пальцем, будто проверяя, настоящий ли он.

— Проклятье, — выдохнула она. Слеза скатилась по её щеке, но она смахнула её быстрым, злым движением. — Я думала думала, хоть на старость лет увижу своего Чэня.

У меня перехватило горло.

— Мне жаль, госпожа. — Я опустил голову. — Он был для меня первым учителем. Тем, кто научил меня читать. Кто показал, что мир не состоит из одной жестокости.

Она горько усмехнулась:

— Говорили мне, что он рехнулся после смерти сестры. Что ушёл в горы искать смерти. А я слушала и верила. Мне говорили — забудь, Шу Мэй, твой муж — мертвец. А оно вон как

Она замолчала. В тишине подсобки было слышно, как трещит фитиль масляной лампы. Я увидел, как она беззвучно шевелит губами — молитва? Прощание?

— Пусть твой путь перерождения будет лёгок, Чэнь Вэй, — прошептала она едва слышно. — И мы встретимся снова. Я, как наследница клана, принимаю твою жертву и прощаю всю вину.

Она подняла голову, и взгляд её стал острым, как бритва.

— Ты хоть понимаешь, что ты принёс в мой дом, мальчик? — Голос её зазвенел сталью. — Знаешь, сколько людей погибло за последние сто лет из-за этой штуки?

Я молчал. Что я мог ответить? Слова здесь были бессильны.

Шу Мэй выдохнула, словно сдуваясь, и устало провела ладонью по лицу.

— Ладно. Ты — не Чэнь. Но ты исполнил свой долг перед ним. Провёл печать сквозь все круги ада и доставил её сюда. Это чего-то да стоит.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Значит, у тебя есть пять дней, пока печать скрыта твоей аурой. Так сказал наставник с горы? — Я кивнул. — Или меньше, если та тварь в лесу уже навела на тебя своих хозяев.

Она посмотрела мне прямо в глаза. В их глубине горел огонь, который не могли погасить годы скитаний и унижений.

— Я Шу Мэй. Последняя наследница клана Весеннего Ветра. — Она произнесла это с такой гордостью, будто за её спиной стояли тысячи предков. — И если ты решил принять наследие моей семьи, тебе придётся выдержать три испытания. Таков закон клана. Даже если от клана осталась всего лишь я.

Она встала, подошла к ветхому шкафу, выдвинула ящик, заставленный старыми счетами и рассыпанными перьями, и достала оттуда небольшой, перевязанный потёртой лентой свиток.

— Первое испытание — ты должен прочитать это. — Она бросила свиток на стол. Он глухо стукнул о дерево. — И ответить мне на один вопрос. Если ответишь верно — я отведу тебя в подвал. Если нет — уходи из города этой же ночью и забудь дорогу к этому трактиру. Жизнь дороже амбиций.

Я взял свиток в руки. Пергамент был старым, пожелтевшим по краям, с пятнами воска и, кажется, крови. Пальцы нащупали неровности — следы от старых заклинаний, что когда-то оберегали текст. Я развязал ленту и развернул его.

Там было всего четыре строки, написанные уставным почерком, выцветшими чернилами. Строфа дышала древностью:

*Дракон и Тигр — не враги, а братья,
Их сила в небе, скрытая от глаз.
Тот, кто найдёт в себе и то, и это,
Взойдёт на мост, где нет пути назад.*

Я перечитал строки дважды, трижды. В тишине подсобки было слышно лишь моё дыхание и потрескивание лампы.

Вопрос Шу Мэй прозвучал тихо, но в тесном пространстве он отозвался ударом колокола:

— Скажи мне, Сяо Ху. Зачем печать Звёздного Тигра пришла к наследнику клана Весеннего Ветра, если твоя кровь — не наша кровь?

Я замер, разглядывая строки. Мысли метались, как вспугнутые птицы. Что это — проверка на знание истории клана? На понимание сути печати? Или на что-то ещё, лежащее глубже?

Печать на груди потеплела — не обжигая, а будто подталкивая, направляя. Я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, отбросить шум и страх.

«Дракон и Тигр — не враги, а братья» — Техники Небесного Дракона и Звёздного Тигра должны дополнять друг друга, а не противостоять. Они две стороны одной силы.

«Их сила в небе, скрытая от глаз» — Звёздная Ци? То, что вскользь упоминал старейшина Цзянь? Энергия, идущая не от земли и не от человека, а от самих созвездий?

«Тот, кто найдёт в себе и то, и это» — Баланс между двумя началами. Гармония противоположностей. Не просто владение двумя техниками — а слияние их в едином потоке.

Я открыл глаза и посмотрел прямо на Шу Мэй. В её взгляде не было подсказки — только холодное ожидание судьбы.

— Печать пришла ко мне не по крови, — произнёс я медленно, взвешивая каждое слово. — А потому, что я смог найти баланс. В тот момент, когда стоял на краю смерти на острове, когда лихорадка сжигала меня изнутри, я не цеплялся за одну технику или метод. Я принял и слабость, и силу. Я не боролся с хаосом — я стал им, а затем нашёл в нём порядок.

Я перевёл дыхание. Печать пульсировала в такт сердцебиению.

— Печать выбрала того, кто способен объединить противоположности. А не того, в чьих жилах течёт нужная кровь. Кровь — это лишь сосуд. А важна суть, что наполняет его.

Шу Мэй долго смотрела на меня не моргая. Её аура на мгновение дрогнула — мощный выброс Ци, который она тут же подавила усилием воли. Стена за её спиной покрылась инеем, но через секунду исчезла.

Затем она кивнула. Едва заметно. Но это был знак.

— Неплохо, — произнесла она. — Очень неплохо. Ты не просто заучил слова мудрецов — ты понял суть. Почувствовал её кожей.

Она поднялась из-за стола и подошла к стене, где висела старая цитра — пыльная, с лопнувшей струной. Шу Мэй провела пальцем по корпусу, касаясь едва заметной резьбы, и нажала на одну из струн — единственную целую.

Раздался чистый, высокий звук. Он проник сквозь стены, сквозь землю, и где-то в глубине дома что-то щёлкнуло.

Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая тёмный проём. Каменные ступени уходили вниз, в сырую, пахнущую землёй и древними травами темноту.

— Пойдём, — сказала Шу Мэй. — Второе испытание ждёт тебя в подвале.

Она шагнула к лестнице и на мгновение обернулась. В полумраке её лицо казалось высеченным из камня.

— И помни, мальчик: там, внизу, нет места для сомнений. Либо ты доверишь себе — либо падаешь во тьму. И из этой тьмы возвращаются не все.

Я сглотнул ком в горле, поправил амулет под одеждой и шагнул вперёд, на первую ступень.

Печать на груди пульсировала ровно, будто одобряя мой выбор. Или, предупреждая о том, что ждёт внизу. Я сделал несколько шагов вниз по каменным ступеням, когда за спиной раздался глухой, тяжёлый удар. Стена, скрывшая проход, встала на место с едва слышным шипением — и тут же сверху донёсся грохот, словно в подсобке опрокинули стеллаж с посудой.

Звон разбитой глиняной утвари. Женский крик — яростный, не испуганный. И звук рассекаемого воздуха — резкий, свистящий, будто кто-то рубил клинком пустоту.

Я замер на ступени, сердце пропустило удар. Шу Мэй Она осталась там одна. С тем, кто ждал меня наверху.

— Не смей останавливаться, мальчик! — Её голос донёсся сквозь камень, приглушённый, но чёткий, усиленный Ци. — Твоё испытание — внизу! А эта дрянь — моя забота!

Новый удар. Стекланный звон. И чужой голос — тонкий, неестественно высокий, словно говорил ребёнок, подвешенный за ниточки:

— Старая карга отдай мне мальчишку, и я сделаю твою смерть быстрой

Я стиснул зубы. Печать на груди обожгла холодом. Внутри всё закипело от бессильной ярости — и страха. За Шу Мэй. За себя. За то, что я втянул эту женщину в свою войну, даже не спросив её согласия.

Но приказ был отдан. Я должен идти.

Я побежал вниз, перепрыгивая через две ступени. Каменный коридор петлял, уходя всё глубже под землю. Воздух становился холоднее, тяжелее. Запах сырости и древних трав сменялся чем-то металлическим, едким — будто здесь когда-то пролили много крови.

Лестница кончилась внезапно. Я вылетел в просторный подвал — и замер, едва успев затормозить.

Вокруг не было ни стен, ни потолка. Только бесконечная серая мгла, стелющаяся по земле. И в этой мгле — два огромных, горящих янтарным светом глаза.

Тигр.

Он появился из ниоткуда, соткался из тумана. Огромный — размером с боевую повозку. Шерсть его переливалась серебром и ночью, полосы казались трещинами в реальности, сквозь

которые сочился холодный свет звёзд. Он не рычал. Он смотрел на меня с пугающим спокойствием, будто видел насквозь — каждую мою слабость, каждый страх, спрятанный в тени души.

— Ты — тот, кто носит мою печать? — Голос прогремел не снаружи, а внутри моей головы. Глубокий, вибрирующий, заставляющий дрожать кости. — Докажи.

Он прыгнул.

Я не успел даже вскрикнуть. Когти вспороли воздух — и мир погас.

Смерть пришла мгновенно. Боль была острой, яркой, как молния. А затем — темнота.

И пробуждение.

Я снова стоял на том же месте. Те же глаза горели в тумане. Тот же голос прозвучал в голове.

— Докажи.

Снова прыжок. Снова когти. Снова боль.

Третий раз. Четвёртый.

Я пытался бежать — лапы настигали меня в три прыжка. Я пытался уклоняться — тигр читал каждое моё движение, будто знал его на год вперёд. Я пытался бить Ци — мои техники рассыпались об его шкуру, как сухие листья о скалу.

Тигр убивал меня снова и снова.

Каждый раз — по-разному. Иногда разрывал когтями. Иногда сжимал челюсти на моём горле. Иногда просто давил лапой, неспешно, наслаждаясь моим хрипом.

Я умер двадцать раз. Или тридцать. Или сто — я сбился со счёта. В иллюзии не было времени. Была только бесконечная, тошнотворная череда смертей. Каждая — как первый раз. Та же боль. Тот же страх. То же отчаяние.

Но между смертями, в те краткие мгновения, когда я заново открывал глаза, я начинал замечать.

Тигр дышал. Не как зверь, а как практик — размеренно, ритмично. Вдох — и туман сгушался вокруг него. Выдох — и мгла рассеивалась. Его дыхание было техникой. Древней. Звёздной.

И когда он атаковал — его тело подчинялось этому ритму. Каждый прыжок, каждый взмах когтей — не хаотичная ярость, а танец. Танец дыхания и движения.

— Докажи — снова прогремел голос.

Я сделал вдох. Глубокий, до боли в лёгких. Грудная клетка расширилась, и я поймал ритм. Не тот, к которому привык — человеческий, торопливый. А иной. Более медленный. Более древний.

Вдох — представил, как воздух течёт по меридианам не как вода, а как свет. Выдох — представил, как сила собирается в центре груди, там, где пульсировала печать.

Тигр прыгнул.

Я шагнул в сторону — не уклоняясь, а повторяя его движение. Тело двинулось само, подчиняясь новому ритму. Поворот корпуса — как взмах хвоста. Шаг вперёд — как выпад лапы. Дыхание щипало лёгкие звёздной энергией.

Когти прошли в миллиметре от моего лица.

— Хм — тигриный голос в голове изменился. В нём появилась тень любопытства. — Продолжай.

Я дышал. Двигался. Умирал. Снова дышал. Снова двигался. Снова умирал.

Каждая смерть учила чему-то новому. Каждое возрождение — сокращало разрыв между мной и зверем.

На пятьдесят седьмом круге я уклонился от его лапы так, что она прошла в волоске от груди, и сам шагнул вперёд, почти касаясь его морды.

На восемьдесят девятом — я поймал его ритм дыхания и задышал в унисон. В тот миг мир вокруг покачнулся. Тигр замер, не закончив атаку.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ты начинаешь понимать.

На сто двадцать третьей смерти я не стал уклоняться. Я шагнул навстречу. Вдох — как тигр. Выдох — как тигр. Движение — как ритуальный танец древнего зверя.

Я и сам не понял, как оказался не под его лапой, а рядом с ним. Моя рука легла на его загривок. Не для удара. Для прикосновения.

Пространство вокруг взорвалось светом.

Серый туман рассеялся. Подвал исчез. Я стоял посреди звёздной пустоты — бескрайней, холодной, прекрасной. А передо мной, рядом с огромным Тигром, сооткался силуэт из золотого пламени.

Дракон.

Он не был огромным — размером с лошадь. Но от него исходила сила, от которой сжималось всё внутри. Чешуя переливалась светом утренней зари, глаза горели мудростью и древностью.

Тигр и Дракон смотрели друг на друга — а затем на меня.

— Ты принял обе половины, — голос Дракона звучал как далёкий гром. — Теперь ты увидишь путь.

В моей голове вспыхнула картина. Не нарисованная — прожитая. Я видел себя летящим над горами, над лесами, над бурной рекой. Я видел ущелье — такое узкое, что в него едва проходил человек. И в конце ущелья — две скалы.

Не острые, не прямые. Они стояли как стражи, чуть наклонившись друг к другу, будто шептались о чём-то тайном. Между ними — проход. Почти незаметный, скрытый тенью и мхом. Воздух над ним дрожал, искажая свет.

«За четыреста ли к востоку от трактира, — голос Тигра звучал глухо, будто шёл из-под земли. — Там, где три сосны срослись корнями в одну. Там, где ручей течёт вспять в полнолуние. Вход в ущелье — между ними».

— Секта Звёздного Тигра, — выдохнул я.

Картина померкла. Тигр и Дракон растаяли, оставив после себя лишь отголоски силы.

Я стоял на каменном полу подвала. Один.

Дыхание сбилось, тело ломило, будто я и правда провёл сто двадцать три круга смерти. Но внутри пульсировало знание — чёткое, как звон клинка.

Я знал путь. Я знал, куда идти.

И где-то наверху, за каменной стеной, всё ещё гремел бой.

Шу Мэй сражалась за меня. И теперь пришла моя очередь быть достойным этой жертвы. Я развернулся и побежал назад, к лестнице.

Каменная лестница вздрагивала под ногами. Я летел вверх, перепрыгивая через три ступени, сжимая в кулаке ощущение силы, которое осталось после встречи с Тигром и Драконом. Дыхание всё ещё держало тот древний ритм — вдох, пауза, выдох, как волна, накатывающая на берег.

Стена впереди дрогнула. Я ударил по ней ладонью, вкладывая остатки звёздной Ци — камень пошёл трещинами и осыпался, открывая проход в подсобку.

Первое, что я увидел — разгром.

Стены были исполосованы глубокими бороздами, будто здесь прошёл гигантский зверь. Полки валялись на полу, перемешанные с битой посудой, рассыпанной крупой и осколками стекла. В воздухе пахло озоном и кровью.

Шу Мэй стояла у дальней стены, прижимая ладонь к боку. Пальцы её были красными, дыхание сбитым, но глаза горели всё тем же бешеным огнём. Она зажимала рану, из которой сочилась тёмная кровь — удар пришёлся вскользь по ребрам, но пропахал глубокую борозду.

А напротив неё, в центре подсобки, застыла фигурка.

Девочка.

Лет десяти на вид. Короткие чёрные волосы, пухлые щёки, широко распахнутые, невинные глаза. Одета в простое крестьянское платье, босая. Если бы не одно «но» — в воздухе вокруг неё плавали тонкие, как лезвия бритвы, нити духовной энергии. Они тянулись от её пальцев, от локтей, от шеи — и каждое движение этих нитей оставляло на стенах глубокие порезы.

Девочка — или то, что когда-то было девочкой — повернула голову ко мне.

Её глаза были пустыми. Не злыми. Не безумными. Просто пустыми, как у куклы, из которой вынули душу. И в зрачках отражался слабый, едва заметный иероглиф подчинения.

Марионетка.

— Сяо Ху! — Шу Мэй сплюнула кровь, усмехнувшись разбитыми губами. — Живой, значит. Хорошо. А то я уж думала, что придётся спуститься за тобой и надрать задницу этому полосатому призраку.

Марионетка моргнула. Один раз. Медленно.

А затем нити вокруг неё дёрнулись, перестраиваясь, и она развернулась ко мне всем корпусом. Кукольное личико не изменилось, но воздух вокруг зазвенел от напряжения.

— Цель переопределена, — произнесла она голосом — тонким, детским, но абсолютно безжизненным. — Приоритет: захват носителя печати.

Шу Мэй дёрнулась было вперёд, но я выставил руку.

— Стойте. Она вас убьёт. Я справлюсь.

Хозяйка трактира посмотрела на меня так, будто я предложил ей станцевать голым на площади. Но в глазах мелькнуло понимание — она была ранена, и её Ци утекала с каждой секундой.

— Если сдохнешь — я воскрешу тебя и убью снова, понял? — прорычала она, оседая вдоль стены.

Я не ответил. Я сделал вдох.

Вдох — как учил Тигр в подвале. Не торопливый, человеческий. А тот, древний, звериный — когда воздух входит в лёгкие не как воздух, а как расплавленный свет.

Марионетка атаковала.

Она не прыгнула — она просто исчезла с места и появилась передо мной, в разрыве пространства в полшага. Нити свистнули, разрубая воздух — десяток ударов, нацеленных в шею, глаза, пах, суставы.

Я не блокировал.

Я уклонился.

Тело само повторило ритм тигриного танца — шаг влево, поворот корпуса, просадка в коленях. Нити прошли в волоске от кожи, разрезав рубаху на груди, но не тронув плоти.

Девочка моргнула снова. В пустых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Переоценка противника. Новый уровень угрозы.

Я попятился, выходя из подсобки в основной зал трактира. Здесь было темно — ставни закрыты, свечи погасли, только тусклый свет просачивался сквозь щели. Перевернутые столы, рассыпанные кружки, застывшее пятно пролитого вина.

И за одним из уцелевших столов, в дальнем углу, сидел человек.

Парень.

Лет двадцать. Худошавый, с острыми чертами лица и длинными чёрными волосами, собранными в высокий хвост. Одет в дорогой ханьфу из тёмно-синего шёлка — на груди вышит серебряной нитью извивающийся дракон в когтях молнии. Герб клана Тяньлун.

Внутренний ученик.

Он сидел расслабленно, подперев щеку рукой, и лениво помешивал ложкой остывший суп в пиале. Рядом стоял запечатанный чайник — даже сквозь запах крови я чувствовал тонкий аромат элитного чая.

Он выглядел так, будто наблюдал за представлением в балагане.

— А эта оказалась шустрее, чем я думал, — сказал он вслух, не повышая голоса, но слова прозвучали чётко, как удар колокольчика. — Обычно простые смертные мрут на третьем взмахе нитей. Ты уже на шестом. Поздравляю. Медаль за выживание можешь забрать у администратора.

Он усмехнулся, отпил чай и лениво махнул пальцем.

Марионетка дёрнулась и атаковала снова.

На этот раз быстрее. Нити сплелись в сеть — не режущую, а давящую, чтобы поймать, обездвижить, спеленать.

Я шагнул в центр сети.

Вдох — как тигр. Выдох — как выпущенная стрела.

Кулак ушёл вперёд сам собой. Я не целился — тело знало лучше. Удар пришёлся в пустоту, но в момент касания воздуха из кулака вырвалось не просто Ци — оно сгустилось в полупрозрачную, мерцающую лапу тигра.

Грохот был такой, будто ударили в гигантский колокол.

Ударная волна разметала нити, опрокинула стулья, сбила с полок пару кружек, которые чудом уцелели в прошлом погроме. Марионетку отбросило на три шага — она врезалась спиной в стену, оставив в ней трещину, и сползла вниз.

Девочка поднялась. Медленно. Механически. На её виске появилась вмятина, из которой сочилась не кровь, а тёмная густая жидкость, похожая на ртуть.

Парень за столом хмыкнул, но улыбка его стала чуть жёстче.

— Лапа Призрачного Тигра на начальной стадии конденсации Ци? — Он отставил чайник и сложил руки на столе. — Неплохо. Для деревенского выскочки — даже очень неплохо. Но этого недостаточно, чтобы забрать у меня то, что принадлежит клану.

Он поднялся.

Встал плавно, без резких движений, но в этом движении чувствовалась сила, которая не снилась марионетке. Воздух вокруг него уплотнился, завибрировал — даже свет свечей начал тянуться к нему, будто притягиваемый невидимым магнитом.

— Знаешь, сколько я тренировался, чтобы получить доступ к секретным свиткам клана? Двенадцать лет. С пяти лет. Двенадцать лет голода, боли, унижений и бессонных ночей. А тут приходит какой-то сопляк с печатью, которую он не заслужил, и думает, что имеет право войти в Секту Звёздного Тигра?

Он шагнул ко мне.

Один шаг — и марионетка исчезла сама собой, нити втянулись в её тело, и она замерла статуей у стены. Два шага — и я почувствовал давление настолько сильное, что колени подогнулись. Три шага — и парень стоял напротив меня, в двух метрах, и его глаза светились синевой активированной Ци.

— Я убью сначала эту старуху, — спокойно сказал он, и в его голосе не было злобы. Только холодный расчёт. — Потом тебя. И заберу печать так или иначе. Вопрос только в том, сколько боли ты хочешь испытать перед смертью.

— С-с-сука — прохрипела Шу Мэй из подсобки, пытаясь встать, но ноги её не держали.

Парень не обернулся. Он просто щёлкнул пальцами — и нить Ци, тонкая, как паутина, метнулась к хозяйке трактира, обвивая её горло.

Шу Мэй захрипела.

Сердце в груди пропустило удар. А затем забило в ритме тигриного пульса.

— Отпусти её.

— Или что? — Парень склонил голову набок. — Ты думаешь, я боюсь твоей звериной цирковой техники?

Я сжал кулаки до хруста. Лапа тигра готова была вырваться снова, но я понимал — против этого парня одного удара мало. Он стоял на целый этаж выше меня. Возможно, два.

Но я видел другое.

В его глазах мелькнула тень, когда я произнес «секта».

Он не знал, где вход.

Он знал о ней только со слов учителей. У него был ключ — печать. Но не было карты.

А у меня была.

— Отпусти её, — повторил я, и голос мой стал твёрже. — Я отведу тебя к месту, которое показали мне Тигр и Дракон.

Парень замер.

Его глаза сузились, стали похожи на щёлочки. Он смотрел на меня долго, изучающе, считывая каждую эмоцию.

А затем — рассмеялся.

Коротко. Сухо. Без веселья.

— Ты? Будешь торговаться со мной? — Он сделал шаг вперёд, и нить на горле Шу Мэй натянулась сильнее. Та захрипела, вцепившись пальцами в невидимую удавку. — С чего ты взял, что я поверю тебе, мальчишка?

Я смотрел ему прямо в глаза.

— Потому что ты двенадцать лет потратил на поиски этой информации. А я — и десяти минут не провёл в подвале, а уже знаю координаты.

Повисла тишина.

Такая тяжёлая, что даже воздух перестал двигаться.

Парень молчал. Его пальцы, сжатые в рукавах, побелели от напряжения. В глазах боролись ярость и прагматичный расчёт.

— Ты лжёшь, — наконец сказал он, но в голосе проскользнула неуверенность.

— В ущелье Скрытой Луны, между двумя скалами, похожими на сложенные в молитве ладони. Четыреста ли к востоку от этой таверны. Там, где три сосны срослись в одну, а ручей течёт вспять в полнолуние.

Я перечислил всё без запинки. Словно читал с листа.

Лицо парня дёрнулось.

Он знал эти названия. Он слышал их в обрывках древних текстов, в пыльных библиотеках клана. Ни один посторонний не мог знать таких деталей.

— Откуда? — выдохнул он, и в голосе впервые пробило что-то человеческое.

— Я же сказал: Тигр и Дракон показали мне.

Парень смотрел на меня ещё долгих пять ударов сердца.

А затем нить на горле Шу Мэй исчезла.

Хозяйка закашлялась, хватая ртом воздух, и сползла по стене на пол.

— Хорошо, — сказал парень. — Я отвезу тебя туда. Если окажется, что ты меня обманул — он улыбнулся, и улыбка эта не обещала ничего хорошего. — Я буду убивать тебя каждый день. По-новому. Тысячу дней подряд.

— Принимаю условия, — ответил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Парень кивнул, вышел на улицу и свистнул. Через минуту к трактиру подъехала крытая повозка, запряжённая двумя чёрными конями с красными глазами — демонические кони, рождённые от скрещивания с адскими скакунами.

— Забирайся, — бросил он, забрасывая внутрь безвольную марионетку, которая снова ожила и уселась на скамью, уставившись в одну точку.

Я помог Шу Мэй подняться. Она была бледной, но держалась.

— Старуха остаётся здесь, — сказал парень.

— Она едет с нами, — отрезал я. — Или я не говорю больше ни слова.

Парень дёрнул щекой, но промолчал и полез в повозку.

Час спустя, когда первые лучи солнца пробились сквозь туман, мы въехали в ущелье, где между двух скал, похожих на сложенные в молитве руки, вибрировал воздух, искажая реальность.

Вход в Секту Звёздного Тигра был открыт.

Глава 16

Повозка остановилась так резко, что демонические кони взвились на дыбы, высекая искры из каменистой почвы. Внутренний ученик клана Тяньлун — его звали Лун Цзянь, и имя это теперь липло к языку горечью полыни — прыгнул наземь первым. Он не оглянулся на меня, не проверил, дышит ли Шу Мэй. Его взгляд был прикован к скалам.

Они стояли перед нами — две каменных глыбы высотой в добрых тридцать чжанов. Никакой особой красоты. Никакой резьбы, никаких знаков. Просто две скалы, нависшие друг над другом под таким углом, что казалось — они молятся. Или падают.

Между ними — проход. Узкий, тёмный, заросший мхом и колючим кустарником. Воздух над ним дрожал, как марево над летней дорогой, и от этого дрожания у меня заломило зубы.

Лун Цзянь стоял неподвижно, и я видел, как его кадык ходит вверх-вниз. Он волновался. Впервые за всё время — волновался.

— Ты не соврал, — сказал он глухо. — Это это оно.

Шу Мэй выбралась из повозки, держась за бок. Лицо её посерело, но в глазах горел тот самый огонь, который не давал ей сдохнуть все эти годы.

— Мальчик, — тихо сказала она мне. — Ты уверен? Такие места не прощают ошибок.

Я не был уверен. Я вообще не был уверен ни в чём, кроме того, что если я сейчас струшу — то умру. Не сегодня. Не завтра. А в тот самый миг, когда перестану верить.

— Пойду первым, — сказал я.

Лун Цзянь усмехнулся, но в усмешке не было злобы. Было что-то другое. Уважение? Нет. Скорее, любопытство мясника к живчику, который сам лезет под нож.

— Иди. Твоя печать — ключ. Если ты сдохнешь на пороге, я хотя бы пойму, что ошибся в оценке риска.

Я шагнул в проход.

Воздух ударил по лицу сыростью и разрядами статического электричества. Проход был шириной в три шага, не больше. По стенам стекала вода, и откуда-то из глубины доносился звук — низкий, пульсирующий гул. Сердцебиение горы.

Я сделал десять шагов. Двадцать. Стены начали сужаться. Камень под ногами сменился чем-то другим — чёрным, блестящим, похожим на обсидиан.

— Стой, — голос Лун Цзяня ударил по спине, как плеть. — Не дыши.

Я замер, но было поздно. Потому что из темноты впереди — бесшумно, как призрак — выскользнуло *это*.

Человек.

Нет, не человек. Он стоял на двух ногах, имел руки, голову, даже лица черты угадывались. Но его кожа она была прозрачной, как студень. Под ней не было мышц и костей — только переплетение светящихся жил, по которым текла не кровь, а расплавленный звездный свет.

Глаз у него не было. Только две впадины, в которых вращались серебряные искры.

— Страж Отражений, — выдохнул Лун Цзянь. — Чтоб я сдох Третий ранг очищения. Мы не пройдем. Этот урод положит нас за минуту.

— Что он делает? — спросил я, не сводя взгляда с существа.

— Он копирует. Смотри.

Страж шагнул вперёд. Сделал он это странно — его левая нога шагнула, но пятка коснулась земли раньше носка, а корпус при этом качнулся вправо. Движение было неестественным. Нечеловеческим.

А затем вокруг него задрожал воздух — и из пустоты соткалась фигура. Вторая. Такая же прозрачная, с теми же светящимися жилами. Но лицо

Лицо было моим.

— Вот сука, — сказала моя копия моим голосом, и ухмыльнулась моей ухмылкой. — Сейчас будет весело.

Лун Цзянь выругался и отступил к выходу, держа наготове руку с зажатой в ней талисманной полоской.

— Ты должен сражаться с ней сам. Страж Отражений не признаёт чужой помощи. Если я вмешаюсь — он призовет ещё двух. Или трёх. Или сотню — пока не сдохнем мы или не кончится Ци.

Копия шагнула ко мне. В её глазах — моих глазах — горело веселье. Хищное. Голодное.

— Ну, давай. Тигриная лапа. Звёздное дыхание. Покажи мне всё, что умеешь, оригинал. А я покажу тебе, как это выглядит со стороны.

Я ударил первым.

Кулак взрезал воздух с рёвом — и из него рванула полупрозрачная лапа тигра, размером с лошадиную голову. Смертоносная техника, способная пробить камень.

Копия не стала уклоняться. Она ударила в ответ — прямо в мою лапу своей. Раздался звук, похожий на столкновение двух каменных плит. Моя рука онемела до плеча, и я отлетел на три шага назад, врезавшись спиной в стену.

Копия стояла на месте. И улыбалась.

— Тигриная лапа. Хорошая техника. Только знаешь, в чём проблема, оригинал? У тебя она не отработана.

Она шагнула вперёд, и я увидел, как воздух вокруг её правой руки сгущается — точно так же, как у меня. Но быстрее. Чётче. Полнее.

— Я знаю все твои ошибки. Ты слишком много думаешь. Ты боишься убивать. Ты жалеешь врагов, даже когда они хотят твоей смерти.

Она ударила.

Я успел подставить блок, но это было бесполезно. Лапа тигра копии была не полупрозрачной — она светилась ярким, слепящим светом, и от удара меня сбilo с ног, протаскивая по каменному полу несколько метров. Грудь горела, во рту появился металлический привкус крови.

— Ты слаб, — сказала она, нависая надо мной. — Ты просто мальчишка, которому повезло получить печать. Но везение — не талант. И я это докажу.

Она подняла ногу — и в светящейся пятке сгустилась энергия, готовая опуститься мне на голову.

Я лежал на холодном, влажном камне, и смотрел, как светящаяся пятка моей копии зависла в миллиметре от моего лица. Она медлила. Наслаждалась.

— Ну же, — прошептала она моими губами. — Скажи что-нибудь. Попроси пощады. Может быть, я оставлю тебе глаза. Чтобы ты смотрел, как я занимаю твоё место.

Внутри меня что-то оборвалось.

Не от страха. Не от боли. А от дикой, животной ярости, которая пришла из того места, где живут звери. Где нет мыслей — только инстинкт: убей, или умри.

Тигр не просит пощады.

Тигр рвёт глотку даже с переломанным хребтом.

Я не стал уворачиваться. Я ударил снизу — кулаком в её опорную ногу. Не лапой, не техникой — просто костяшками, вложив всю злость, всю обиду, всю боль от предательства образов.

Хрустнуло.

Копия охнула — человеческим, живым охом — и покачнулась. Её нога подогнулась, и пятка ушла в сторону, впечатавшись в камень рядом с моим ухом. Камень треснул. А я уже катился в сторону, вскакивая на четвереньки.

— Ах ты мразь! — взвизгнула копия, и в её голосе впервые прорезалось нечто настоящее — боль. — Ты сломал мне ногу!

— Ты — это я, — выплюнул я кровь и осколок зуба. — Значит, ты знаешь, что я не сдаюсь.

Копия выпрямилась, и я увидел, как её нога восстанавливается — светящиеся жилы пульсировали, сращивая повреждённые ткани. Но это заняло время. Целых три секунды. И в эти три секунды я понял главное: копия не идеальна. Она тратит энергию на регенерацию.

А значит — я могу её вымотать.

Вопрос в том, кто сдохнет первым.

Я рванул вперёд. Без техники. Б без лапы тигра. Просто на кулаках — так, как били в подворотнях, когда не было ни Ци, ни учителей. Дико, грязно, подло.

Копия встретила меня ударом в челюсть. Яркая вспышка — и мир перевернулся. Я упал на спину, но тут же перекатился, пропуская её добивающий пинок над головой.

Вскочил. Прыгнул. Врезался плечом ей в корпус, сбивая с ритма.

Она ответила локтем в спину — я услышал, как хрустнул позвонок, и в глазах потемнело.

Но я не остановился.

Я вцепился зубами в её предплечье.

Копия взвизгнула — уже не человеческим голосом, а визгом раненого зверя. Она попыталась стряхнуть меня, но я вцепился мёртвой хваткой, чувствуя, как её кровь — светящаяся, горячая, как расплавленный металл — заливает мне рот и горло.

Она била меня свободной рукой. По почкам. По рёбрам. По голове. Каждый удар отдавался звоном в костях, но я не разжимал челюстей.

— ДА ОТСТАНЬ ТЫ! — заорала она, и в голосе её звучала уже не насмешка — ужас.

Я разжал зубы только тогда, когда почувствовал, что её кость под моими зубами хрустнула. Отшатнулся, сплёвывая осколки и светящуюся жижу.

Копия стояла на коленях, зажимая руку. Её предплечье было разорвано в клочья — там, где мои зубы прокусили плоть, пульсировала рана, которую она не могла заживить, потому что её регенерация не справлялась с уроном от «чужой» Ци.

— Ты ты бешеный пёс — прохрипела она.

— Я — тигр, — ответил я, вытирая рот рукой. Кровь — моя и её — смешались на ладони. — Просто ты привыкла сражаться с людьми.

Я подошёл к ней. Она попыталась ударить ногой, но я перехватил её щиколотку, рванул на себя — и с разворота, всем корпусом, обрушил локоть ей на коленный сустав.

Треск.

Копия заорала. Кожа на её теле пошла трещинами — от колена вверх, к бедру, к животу. Свет из трещин погасал.

— Техника — это хорошо, — сказал я, глядя в её глаза, которые теперь были полны не серебра, а обычного человеческого страха. — Но в конечном итоге умирают люди. И звери. А техника — это просто инструмент.

Я ударил её в горло.

Не ладонью, не кулаком. А ребром ладони — тем самым ударом, которому меня научил Незнакомец в портовой верфи, когда у меня было мало Ци.

Копия захрипела. Её тело задёргалось, пошло рябью — и рассыпалось облаком серебряного пепла.

Тишина.

Гул в скалах прекратился. Страж Отражений — первый, настоящий — стоял неподвижно. Его прозрачное лицо смотрело на меня, и в глазницах больше не вращались искры. Они просто смотрели.

А затем он шагнул в сторону и исчез, слившись с тенью прохода.

Дорога была открыта.

Лун Цзянь вошёл медленно, оглядываясь по сторонам. Его взгляд остановился на мне — всего меня, залитого кровью, с разбитым лицом, с трясущимися от перенапряжения руками.

— Ты ты просто перегрыз ей глотку? — спросил он непонятно с какой интонацией. — Без техники? Без Ци?

— У неё не было техники на настоящую драку, — ответил я, сплёвывая сгусток крови. — Она умела копировать приёмы. Но она не умела драться. В ней не было злобы. Только расчёт.

Я поднял глаза на проход.

Даже сквозь боль, сквозь пелену крови и слёз, я чувствовал его. Зов. Что-то древнее, тёплое и одновременно опасное — пульсирующее из глубины скал.

— Мы почти на месте.

Шу Мэй подошла ко мне и молча сунула в руку грязный платок. Я вытер лицо. Платок стал красным.

Лун Цзянь посмотрел на меня долгим взглядом, и в этом взгляде не было прежней усмешки.

— Если мы войдём внутрь, пути назад не будет, — сказал он тихо. — Секта Звёздного Тигра либо примет нас, либо уничтожит. Третьего не дано.

— Я знаю, — ответил я.

И шагнул в проход.

Шагнул туда, где темнота становилась светом, а камень — плотью древнего зверя.

Повозка с демоническими конями осталась сзади. Время пошло по-другому.

Костяной сад и маска сорванной кожи

Я шагнул в темноту — и она схлопнулась за моей спиной, как дверца мышеловки.

Проход изменился. Каменные стены исчезли. Теперь я стоял в коридоре, стены которого состояли из костей. Человеческих. Конских. Чьих-то ещё — с позвонками длиной в мой рост и рёбрами, похожими на стволы древних деревьев. Они росли из стен, свисали с потолка, торчали из пола сталагмитами смерти.

Кости светились тусклым, зеленоватым фосфором. И они шевелились.

— Назад, — скомандовал я, выставяя руку перед Шу Мэй.

Но Лун Цзянь уже шагнул вперёд, сжимая талисман. Его глаза горели холодным, расчётливым огнём.

— Не учи учёного, мальчишка. Я входил в запретные гробницы, когда ты ещё под стол пешком ходил.

— Это западня, — отрезал я. — Чувствуешь? Воздух другой.

Лун Цзянь фыркнул, но остановился. Он тоже чувствовал. Просто не хотел признавать, что мальчишка чует то, чего не может объяснить его опыт.

Шу Мэй закашлялась. Слишком громко. Слишком надрывно.

Я обернулся. Она стояла, согнувшись пополам, и по её губам текла тонкая струйка крови — не алая, а тёмная, почти чёрная. Демоническая отравка, которая уже въелась во внутренности, начала работать активнее.

— Садись, — сказал я жёстко. — Дальше не пойдёшь.

— Я в порядке, — прохрипела она, но руки её дрожали.

Я выудил из пояса малую пилюлю заживления — ту, что дал Наставник в качестве задатка, за вступление в секту Небесного Меча. Всего три штуки. Жёлтые, как старая слоновая кость, размером с ноготь мизинца. Пахли они полыньёю и жжёной медью.

— Засунь в рот и не грызи. Пусть рассосётся сама. Это вытянет часть демонической слизи. Не всю, но даст тебе время.

Шу Мэй хотела возразить, но я сунул пилюлю ей в ладонь и сжал её пальцы в кулак.

— Ты меня слышишь? Не умирай здесь. Если я выйду, а ты сдохла — я воскрешу тебя и убью снова за то, что не послушалась.

Она слабо улыбкунулась. В её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти материнское.

— Грубый ты, мальчик. Совсем как мой покойный муж.

— Хороший был человек? — спросил я, уже отворачиваясь.

— Нет. Мерзавец и пьяница. Но грубил красиво.

Я усмехнулся уголком рта и шагнул в костяной коридор. Лун Цзянь — следом.

Первый звук, который я услышал внутри, был звуком ломающегося хребта.

Второй — мой собственный крик.

Потому что пол провалился.

Я падал долго. Целую вечность, за которую можно было десять раз умереть от страха. А потом — удар.

Острая кость пропорола мне левое бедро насквозь. Я даже не сразу понял, что это — просто увидел, как из ноги торчит белый обломок, и по нему, пузырясь, течёт кровь.

Лун Цзянь приземлился в трёх метрах от меня — удачно, на спину, но костяной нарост пропорол ему плечо, войдя под ключицу. Он зарычал, вырвал обломок голыми руками и зажал рану ладонью. Кровь хлестала сквозь пальцы.

— Это — прохрипел он, оглядываясь. — Это не просто западня. Это *Храм Испытания Костей*. Секта Звёздного Тигра использует такие для отбора внутренних учеников. Но я думал, они все уничтожены после Войны Пепельных Искр.

— Что за испытание? — спросил я, разрывая рукав и перетягивая бедро выше раны. Боль была дикой, но я не мог позволить себе потерять сознание.

— У каждого своё, — Лун Цзянь сплюнул кровь. — Храм вытаскивает из твоей души самый страшный страх, самую грязную ложь, которую ты говоришь сам себе. И заставляет смотреть. Заставляет *проживать*.

Он не успел договорить.

Кости зашевелились быстрее. Они складывались, росли, переплетались — и в центре зала начало формироваться нечто. Не человек. Не зверь.

Это была тень.

Тень, которую отбрасывал Лун Цзянь.

Но в ней было что-то ещё. Глаза. Оскал. И руки — длинные, неестественно вывернутые, с пальцами, похожими на когти.

— НЕТ! — Лун Цзянь отшатнулся. Впервые я увидел в его глазах настоящий, животный ужас. — ЭТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! Я УБИЛ ТЕБЯ!

Тень заговорила.

Голос был скрежетом костей о кости. Шёпотом рассыпающегося черепа.

— Ты убил моё тело, Лун Цзянь. Но моя воля осталась в этом храме. Я ждал тебя. Двадцать три года. Четыре месяца. Семь дней.

— КТО ЭТО? — заорал я, пытаюсь подняться на ноги. Нога не слушалась.

Лун Цзянь стоял, глядя на тень. Его руки тряслись.

— Мой учитель. Старший наставник клана Тяньлун. Чжан Хуафэн. Я убил его, чтобы занять его место. Он был слаб. Он не хотел войны. Он торговался с сектами, вместо того чтобы давить их. Я сделал то, что было нужно.

— Ты сделал это из-за власти, — прошелестела тень, шагнув вперёд. — Ты всегда хотел власти. Но вот правда, Лун Цзянь: ты никогда не был сильным. Ты был просто хитрым. Хитрый шакал, который загрыз старого льва, когда тот спал.

Лун Цзянь зарычал и бросился вперёд.

Его кулак — обмотанный талисманной лентой, горящий золотым светом — врезался в тень.

И провалился сквозь неё.

Тень рассмеялась — и ударила в ответ.

Я не видел, чем именно. Просто Лун Цзянь отлетел на десять метров, пробив спиной костяной выступ, и упал набок, кашляя кровью. Его левая рука висела плетью. Плечо было вырвано из сустава.

— Бесполезно, — сказала тень. — Твоя Ци основана на чувстве вины. На лжи. А здесь — здесь правда. И правда сильнее.

Лун Цзянь попытался встать, но ноги подкосились. Он упал на колени, тяжело дыша. Я смотрел на это со стороны и понимал: этот человек, который ещё час назад казался мне всемогущим, расчётливым убийцей — сейчас он просто сломленный старик, который встретил свой самый страшный грех лицом к лицу.

— Помоги мне — прохрипел Лун Цзянь, глядя на меня.

Его глаза были полны боли. И надежды, которой он сам стыдился.

Я посмотрел на свою ногу. Кость торчала из бедра, кровь набухла под повязкой. Встать я мог, но идти — только хромая. Сражаться — только на одной ноге.

— Дай мне минуту, — сказал я, вытаскивая из-за пояса костяной нож. — Сейчас я ему покажу, что такое настоящая боль.

Тень повернулась ко мне.

В её пустых глазницах зажглись два серебряных огня.

— Ты? Мальчишка с печатью и гнилой душой? Ты хочешь бросить мне вызов?

— Я не бросаю вызов, — ответил я, встав на одну ногу и опираясь на стену из рёбер. — Я тебя предупреждаю. Отдай мне его — и я, может быть, оставлю тебе шанс переродиться. Будешь дальше гнить здесь ещё пару тысяч лет.

Тень замерла.

А потом расхохоталась — так, что кости вокруг нас завибрировали, и с потолка посыпалась костяная пыль.

— Ты мне нравишься, мальчик. Давай, покажи, на что ты способен.

Я оттолкнулся от стены.

И прыгнул в темноту.

Прыжок вышел корявым, кривым, на одной ноге — но я вложил в него всё, что осталось. Злость. Боль. Отчаяние.

Тень ждала. Она не двигалась — просто стояла, развернув руки, как старый учитель, подзывающий нерадивого ученика.

Я ударил ножом — наискось, целя в то место, где у человека была бы шея.

Лезвие прошло сквозь тень, как сквозь туман.

Тень качнулась, и я пролетел мимо, врезавшись в колонну из сплетённых рёбер. Позвоночник отозвался вспышкой боли — я услышал треск собственных позвонков и рухнул на пол, выронив нож.

— Дитя, — прошелестела тень у меня над ухом. Она стояла рядом — так близко, что я чувствовал запах: сырая земля, старое железо и гнилые зубы. — Ты пытаешься убить тень стальным клинком. Твоя печать спит. Твоя Ци — рваный рубец. Ты даже не знаешь, кто ты есть на самом деле.

Я перевернулся на спину. Кровь заливала глаз, но я видел её — бесформенную тьму, нависающую надо мной.

— А ты знаешь? — выплюнул я. — Ты — просто отражение чужого греха. У тебя нет своей воли. Нет имени. Ты — трупная плесень на костях прошлого.

Тень замерла.

И в этой заминке я увидел то, что нужно было увидеть. Слабость. Не в защите — в уязвленной гордости. Эта тень была кем-то, кто при жизни боготворил собственное величие. И не прощал неуважения.

— Грубиян, — сказала она тихо. — Я сотру твою душу и скормлю её костям.

Она ударила.

Я не успел уклониться. Удар пришёлся в грудь — и я пролетел через весь зал, пробив спиной три костяных перегородки, прежде чем врезаться в стену. Стена была из черепов. Они хрустели под моей спиной, как яичная скорлупа.

Лёгкие не слушались. Я попытался вдохнуть — и вместо воздуха из горла пошла кровь, густая, тёплая, солёная.

— Сяо Ху! — крик Лун Цзяня донёсся откуда-то слева. Он пытался подняться, но его рука всё ещё висела плетью, а лицо было залито кровью.

— Заткнись, — прохрипел я, вставая.

Не знаю, откуда взялись силы. Может быть, отчаяние переплавилось в ярость. Может быть, печать на груди — та самая, что пульсировала ровным, спокойным ритмом — начала пробуждаться.

Я встал.

И посмотрел на свои руки.

Пальцы дрожали. Кожа была ободрана до мяса. Кровь капала на пол, смешиваясь с костяной пылью.

— Ты всё ещё стоишь, — удивилась тень. — Похвально. Но бесполезно.

— Ты говоришь как мой учитель, — сказал я, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Только он был умнее. Он учил меня, что в бою важна не сила. Важна готовность умереть.

Тень шагнула вперёд.

Я шагнул навстречу.

Она ударила — и я принял удар. Когти тени вошли мне в левое плечо, пробив мышцы и упёршись в кость. Боль была такой, что перед глазами поплыли белые круги.

Но я не остановился.

Я шагнул ещё ближе — навстречу боли, навстречу смерти — и вцепился зубами в то, что было её горлом.

Тень дёрнулась. Взвизгнула — нечеловеческим, скрежещущим звуком. Она попыталась оттолкнуть меня, но я висел на ней мёртвым грузом, сжимая челюсти так, что коренные зубы треснули.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ МЕНЯ УКУСИТЬ! Я — ТЕНЬ! — заорала она.

— Ты — воспоминание, — прорычал я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как по языку течёт что-то горячее и горькое. — А воспоминания живут в душе. А душа — она болит.

Я рванул головой, отрывая кусок.

Тень закричала.

Она била меня — по спине, по голове, по почкам. Каждый удар ломал кости. Но я не отпускал. Я рвал, грыз, глотал эту чёрную, вязкую субстанцию, чувствуя, как она обжигает гортань и желудок.

В какой-то момент я понял, что стою на коленях, а тени больше нет.

Только пустота и тишина.

И я — с куском чего-то тёмного, дымящегося, в руке.

— Ты ты сожрал её, — голос Лун Цзяня звучал глухо, с нотками благоговейного ужаса. — Ты сожрал тень Старшего Наставника Чжана.

Я поднял голову. Во рту было горько, и из носа текла кровь.

— Я был голоден.

Лун Цзянь рассмеялся — хрипло, надсадно, с кровью на губах.

— Ты сумасшедший ублюдок. Ты мне нравишься. Пошли. Выход там.
Он указал подбородком вперёд — там, где кости расступались, открывая проход, залитый тусклым, предрассветным светом.
Я поднялся. Нога горела огнём, плечо не слушалось, грудь хрипела, как старые меха.
Но я шёл.
Шаг. Шаг. Ещё шаг.
Кровь капала на костяной пол, оставляя за мной красный след.
Лун Цзянь плёлся сзади, держась за стену. Мы оба были похожи на ходячие трупы — переломанные, окровавленные, но живые.
Свет становился ярче.
Выход приближался.
А когда я шагнул за порог — холодный, резкий ветер ударил в лицо, и я увидел Долину. Зелёную, как первый день весны. По её дну бежала река — чистая, прозрачная, изумрудная. А над ней, на отвесной скале, стоял храм.
Храм Звёздного Тигра.
Он не был разрушен. Он не был мёртв. Он жил.
И из его ворот выходили люди — закалённые воины с холодными глазами и руками, привыкшими убивать.
— Гости, — сказал один из них, высокий старик с седой бородой до пояса. — Давно у нас не было гостей. И, судя по виду, вы пришли издалека.
Я выпрямился, насколько мог.
— Я — Сяо Ху, последний наследник Печати Чёрного Тигра. Я пришёл просить убежища и обучения.
Старик посмотрел на меня — долго, внимательно.
— Печать Чёрного Тигра — протянул он. — Она погасла четырёхста лет назад. Как ты её получил?
— Это долгая история, я не в том состоянии чтоб говорить, — ответил я.
Старик молчал. Ветер трепал его бороду, и где-то вдалеке кричали хищные птицы.
— Заходи, — сказал он наконец. — Поговорим.
Я шагнул в храм.
И двери за мной закрылись.

Глава 17

Я открыл глаза и долго не мог понять, жив ли я вообще.

Потолок был расписной. Не просто крашенный — а расписанный вручную, золотом и лазурью, с изображением охотящегося тигра, чья шкура переливалась звёздной пылью. Каждая ворсинка была прорисована с такой тщательностью, что казалась настоящей.

Тело не болело.

Это было странно. Я помнил, как кости хрустели под ударами тени, как ребро проткнуло лёгкое, как кровь заливала горло. Но сейчас я просто лежал — и чувствовал себя так, будто проспал трое суток.

Я приподнялся на локтях.

Комната была огромной. Шёлковые шторы цвета тёмного нефрита ниспадали до пола. Мебель из чёрного дерева с инкрустацией перламутром. На столе — глиняный чайник, от которого поднимался пар, и тарелка с паровыми булочками, рисом и маринованными овощами. Запах стоял такой, что желудок сжался в голодном спазме.

Одежда на мне была чистой. Чья-то заботливая рука перевязала раны свежими бинтами, пропитанными травяным настоем. Под повязками — никакой боли.

— Живой, значит, — прошептал я себе под нос и усмехнулся.

Я сел на край кровати. Нога слушалась. Плечо — тоже. Я сделал глубокий вдох — лёгкие наполнились чистым, горным воздухом без единого хрипа.

— Кто-то тут хорошо постарался, — сказал я вслух, откусывая булочку. Горячая, мягкая, с мясом и зеленью. Я чуть не застонал от удовольствия.

Поев, я вышел во двор.

Храм оказался ещё красивее изнутри. Внутренний двор был вымощен белым камнем, по краям росли сосны, причудливо изогнутые ветрами. Посередине бил фонтан — не с водой, а с жидким серебром, которое переливалось на солнце и тихо звенело, рассыпая искры.

Дорожка из гладкой гальки вела к беседке, увитой глицинией. Цветы свисали лиловыми гроздьями, и в их тени сидел старик.

Тот самый. С седой бородой до пояса, с глазами, которые видели слишком много.

Он пил чай и смотрел на меня. Ждал.

Я подошёл. Остановился в двух шагах от беседки. Поклонился — коротко, но уважительно.

— Спасибо за кров и за лечение.

— Садись, — старик указал на подушку напротив. — Чай остывает.

Я сел. Разлил чай по пиалам. Жидкость была тёмно-золотой, с легким запахом хризантемы и чего-то неуловимого — старого дерева, далёких звёзд.

— Меня зовут Сун Чжун, — сказал старик, делая глоток. — Я — хранитель этого храма. Последний из учителей, кто ещё помнит, как рычал Чёрный Тигр.

— Вы — дух, — сказал я не вопросом, а утверждением.

Сун Чжун поднял бровь.

— Догадливый мальчик. И что же меня выдало?

— Фонтан из жидкого серебра. Сосны, растущие без корней в камне. И тот факт, что я должен был умереть от ран, но просыпаюсь целым. Такое бывает только в снах или в загробном мире.

Старик усмехнулся — сухо, безрадостно.

— Ты прав. Я — дух. И все, кого ты здесь видишь — ученики, воины, слуги — тоже духи. Мы — остатки Секты Звёздного Тигра, которые не смогли уйти в перерождение. Мы храним знание до тех пор, пока не найдётся достойный наследник.

Он сделал паузу и посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее.

— Но есть условие. С заката до рассвета — мы не существуем. В 20-00 вечера, я и все остальные развоплощаемся до утренней зари. В это время храм пустеет. И ты остаёшься один.

— А если кто-то нападёт ночью?

— Не нападут. Храм скрыт от глаз живых. Тот, кто не имеет права войти, не увидит даже ворот. Но ты — увидел. Ты прошёл три испытания. Ты доказал, что достоин.

Сун Чжун отставил пиалу и посмотрел на меня в упор. Его глаза — чёрные, без зрачков, как две бездонные шахты — смотрели прямо в душу.

— Рассказывай. Всё. От начала до конца. Кто вживил тебе печать. Как ты выжил. Что видел. Не лги — я всё равно узнаю правду.

Я рассказывал долго. Про свою жизнь с родителями. Про путь раба от дома до верфи, где чуть не умер в ту же ночь, когда хоронил невесту. Про Чэнь Вэйя, наставника. Про Бон-Баши. Хозяина верфи и похитителя печати. Про побег. Про встречу с Шу Мэй и Лун Цзянем. Про стражей отражений. Про тень старого мастера.

Сун Чжун слушал молча. Ни разу не перебил. Только иногда кивал, и его пальцы поглаживали бороду.

Когда я закончил, наступила тишина.

— Ты знаешь, что в тебе спит зверь? — сказал он наконец.

— Нет. Какой? Небесный Тигр?

— Нет, — Сун Чжун покачал головой. — Зверь — это только часть. Печать Звёздного Тигра — это ключ. Но ты зашёл дальше, чем думаешь. Ты победил тень страха. Чужую тень, сильную тень. И когда ты вцепился в неё зубами и сожрал — ты выпитал её остатки.

Он подался вперёд, и в его голосе появилась странная торжественность.

— У тебя теперь сплелись два корня духа, Сяо Ху. Один — Звёздный Тигр, твой врождённый. Второй — тот, что ты сожрал вместе с тенью. Ты стал носителем зародыша парной духовной Кости Дракона и Кости Тигра. Такого симбиоза, я не припомню. Не в книгах не в разговорах.

— Что это значит? — спросил я, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

— Это значит, что твоё тело будет меняться. Оно уже меняется. Твои кости становятся плотнее, твои мышцы — эластичнее. Твоя Ци будет расти в разы быстрее, чем у обычного культиватора. Но это и проклятие. Ты будешь голоден. Постоянно. Тебе нужно будет поглощать энергию — или ты начнёшь терять себя.

Он встал. Подошёл к краю беседки и посмотрел на закат.

— Я научу тебя, Сяо Ху. Я передам тебе Стиль Звёздного Тигра. Все пять форм. Все секреты. Ты останешься здесь и будешь учиться.

— Сколько времени это займёт?

Сун Чжун повернулся. Впервые за всё время разговора на его лице появилась улыбка — тонкая, загадочная, почти зловещая.

— Время здесь течёт иначе. Один год в храме равен часу во внешнем мире. Ты можешь учиться десять лет, а твоя хозяйка трактира даже не заметит твоего отсутствия.

Я замер.

Десять лет. Десять лет тренировок, боли, пота, крови — и Шу Мэй не успеет состариться. Не успеет умереть от демонической слизи.

— Но я должен предупредить тебя, — добавил Сун Чжун, и его голос стал жёстче. — Ты будешь умирать здесь каждый день. Я не буду жалеть тебя. Я не буду останавливаться. Если ты сломаешься — ты останешься здесь навсегда, как мы. Духом.

Я поднялся. Ноги дрожали, но не от страха. От предвкушения.

— Когда начинаем?

— Сейчас.

Кровавая неделя: первые уроки боли

Часть первая. Удар, с которого всё началось

Мир перевернулся — резко, рвано, с хрустом, который Сяо Ху запомнил на всю оставшуюся жизнь. Собственные рёбра треснули раньше, чем мальчик осознал, что летит спиной в фонтан из жидкого серебра.

Всплеск. Холод. Острая боль в позвоночнике.

Сяо Ху лежал в фонтане, глядя в небо, и чувствовал, как кровь из рассечённой губы смешивается с серебряной водой. Лёгкие отказывались работать. В глазах плыли багровые круги.

— Вставай, — голос Сун Чжуна донёсся откуда-то сверху, спокойный и ровный, будто старик не ударил мальчика только что, а просто предложил чаю.

Сяо Ху попытался приподняться на локтях. Ладонь соскользнула с мокрого камня, и мальчик снова рухнул лицом в фонтан. Серебряная вода обожгла разбитую губу.

— Первый урок, — сказал Сун Чжун, поправляя рукава. — Умей принимать удар. Не уклоняться. Не блокировать. Принимать. Если ты не умеешь терпеть боль — ты не умеешь жить в этом мире.

Сяо Ху перевернулся на спину. Кровь текла из носа, заливала горло, мешала дышать. Сплюнув красный сгусток и цепляясь за край фонтана, мальчик встал. Ноги дрожали.

— Этот ученик понял, — выдавил Сяо Ху.

— Нет, — сказал Сун Чжун. — Не понял. Но поймёшь.

Удар пришёл снова — с левой стороны, в челюсть. Сяо Ху не увидел его. Просто в голове взорвалась вспышка, и мир снова кувыркнулся. Мальчик врезался спиной в колонну, и штукатурка посыпалась на голову белой пылью.

Челюсть не слушалась. Нижняя челюсть съехала вбок. Вывих.

— Лечи сам, — сказал Сун Чжун, стоя в центре двора, даже не запыхавшись. — У тебя есть три вдоха, чтобы вправить челюсть и встать в стойку. Или я ударю снова.

Сяо Ху зашипел от боли, схватился за собственную челюсть обеими руками и рванул.

ХРУСТ.

Боль была такой, что перед глазами побелело. Но челюсть встала на место. Мальчик сплюнул ещё один кровавый сгусток, вытер рот рукавом, поднялся на ноги.

Шаг. Второй. Третий.

Сяо Ху встал в стойку. Криво, шатко, но встал.

Сун Чжун посмотрел на мальчика долгим, немигающим взглядом.

— Дерьмовая стойка, — сказал он. — Но жить будешь. Продолжим.

Сяо Ху не помнил, сколько раз падал в тот день.

Двадцать? Пятьдесят? Сто?

Каждый удар Сун Чжуна был точным, выверенным, безжалостным. Старик не бил в жизненно важные точки — он бил в те места, где боль была максимальной, но травма — обратимой. Рёбра трещали, но не пробивали лёгкие. Челюсть вылетала, но не ломалась. Суставы выкручивались, но не рвались.

Это была пытка. Калиброванная, хирургическая пытка.

На закате Сяо Ху лежал на земле, раскинув руки, и смотрел, как небо окрашивается в багровый. Собственное тело казалось чужим — мальчик не чувствовал ни рук, ни ног, только тупую, пульсирующую боль, которая заполнила каждую клетку.

Сун Чжун подошёл и сел рядом. Просто сел на землю, поправил полы халата и закурил трубку. Дым поплыл в вечернее небо, пахнувший сухой травой и чем-то горьким.

— Сколько тебе лет, мальчик? — спросил он, не глядя на Сяо Ху.

— Восемь, Старший, — прохрипел Сяо Ху. Голос сел от криков, которые мальчик не смог сдержать во время тренировки.

Сун Чжун замер. Вынул трубку изо рта и медленно повернул голову. Впервые за день старик посмотрел на мальчика не как на ученика, а как на человека.

— Восемь лет, — повторил он. — В этом возрасте я только начинал постигать основы. А ты — Старик покачал головой. — Ладно. Значит, будем учить с самого начала. Не только тело, но и дух.

Сун Чжун помолчал, глядя на догорающий закат.

— Скажи мне, Сяо Ху. Ты знаешь, почему в мире культиваторов принято говорить о себе «этот ученик» или «этот младший»? Не «я», а именно так, отстранённо, в третьем лице?

Сяо Ху попытался пожать плечами, но зашипел от боли в вывихнутом суставе.

— Этот ученик не знает, Старший.

— Для этого есть три причины, — сказал Сун Чжун, выпуская клуб дыма. — Первая: смирение. Говоря «этот ученик», ты ставишь себя ниже собеседника. Ты признаёшь, что он — источник знания, а ты — лишь сосуд, который этот источник наполняет. Гордыня убивает культиваторов быстрее любого демона. Запомни это.

Сяо Ху кивнул, хотя каждый позвонок отозвался болью.

— Вторая причина — отстранение от эго. Эго — это цепи, Сяо Ху. Оно заставляет тебя думать, что твои желания, страхи и обиды важны. Но на Пути Культивации важны только истина и сила. Используя «этот ученик», ты учишься смотреть на себя со стороны. Оценивать себя холодно, без жалости и без прикрас.

Сун Чжун замолчал, повертел трубку в пальцах и усмехнулся.

— И третья причина. Когда ты говоришь «этот ученик», ты напоминаешь себе, что ты ещё не совершенен. Что впереди — бесконечный Путь, на котором ты всегда будешь учеником. Даже когда станешь Старшим для кого-то другого. Даже когда достигнешь вершин, о которых другие не смеют и мечтать. Понимаешь?

Сяо Ху тихо ответил:

— Этот ученик понимает.

— Нет, — поправил Сун Чжун. — Старшего поправляют только в одном случае: если Старший ошибается в технике или факте. Я не ошибаюсь. Поэтому ты должен сказать: «Этот ученик услышал. Этот ученик запомнит. Благодарю Старшего за наставление».

Сяо Ху повторил слово в слово:

— Этот ученик услышал. Этот ученик запомнит. Благодарю Старшего за наставление.

Сун Чжун кивнул, выпуская в воздух ровное кольцо дыма.

— В этом возрасте я уже убил трёх демонов и одного человека, — сказал он задумчиво. — Но тебя, мальчик, я учить буду иначе. Тебе не нужно убивать, чтобы стать сильным. Тебе нужно научиться терпеть. Терпеть боль. Терпеть страх. Терпеть желание сдаться.

Старик докурил трубку, выбил пепел о камень и поднялся.

— Отдыхай. Завтра продолжим. И помни: боль — это не наказание. Это информация. Твоё тело говорит тебе, где ты слаб. Слушай его.

Сун Чжун ушёл вглубь храма, растворившись в сумерках.

Сяо Ху остался лежать на холодной земле, глядя на звёзды. Мальчик чувствовал, как сломанные рёбра срастаются с тихим, зудящим хрустом. Как мышцы наливаются тяжестью. Как дух — впервые за этот день — начинает успокаиваться.

— Этот ученик запомнит, Старший, — прошептал Сяо Ху в темноту.

И закрыл глаза.

На второй день Сяо Ху научился вставать быстрее.

На третий — мальчик перестал кричать при ударе.

На четвёртый — Сяо Ху впервые уклонился.

Это было случайно. Инстинкт. Тело само дёрнулось в сторону, когда рука Сун Чжуна пошла в атаку. Кулак старого мастера прошёл в дюйме от виска мальчика, разрезав воздух со свистом.

Сяо Ху замер. Сердце колотилось как бешеное.

Сун Чжун остановился. Опустил руку. Посмотрел на мальчика с выражением, которое Сяо Ху не смог прочитать.

— Хорошо, — сказал он.

Это была первая похвала за четыре дня.

И Сяо Ху почувствовал, как в груди разливается что-то тёплое — не от гордости, а от облегчения.

На пятый день Сяо Ху перестал падать после первого удара. Начал держать равновесие, гасить инерцию корпусом, перекачиваться при падении так, чтобы кости не ломались, а скользили по инерции.

К концу седьмого дня Сяо Ху стоял на ногах после получаса непрерывных атак.

Стоял. Кровавый, разбитый, с заплывшим глазом и треснувшей губой.

Но стоял.

Сун Чжун опустил руки. Кивнул — коротко, сухо.

— Отдыхай, — сказал он. — Завтра начнём учить Первую Форму.

Сяо Ху рухнул на землю, как мешок с костями. Мальчик не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он просто лежал и смотрел на звёзды, чувствуя, как сломанные рёбра срастаются с тихим, зудящим хрустом.

— Кость Дракона-Тигра, — прошептал Сяо Ху, вспоминая слова Старшего. — Этот ученик всё ещё жив.

Мальчик улыбнулся разбитыми губами и потерял сознание.

В ту ночь Сяо Ху снова приснился тигр.

Чёрный, огромный, с глазами, горящими белым пламенем. Он стоял на краю пропасти и смотрел на мальчика в упор.

— Ты принял боль, — сказал тигр. Голос его звучал в голове Сяо Ху, низкий, вибрирующий, как раскат грома. — Это первый шаг. Но шагов будет много.

— Сколько? — спросил Сяо Ху.

— Столько, сколько потребуется, чтобы ты перестал быть человеком.

Тигр шагнул в пропасть и исчез.

Сяо Ху проснулся в холодном поту.

Солнце вставало из-за гор. За окном слышался крик хищных птиц. А в дверь уже стучали — ровно, настойчиво.

— Выходи, — голос Сун Чжуна. — Сегодня ты узнаешь, что такое Коготь, Рвущий Тьму.

Сяо Ху встал.

Тело болело. Но мальчик встал.

Потому что он знал: боль — это информация.

И он слушал.

Я открыл глаза и долго не мог понять, жив ли я вообще.

Потолок был расписной. Не просто крашенный — а расписанный вручную, золотом и лазурью, с изображением охотящегося тигра, чья шкура переливалась звёздной пылью. Каждая ворсинка была прорисована с такой тщательностью, что казалась настоящей.

Тело не болело.

Это было странно. Я помнил, как кости хрустели под ударами тени, как ребро проткнуло лёгкое, как кровь заливала горло. Но сейчас я просто лежал — и чувствовал себя так, будто проспал трое суток.

Я приподнялся на локтях.

Комната была огромной. Шёлковые шторы цвета тёмного нефрита ниспадали до пола. Мебель из чёрного дерева с инкрустацией перламутром. На столе — глиняный чайник, от которого поднимался пар, и тарелка с паровыми булочками, рисом и маринованными овощами. Запах стоял такой, что желудок сжался в голодном спазме.

Одежда на мне была чистой. Чья-то заботливая рука перевязала раны свежими бинтами, пропитанными травяным настоем. Под повязками — никакой боли.

— Живой, значит, — прошептал я себе под нос и усмехнулся.

Я сел на край кровати. Нога слушалась. Плечо — тоже. Я сделал глубокий вдох — лёгкие наполнились чистым, горным воздухом без единого хрипа.

— Кто-то тут хорошо постарался, — сказал я вслух, откусывая булочку. Горячая, мягкая, с мясом и зеленью. Я чуть не застонал от удовольствия.

Поев, я вышел во двор.

Храм оказался ещё красивее изнутри. Внутренний двор был вымощен белым камнем, по краям росли сосны, причудливо изогнутые ветрами. Посередине бил фонтан — не с водой, а с жидким серебром, которое переливалось на солнце и тихо звенело, рассыпая искры.

Дорожка из гладкой гальки вела к беседке, увитой глицинией. Цветы свисали лиловыми гроздьями, и в их тени сидел старик.

Тот самый. С седой бородой до пояса, с глазами, которые видели слишком много.

Он пил чай и смотрел на меня. Ждал.

Я подошёл. Остановился в двух шагах от беседки. Поклонился — коротко, но уважительно.

— Спасибо за кров и за лечение.

— Садись, — старик указал на подушку напротив. — Чай остывает.

Я сел. Разлил чай по пиалам. Жидкость была тёмно-золотой, с легким запахом хризантемы и чего-то неуловимого — старого дерева, далёких звёзд.

— Меня зовут Сун Чжун, — сказал старик, делая глоток. — Я — хранитель этого храма. Последний из учителей, кто ещё помнит, как рычал Чёрный Тигр.

— Вы — дух, — сказал я не вопросом, а утверждением.

Сун Чжун поднял бровь.

— Догадливый мальчик. И что же меня выдало?

— Фонтан из жидкого серебра. Сосны, растущие без корней в камне. И тот факт, что я должен был умереть от ран, но просыпаюсь целым. Такое бывает только в снах или в загробном мире.

Старик усмехнулся — сухо, безрадостно.

— Ты прав. Я — дух. И все, кого ты здесь видишь — ученики, воины, слуги — тоже духи. Мы — остатки Секты Звёздного Тигра, которые не смогли уйти в перерождение. Мы храним знание до тех пор, пока не найдётся достойный наследник.

Он сделал паузу и посмотрел на небо. Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее.

— Но есть условие. С заката до рассвета — мы не существуем. В 20-00 вечера, я и все остальные развоплощаемся до утренней зари. В это время храм пустеет. И ты остаёшься один.

— А если кто-то нападёт ночью?

— Не нападут. Храм скрыт от глаз живых. Тот, кто не имеет права войти, не увидит даже ворот. Но ты — увидел. Ты прошёл три испытания. Ты доказал, что достоин.

Сун Чжун отставил пиалу и посмотрел на меня в упор. Его глаза — чёрные, без зрачков, как две бездонные шахты — смотрели прямо в душу.

— Рассказывай. Всё. От начала до конца. Кто вживил тебе печать. Как ты выжил. Что видел. Не лги — я всё равно узнаю правду.

Я рассказывал долго. Про свою жизнь с родителями. Про путь раба от дома до верфи, где чуть не умер в ту же ночь, когда хоронил невесту. Про Чэнь Вэйя, наставника. Про Бон-Баши. Хозяина верфи и похитителя печати. Про побег. Про встречу с Шу Мэй и Лун Цзянем. Про стражей отражений. Про тень старого мастера.

Сун Чжун слушал молча. Ни разу не перебил. Только иногда кивал, и его пальцы поглаживали бороду.

Когда я закончил, наступила тишина.

— Ты знаешь, что в тебе спит зверь? — сказал он наконец.

— Нет. Какой? Небесный Тигр?

— Нет, — Сун Чжун покачал головой. — Зверь — это только часть. Печать Звёздного Тигра — это ключ. Но ты зашёл дальше, чем думаешь. Ты победил тень страха. Чужую тень, сильную тень. И когда ты вцепился в неё зубами и сожрал — ты впитал её остатки.

Он подался вперёд, и в его голосе появилась странная торжественность.

— У тебя теперь сплелись два корня духа, Сяо Ху. Один — Звёздный Тигр, твой врождённый. Второй — тот, что ты сожрал вместе с тенью. Ты стал носителем зародыша парной духовной Кости Дракона и Кости Тигра. Такого симбиоза, я не припомню. Не в книгах не в разговорах.

— Что это значит? — спросил я, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

— Это значит, что твоё тело будет меняться. Оно уже меняется. Твои кости становятся плотнее, твои мышцы — эластичнее. Твоя Ци будет расти в разы быстрее, чем у обычного культиватора. Но это и проклятие. Ты будешь голоден. Постоянно. Тебе нужно будет поглощать энергию — или ты начнёшь терять себя.

Он встал. Подошёл к краю беседки и посмотрел на закат.

— Я научу тебя, Сяо Ху. Я передам тебе Стиль Звёздного Тигра. Все пять форм. Все секреты. Ты останешься здесь и будешь учиться.

— Сколько времени это займёт?

Сун Чжун повернулся. Впервые за всё время разговора на его лице появилась улыбка — тонкая, загадочная, почти зловещая.

— Время здесь течёт иначе. Один год в храме равен часу во внешнем мире. Ты можешь учиться десять лет, а твоя хозяйка трактира даже не заметит твоего отсутствия.

Я замер.

Десять лет. Десять лет тренировок, боли, пота, крови — и Шу Мэй не успеет состариться. Не успеет умереть от демонической слизи.

— Но я должен предупредить тебя, — добавил Сун Чжун, и его голос стал жёстче. — Ты будешь умирать здесь каждый день. Я не буду жалеть тебя. Я не буду останавливаться. Если ты сломаешься — ты останешься здесь навсегда, как мы. Духом.

Я поднялся. Ноги дрожали, но не от страха. От предвкушения.

— Когда начинаем?

— Сейчас.

Кровавая неделя: первые уроки боли

Часть первая. Удар, с которого всё началось

Мир перевернулся — резко, рвано, с хрустом, который Сяо Ху запомнил на всю оставшуюся жизнь. Собственные рёбра треснули раньше, чем мальчик осознал, что летит спиной в фонтан из жидкого серебра.

Всплеск. Холод. Острая боль в позвоночнике.

Сяо Ху лежал в фонтане, глядя в небо, и чувствовал, как кровь из рассечённой губы смешивается с серебряной водой. Лёгкие отказывались работать. В глазах плыли багровые круги.

— Вставай, — голос Сун Чжуна донёсся откуда-то сверху, спокойный и ровный, будто старик не ударил мальчика только что, а просто предложил чаю.

Сяо Ху попытался приподняться на локтях. Ладонь соскользнула с мокрого камня, и мальчик снова рухнул лицом в фонтан. Серебряная вода обожгла разбитую губу.

— Первый урок, — сказал Сун Чжун, поправляя рукава. — Умей принимать удар. Не уклоняться. Не блокировать. Принимать. Если ты не умеешь терпеть боль — ты не умеешь жить в этом мире.

Сяо Ху перевернулся на спину. Кровь текла из носа, заливала горло, мешала дышать. Сплюнув красный сгусток и цепляясь за край фонтана, мальчик встал. Ноги дрожали.

— Этот ученик понял, — выдавил Сяо Ху.

— Нет, — сказал Сун Чжун. — Не понял. Но поймёшь.

Удар пришёл снова — с левой стороны, в челюсть. Сяо Ху не увидел его. Просто в голове взорвалась вспышка, и мир снова кувыркнулся. Мальчик врезался спиной в колонну, и штукатурка посыпалась на голову белой пылью.

Челюсть не слушалась. Нижняя челюсть съехала вбок. Вывих.

— Лечи сам, — сказал Сун Чжун, стоя в центре двора, даже не запыхавшись. — У тебя есть три вдоха, чтобы вправить челюсть и встать в стойку. Или я ударю снова.

Сяо Ху зашипел от боли, схватился за собственную челюсть обеими руками и рванул.

ХРУСТ.

Боль была такой, что перед глазами побелело. Но челюсть встала на место. Мальчик сплюнул ещё один кровавый сгусток, вытер рот рукавом, поднялся на ноги.

Шаг. Второй. Третий.

Сяо Ху встал в стойку. Криво, шатко, но встал.

Сун Чжун посмотрел на мальчика долгим, немигающим взглядом.

— Дермовая стойка, — сказал он. — Но жить будешь. Продолжим.

Сяо Ху не помнил, сколько раз падал в тот день.

Двадцать? Пятьдесят? Сто?

Каждый удар Сун Чжуна был точным, выверенным, безжалостным. Старик не бил в жизненно важные точки — он бил в те места, где боль была максимальной, но травма — обратимой. Рёбра трещали, но не пробивали лёгкие. Челюсть вылетала, но не ломалась. Суставы выкручивались, но не рвались.

Это была пытка. Калиброванная, хирургическая пытка.

На закате Сяо Ху лежал на земле, раскинув руки, и смотрел, как небо окрашивается в багровый. Собственное тело казалось чужим — мальчик не чувствовал ни рук, ни ног, только тупую, пульсирующую боль, которая заполнила каждую клетку.

Сун Чжун подошёл и сел рядом. Просто сел на землю, поправил полы халата и закурил трубку. Дым поплыл в вечернее небо, пахнувший сухой травой и чем-то горьким.

— Сколько тебе лет, мальчик? — спросил он, не глядя на Сяо Ху.

— Восемь, Старший, — прохрипел Сяо Ху. Голос сел от криков, которые мальчик не смог сдержать во время тренировки.

Сун Чжун замер. Вынул трубку изо рта и медленно повернул голову. Впервые за день старик посмотрел на мальчика не как на ученика, а как на человека.

— Восемь лет, — повторил он. — В этом возрасте я только начинал постигать основы. А ты — Старик покачал головой. — Ладно. Значит, будем учить с самого начала. Не только тело, но и дух.

Сун Чжун помолчал, глядя на догорающий закат.

— Скажи мне, Сяо Ху. Ты знаешь, почему в мире культиваторов принято говорить о себе «этот ученик» или «этот младший»? Не «я», а именно так, отстранённо, в третьем лице?

Сяо Ху попытался пожать плечами, но зашипел от боли в вывихнутом суставе.

— Этот ученик не знает, Старший.

— Для этого есть три причины, — сказал Сун Чжун, выпуская клуб дыма. — Первая: смирение. Говоря «этот ученик», ты ставишь себя ниже собеседника. Ты признаёшь, что он — источник знания, а ты — лишь сосуд, который этот источник наполняет. Гордыня убивает культиваторов быстрее любого демона. Запомни это.

Сяо Ху кивнул, хотя каждый позвонок отозвался болью.

— Вторая причина — отстранение от эго. Эго — это цепи, Сяо Ху. Оно заставляет тебя думать, что твои желания, страхи и обиды важны. Но на Пути Культивации важны только истина и сила. Используя «этот ученик», ты учишься смотреть на себя со стороны. Оценивать себя холодно, без жалости и без прикрас.

Сун Чжун замолчал, повертел трубку в пальцах и усмехнулся.

— И третья причина. Когда ты говоришь «этот ученик», ты напоминаешь себе, что ты ещё не совершенен. Что впереди — бесконечный Путь, на котором ты всегда будешь учеником. Даже когда станешь Старшим для кого-то другого. Даже когда достигнешь вершин, о которых другие не смеют и мечтать. Понимаешь?

Сяо Ху тихо ответил:

— Этот ученик понимает.

— Нет, — поправил Сун Чжун. — Старшего поправляют только в одном случае: если Старший ошибается в технике или факте. Я не ошибаюсь. Поэтому ты должен сказать: «Этот ученик услышал. Этот ученик запомнит. Благодарю Старшего за наставление».

Сяо Ху повторил слово в слово:

— Этот ученик услышал. Этот ученик запомнит. Благодарю Старшего за наставление.

Сун Чжун кивнул, выпуская в воздух ровное кольцо дыма.

— В этом возрасте я уже убил трёх демонов и одного человека, — сказал он задумчиво. — Но тебя, мальчик, я учить буду иначе. Тебе не нужно убивать, чтобы стать сильным. Тебе нужно научиться терпеть. Терпеть боль. Терпеть страх. Терпеть желание сдаться.

Старик докурил трубку, выбил пепел о камень и поднялся.

— Отдыхай. Завтра продолжим. И помни: боль — это не наказание. Это информация. Твоё тело говорит тебе, где ты слаб. Слушай его.

Сун Чжун ушёл вглубь храма, растворившись в сумерках.

Сяо Ху остался лежать на холодной земле, глядя на звёзды. Мальчик чувствовал, как сломанные рёбра срастаются с тихим, зудящим хрустом. Как мышцы наливаются тяжестью. Как дух — впервые за этот день — начинает успокаиваться.

— Этот ученик запомнит, Старший, — прошептал Сяо Ху в темноту.

И закрыл глаза.

На второй день Сяо Ху научился вставать быстрее.

На третий — мальчик перестал кричать при ударе.

На четвёртый — Сяо Ху впервые уклонился.

Это было случайно. Инстинкт. Тело само дёрнулось в сторону, когда рука Сун Чжуна пошла в атаку. Кулак старого мастера прошёл в дюйме от виска мальчика, разрезав воздух со свистом.

Сяо Ху замер. Сердце колотилось как бешеное.

Сун Чжун остановился. Опустил руку. Посмотрел на мальчика с выражением, которое Сяо Ху не смог прочитать.

— Хорошо, — сказал он.

Это была первая похвала за четыре дня.

И Сяо Ху почувствовал, как в груди разливается что-то тёплое — не от гордости, а от облегчения.

На пятый день Сяо Ху перестал падать после первого удара. Начал держать равновесие, гасить инерцию корпусом, перекатываться при падении так, чтобы кости не ломались, а скользили по инерции.

К концу седьмого дня Сяо Ху стоял на ногах после получаса непрерывных атак.

Стоял. Кровавый, разбитый, с заплывшим глазом и треснувшей губой.

Но стоял.

Сун Чжун опустил руки. Кивнул — коротко, сухо.

— Отдыхай, — сказал он. — Завтра начнём учить Первую Форму.

Сяо Ху рухнул на землю, как мешок с костями. Мальчик не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он просто лежал и смотрел на звёзды, чувствуя, как сломанные рёбра срастаются с тихим, зудящим хрустом.

— Кость Дракона-Тигра, — прошептал Сяо Ху, вспоминая слова Старшего. — Этот ученик всё ещё жив.

Мальчик улыбнулся разбитыми губами и потерял сознание.

В ту ночь Сяо Ху снова приснился тигр.

Чёрный, огромный, с глазами, горящими белым пламенем. Он стоял на краю пропасти и смотрел на мальчика в упор.

— Ты принял боль, — сказал тигр. Голос его звучал в голове Сяо Ху, низкий, вибрирующий, как раскат грома. — Это первый шаг. Но шагов будет много.

— Сколько? — спросил Сяо Ху.

— Столько, сколько потребуется, чтобы ты перестал быть человеком.

Тигр шагнул в пропасть и исчез.

Сяо Ху проснулся в холодном поту.

Солнце вставало из-за гор. За окном слышался крик хищных птиц. А в дверь уже стучали — ровно, настойчиво.

— Выходи, — голос Сун Чжуна. — Сегодня ты узнаешь, что такое Коготь, Рвущий Тьму.

Сяо Ху встал.

Тело болело. Но мальчик встал.

Потому что он знал: боль — это информация.

И он слушал.

Глава 18

Часть вторая. Коготь, что не рвёт.

Утро восьмого дня встретило Сяо Ху не ласковым солнцем, а пинком под рёбра.

— Вставай, — голос Сун Чжуна был свежим, будто старик выспался месяц, а не четыре часа, как обычно. — Сегодня ты узнаешь, что такое Коготь, Рвуший Тьму. Выходи во двор.

Сяо Ху кубарем скатился с циновки. Тело ныло — привычно, фоновое, как постоянный гул в ушах. Но мальчик уже научился не обращать на это внимания. Он встал, умылся ледяной водой из фонтана, сплюнул остатки вчерашней крови и вышел во двор.

Сун Чжун стоял в центре площадки. Босой, в лёгком халате, с распушенными седыми волосами. В руках старик держал ветку — обычную, сухую, длиной в локоть.

— Смотри, — сказал он. — И запоминай. Я покажу один раз.

Сун Чжун закрыл глаза.

И изменился.

Сяо Ху показалось, что воздух вокруг старика сгустился, стал плотным, почти осязаемым. Трава под ногами Сун Чжуна прижалась к земле, будто её придавила невидимая тяжесть. А потом

Потом старик двинулся.

Это было не движение — это был взрыв. Сун Чжун шагнул вперёд, и земля под его пяткой треснула. Ветка в его руке рассекла воздух — не быстро, а так, словно сама пространственная ткань разрывалась перед ней. Сяо Ху услышал звук — низкий, вибрирующий гул, от которого заложило уши.

Ветка описала дугу.

И в трёх шагах от Сун Чжуна, в воздухе, вспыхнули три параллельные линии. Серебристые, холодные, пульсирующие тёмной энергией. Они повисли в пустоте на мгновение — и исчезли, оставив после себя запах озона и жжёной плоти.

Каменная плита, стоявшая в десяти шагах позади того места, где прошёл удар, бесшумно развалилась на три части.

Сяо Ху сглотнул.

— Коготь, Рвуший Тьму, — сказал Сун Чжун, открывая глаза. Ветка в его руке рассыпалась в пепел. — Базовая техника Школы Пожирающего Тигра. Три удара в одном движении. Ци концентрируется в пальцах, пробивает защиту противника и рвёт его плоть на уровне молекул. На высоких стадиях — рвёт саму душу.

Старик посмотрел на Сяо Ху.

— Теперь ты.

Сяо Ху вышел в центр. Он встал в стойку, поднял руку, сконцентрировался. Он вспомнил всё, что говорил Старший о циркуляции Ци. Он направил энергию от дантяня к плечу, от плеча к локтю, от локтя к пальцам.

Ударил.

В воздухе ничего не вспыхнуло. Ветка, которую Сяо Ху держал в руке, просто сломалась пополам. Сяо Ху пошатнулся, едва не упав, и зашипел от боли в запястье — Ци ударила обратно, обожгла сустав.

— Дерьмово, — констатировал Сун Чжун.

Сяо Ху опустил голову.

— Этот ученик старался.

— Старание не равно результат, — отрезал старик. — Замри.

Сун Чжун подошёл вплотную. Взял Сяо Ху за запястье — сухо, жёстко, как берут инструмент для проверки. Закрыл глаза.

Сяо Ху почувствовал, как в его тело вливается чужая Ци — острая, колючая, как иглы. Она прошла по каналам, прощупывая каждую нить, каждый узел, каждую блокировку.

Долгое молчание.

Сун Чжун открыл глаза. Отпустил руку. Посмотрел на Сяо Ху странным взглядом — смесь разочарования и удивления.

— Великий потенциал, — сказал он. — В зачатке. В сыром, необработанном, грязном зачатке.

Старик провёл рукой перед глазами Сяо Ху, и мальчик увидел то, что видел Сун Чжун — своё тело изнутри. Каналы Ци. Тонкие, как паутинки, местами пережатые, местами забитые тёмными сгустками — загрязнениями.

— Твои каналы узкие, как игольные уши, — сказал Сун Чжун. — Ци через них проходит с трудом. Ты пытаешься пропустить реку через соломинку. И в этой соломинке полно грязи. Результат? Ци бьёт обратно, травмирует тебя, вместо того чтобы выходить наружу.

Сун Чжун отошёл на шаг, скрестив руки на груди.

— Я думал, ты готов. Я ошибался. Твоё тело выдерживает ритм тренировок, но оно не готово к технике. Каналы нужно чистить. Расширять. Укреплять.

— Сколько времени это займёт, Старший? — спросил Сяо Ху.

— Месяц. Или год. — Сун Чжун пожал плечами. — Зависит от того, насколько ты готов страдать.

Сяо Ху поднял голову.

— Этот ученик готов.

Сун Чжун усмехнулся. Усмешка была невесёлой.

— Посмотрим.

Одиннадцать месяцев. Дорога через ад.

Тренировки не прекратились. Они изменились.

Каждое утро начиналось с пилюль. Сун Чжун заставлял Сяо Ху глотать маленькие чёрные шарики, горькие, как полынь, жгучие, как перец. Они царапали горло, оседали в желудке камнем и начинали плавить внутренности изнутри. Он корчился на полу, обливаясь холодным потом, чувствуя, как Ци разъедает закупорки в каналах.

— Терпи, — говорил Сун Чжун, сидя рядом с книгой. — Это очищение Огненной Желчи. Если не сдохнешь в первую неделю — каналы расширятся на треть.

Сяо Ху не сдох. Но был близок.

Настойки, которые он пил трижды в день, пахли тухлой рыбой и гнилыми водорослями. Вкус был таким, что желудок выворачивало наружу. Сун Чжун стоял над душой и не давал выплюнуть — бил по затылку, заставляя глотать снова.

— Чистишь не только каналы, — объяснял старик. — Чистишь кровь. Костный мозг. Душу. Всё, что накопило грязь за восемь лет жизни в этом мире.

Очищающие ванны были отдельной пыткой. Сяо Ху сидел в деревянной бочке, заполненной мутной жидкостью, в которой плавали сушёные корни, змеиная кожа и чьи-то зубы. Жидкость жгла кожу, проникала в поры, вытягивала из тела токсины. После каждой ванны он выходил бледным, как полотно, и слабым, как младенец.

Но каналы расширялись.

Сун Чжун работал с Сяо Ху, как скульптор с мрамором.

— Двести ударов по грушевому дереву. Голыми руками. Без Ци. Только мышцы. Только кости.

— Сто приседаний с каменным блоком на плечах. Вес блока — в два раза больше твоего. Упадёшь — начнём сначала.

— Бег по периметру храма. Тридцать кругов. С завязанными глазами. Будешь ориентироваться на звук ветра и крики птиц. Споткнёшься — встанешь. Расшибёшься — залепишь рану грязью и побежишь дальше.

Каждый день Сяо Ху ломал себя. Каждый день он заново собирал себя по кускам. Мальчик перестал считать синяки, переломы, растяжения. Его тело превратилось в карту боли — на ней не осталось места, которое не было бы травмировано хотя бы раз.

Сун Чжун не хвалил. Не ободрял. Он просто наблюдал, поправлял, бил, когда Сяо Ху ошибался, и молчал, когда тот делал правильно.

Иногда, по ночам, когда он лежал без сил и смотрел в потолок, Сяо Ху слышал голос Старшего из соседней комнаты. Сун Чжун разговаривал сам с собой, перебирая чётки.

— Восемь лет. Тело как глина. Дух как сталь. Если не сломается — превзойдёт меня.

Он не знал, должен ли гордиться или бояться.

Сяо Ху просто терпел.

Через одиннадцать месяцев

Сяо Ху стоял во дворе.

Мальчик изменился. Неузнаваемо. Восемилетний ребёнок, который пришёл сюда с дрожащими коленями и разбитой губой, исчез. Сейчас перед Сун Чжуном стоял другой человек. Его тело стало сухим, жилистым, как у волчонка, которого кормили только мясом и болью. Мышцы перекачивались под загорелой кожей. Глаза горели ровным, спокойным огнём.

Сун Чжун обошёл Сяо Ху кругом. Постучал по плечу, по спине, по рёбрам. Приложил ладонь к дантяню. Закрыв глаза.

Долгое молчание.

Старик открыл глаза и кивнул.

— Каналы чисты. Ци течёт свободно. Тело готово.

Сун Чжун отошёл на три шага.

— Повтори Первую Форму. Коготь, Рвущий Тьму. Сейчас.

Сяо Ху закрыл глаза.

Вдох.

Ци поднялась из дантяня, как змея, — плавно, мощно, послушно. Прошла по меридианам, не встречая сопротивления. Достигла плеча. Локтя. Кисти.

Пальцы.

Сяо Ху открыл глаза.

И ударил.

Воздух перед ним взорвался. Три серебристые линии вспыхнули в пространстве — яркие, плотные, пульсирующие энергией. Они прочертили воздух и вонзились в каменную плиту в пяти шагах от мальчика.

Плита развалилась на три части. Края были гладкими, будто их резали раскалённым ножом.

Сяо Ху стоял, тяжело дыша.

Сун Чжун смотрел на плиту. Потом на Сяо Ху. Потом снова на плиту.

Тишина.

— Слабо, — сказал Сун Чжун.

Сяо Ху внутри похолодел.

— Слабо? — переспросил он.

— Слабо, — повторил старик. — Ты разбил плиту. А должен был превратить её в пыль.

Сун Чжун подошёл к мальчику и положил руку ему на голову. Жест был неожиданно мягким.

— Но это первый шаг. Одиннадцать месяцев назад ты не мог даже пошевелить пальцем, чтобы не травмировать себя. А сейчас ты пробил камень. Прогресс есть.

Сун Чжун убрал руку.

— Завтра начнём изучать Вторую Форму. Коготь, Пронзающий Пустоту.

Сяо Ху выдохнул.

Где-то в глубине сознания мальчика, в самой тёмной его части, тигр с белыми глазами довольно оскалился.

— Этот ученик благодарит Старшего, — сказал Сяо Ху.

— Помолчи, — буркнул Сун Чжун, заворачиваясь в халат. — Иди есть. Завтра будет тяжело.

Старик зашёл в дом, но на пороге остановился. Не оборачиваясь, бросил:

— Ты справился. Я не ошибся в тебе.

Дверь закрылась.

Сяо Ху стоял во дворе один, глядя на разбитую плиту, и чувствовал, как в груди разгорается что-то тёплое и сильное.

Впервые за одиннадцать месяцев — впервые с тех пор, как он переступил порог этого храма — Сяо Ху почувствовал, что он не просто выживает.

Он становится сильнее.

На следующее утро Сяо Ху проснулся не от пинка. Не от крика. Не от запаха пилюль.

Он проснулся от тишины.

Солнце только начинало золотить край окна. Воздух был свеж и неподвижен. Где-то за стеной кричала птица. И впервые за одиннадцать месяцев Сяо Ху не чувствовал боли.

Сяо Ху сел на циновке, осмотрел свои руки. Кости не ныли. Суставы не скрипели. Мышцы были тёплыми и послушными, как хорошо выделанная кожа.

Он закрыл глаза и провалился внутрь себя.

Даньтянь пульсировал ровно, как второе сердце. Он расширился — теперь это был не маленький пруд, а целое озеро. Ци внутри него была не жидкой водой, а густым, тяжёлым сиропом. Она перетекала медленно, плотно, с трудом.

Восьмая ступень.

Сяо Ху поднял руку и коснулся макушки. Там, под костью, в самой верхней точке головы, пульсировало тепло. Слабое, едва заметное — но оно было. «Солнце на голове» начинало просыпаться.

— Проснулся, — раздался голос Сун Чжуна из соседней комнаты. — Выходи.

Сяо Ху вышел во двор. Старик стоял у разбитой вчера плиты — её уже убрали, и на месте осколков лежал новый, нетронутый камень.

Сун Чжун смотрел на Сяо Ху долгим, изучающим взглядом. Потом заговорил:

— Ты выполнил Первую Форму. Один раз. Плита треснула. Вопрос: сколько раз ты можешь повторить этот удар?

Сяо Ху задумался. Он вспомнил вчерашнее истощение, дрожь в руках, пустоту в даньтяне после одного удара. Но теперь всё было иначе.

— Раньше — один раз, Старший. Но сейчас — Сяо Ху сжал кулак, чувствуя, как плотная Ци перетекает в руку. — Сейчас я чувствую, что могу ударить трижды. Может быть, четыре раза. Но потом — пустота.

— Именно, — кивнул Сун Чжун. — Ты как кувшин с узким горлышком. Раньше в тебе была вода — жидкая, текучая. Ты выплеснул её одним ударом и опустел. Теперь у тебя внутри — сироп. Он гуще, тяжелее, его нужно больше времени, чтобы вытечь.

Старик подошёл ближе. В руках у него была ветка — снова сухая, снова простая.

— Восьмая ступень — Конденсация. Твоя Ци сжалась. Уплотнилась. Но это только начало. Сироп — ещё не лёд. Чтобы стать льдом, тебе нужно сжать его ещё сильнее. В сотни раз сильнее.

Старик поднял ветку и ткнул ею Сяо Ху в грудь — в точку даньтяня.

— Сейчас твой резервуар расширен, но заполнен лишь на треть. Пустота внутри тебя — как голодный зверь. Ты должен накормить его. Ци из земли, Ци из неба, Ци из каждой твари, которую убьёшь на охоте. Всё это будет уходить в твой даньтянь, уплотняясь слой за слоем.

Сяо Ху молчал. Ответ уже прозвучал — и прозвучал приговором. Год. Один удар. Десять тысяч раз.

— Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов, — медленно произнёс Сун Чжун, глядя ученику прямо в глаза. — Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз.

Слова вонзились в сознание, как раскалённое клеймо. Сяо Ху чувствовал, как они прожигают кость, въедаются в самый центр даньтяня.

— Ты будешь бить Первую Форму. Каждый день. Пока твои руки не забудут усталость. Пока твой даньтянь не наполнится до краёв. Пока «Солнце на голове» не раскроется полностью. Только тогда — Вторая Форма.

Сун Чжун сделал паузу. Взял флягу, отхлебнул, сплюнул в пыль.

— Вопросов больше нет?

Сяо Ху покачал головой. Он понял. Без вопросов. Без торга. Без слабости.

— Тогда начинай.

Сяо Ху сглотнул. Год. Целый год одной и той же техники. Один удар. Снова и снова.

Но внутри, в глубине даньтяня, сиропная Ци взволнованно колыхнулась. Тело жаждало этого. Рвалось в бой.

— Этот ученик понял.

Сун Чжун кивнул и сел в тени дерева, скрестив ноги. Он достал маленькую флягу, отхлебнул и приготовился смотреть.

— Начинай. Первый удар. Покажи мне, как ты будешь умирать за этот единственный коготь.

Глава 19

Одна техника. Восьмая ступень.

Сяо Ху бил.

Каждое утро он выходил во двор. Каждое утро становился в стойку. Каждое утро поднимал руку.

И бил.

Первая неделя была агонией. После десяти ударов рука немела. После двадцати — сиропная Ци в дантяне заканчивалась. Но Сяо Ху падал на колени, хватал ртом воздух, чувствуя, как Ци восстанавливается медленно — капля за каплей, слой за слоем.

— Вставай, — говорил Сун Чжун. — Удар.

Сяо Ху вставал. Ударял. Падал. Снова вставал. Снова ударял.

Вторая неделя. Тридцать ударов подряд. Рука горела огнём. Пальцы опухли, кожа на костяшках лопнула, но Сяо Ху не останавливался.

— Хорошо, — сказал Сун Чжун на пятнадцатый день. — Теперь сделай перерыв на час и повтори.

Третий месяц. Сяо Ху научился дышать в ритм удара. Он перестал думать о технике — тело запомнило. Рука сама находила траекторию, сама концентрировала Ци, сама наносила удар. Сяо Ху мог бить сорок раз подряд, прежде чем чувствовал усталость.

Но главное — дантянь наполнялся.

Каждая тренировка выжимала Ци до дна. Каждый отдых втягивал новую порцию — из земли через Юнцюань, из воздуха через раскрытые поры. К пятому месяцу Сяо Ху чувствовал, как «Солнце на голове» пульсирует теплее. Точка на макушке начала светиться — слабо, едва заметно, но свет был.

— Восьмая ступень крепнет, — сказал Сун Чжун. — Твоё Солнце просыпается. Ещё полгода — и оно раскроется полностью.

Восьмой месяц. Сяо Ху научился бить не только правой, но и левой рукой. Старик заставил его перевязать правую руку за спину и тренироваться только левой две недели.

— Симметрия, — сказал Сун Чжун. — Истинный мастер владеет обеими руками одинаково.

Десятый месяц. Сяо Ху бил по движущимся целям. Сун Чжун кидал в него камни, ветки, глиняные горшки. К концу десятого месяца он разбивал семь из десяти летящих предметов.

Одиннадцатый месяц. Сяо Ху начал тренироваться с закрытыми глазами.

— Зрение обманывает, — сказал Сун Чжун. — Учись чувствовать врага по движению воздуха, по звуку шагов, по запаху пота.

Сяо Ху учился. Удары становились точнее, резче, смертоноснее.

И «Солнце на голове» горело всё ярче.

День финала. Двенадцатый месяц.

— Сегодня ты сдашь экзамен, — сказал Сун Чжун за завтраком.

Сяо Ху поднял голову.

— Какой, Старший?

— Сто ударов. Подряд. Без перерыва. Каждый удар — полная сила.

Сяо Ху молча кивнул. Он доел кашу, выпил настойку, вышел во двор.

Перед ним стояли сто глиняных табличек. Тонких, как фанера, но достаточно прочных, чтобы не разбиться от ветра. Они стояли в ряд — десять на десять.

Сяо Ху встал перед первой.

Вдох. Выдох.

Удар. Трещина. Табличка разлетелась.

Удар. Вторая.

Удар. Третья.

Удар. Четвёртая.

Ритм. Дыхание. Ритм. Удар. Тело работало само. Сиропная Ци вытекала из даньтяня плотной, тягучей струёй. Каждый удар был сильнее предыдущего.

— Двадцать три, — считал Сун Чжун. — Тридцать один. Сорок семь.

На пятидесятой Сяо Ху почувствовал, как даньтянь начал пустеть. Но сиропная Ци держала дольше, чем жидкая. Она вытекала медленно, экономно, давая удару силу до последней капли.

— Пятьдесят четыре. Шестьдесят два.

Рука начала дрожать. Ци заканчивалась.

Но Сяо Ху помнил, чему его учили. Он нырнул внутрь себя, нашёл последние капли сиропа, выжал их до дна.

И тут — Сяо Ху почувствовал жар.

«Солнце на голове» вспыхнуло. Точка на макушке раскрылась — не до конца, но достаточно, чтобы впустить поток небесной Ци. Энергия хлынула сверху вниз, ударила в макушку, пронзила позвоночник и влилась в опустевший даньтянь.

Сила вернулась.

Удар. Семьдесят первая.

Удар. Семьдесят вторая.

— Восемьдесят три восемьдесят семь

Сяо Ху не видел ничего, кроме следующей таблички. Прошлого не было. Будущего не было. Был только удар и тепло над головой.

— Девяносто четыре

Девяносто пятая. Рука горела. Пальцы не слушались. Но Сяо Ху всё равно ударил.

Девяносто шестая. Девяносто седьмая.

Девяносто восьмая.

Девяносто девятая.

Последняя табличка. Стояла ровно, спокойно, издевательски целая.

Сяо Ху поднял руку. Челюсть сжалась. В глазах потемнело. Он выдохнул последний воздух, собрал остатки Ци — те, что дало «Солнце», те, что остались на дне даньтяня.

И ударил.

Табличка взорвалась. Осколки разлетелись, врезались в стену храма, пробили кору дерева.

Сяо Ху упал на колени. Руки безвольно повисли. Тяжело дыша, он упирался ладонями в землю.

Над ним нависла тень. Сун Чжун.

— Сто, — сказал старик. — Ровно сто. Последний удар — шестьдесят процентов от силы первого.

Сун Чжун замолчал. Потом, впервые за всё время, Сяо Ху услышал, как старик хмыкнул. Коротко. Сухо. Почти незаметно.

— Ты сдал.

Старик протянул руку. В ней была фляга — не с настойкой, а с чистой водой.

— Пей. И отдыхай. Теперь надеюсь, ты готов. Завтра начнём изучать Вторую Форму. Коготь, Пронзающий Пустоту.

Сяо Ху принял флягу дрожащими руками. Поднёс к губам. Сделал глоток.

Вода была холодной и чистой.

Где-то глубоко внутри, в самом сердце дантяня, сиропная Ци замерцала, свернулась спиралью и застыла ещё плотнее. А над головой — на макушке — пульсировало тепло. «Солнце на голове» раскрылось. Не полностью, но достаточно, чтобы Сяо Ху чувствовал небо.

Восьмая ступень. Конденсация. Укреплена.

Сяо Ху закрыл глаза и позволил себе улыбнуться.

— Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз.

Слова Сун Чжуна врезались в память Сяо Ху, как клеймо. Этот ученик запомнит их навсегда.

Сяо Ху поднялся на ноги. Руки ещё дрожали, но в груди уже разгоралось что-то твёрдое — не ци, не сила. Голод.

Он сделал шаг вперёд и опустился на одно колено. Кулак упёрся в пыль. Голова склонилась.

— Этот ученик просит Старшего показать Вторую Форму.

Тишина повисла во дворе плотной пеленой. Сун Чжун замер на пороге. Не обернулся. Просто стоял, и ветер трепал края его ветхого халата.

— Ты не готов, — голос старика звучал глухо, без насмешки. — Но ты просишь правильно. Встань.

Сяо Ху поднялся.

Сун Чжун медленно повернулся. В полумраке его глаза блеснули холодным светом — не старческим, не уставшим. Пустым. Таким пустым, что Сяо Ху на мгновение забыл, как дышать.

— Смотри. И запоминай. У тебя будет один показ. Второго не проси.

Он шагнул к стене сарая. Отдёрнул рваный мешок. За ним открылись манекены — десять штук. Бамбук, стальная проволока, сердцевина из прессованного песка. Боевые куклы старой школы, способные гасить атаки учеников вплоть до стадии Заложения Основы.

Сун Чжун встал перед ними. Руки опущены. Плечи расслаблены. Дыхание ровное — будто он собирался не убивать, а пить чай.

— Коготь, Пронзающий Пустоту, — произнёс он. — Второй удар нашей школы. Первый рвёт тьму. Этот пронзает пустоту. Разница не в технике. Разница в том, где находится твоя воля в момент удара.

Он замолчал. И исчез.

Сяо Ху не моргнул. Он смотрел в упор, не отрывая взгляда — и всё равно не увидел движения. Сун Чжун просто перестал быть здесь. Воздух качнулся, пыль дёрнулась, и в тот же миг старик стоял за спинами манекенов. Всё так же — руки опущены, дыхание ровное, лицо спокойное.

— Считай, — сказал он.

Сяо Ху открыл рот, чтобы сказать «раз», но не успел.

Манекены взорвались.

Не хлопком. Не грохотом. Они схлопнулись — каждый внутрь себя, в точку размером с кулак. Бамбук рассыпался в труху, проволока лопнула с жалобным визгом, песок брызнул веером, оседая на землю серым пеплом. Десять целей. Ноль целых. Один удар.

Сяо Ху стоял, не в силах закрыть рот. В голове билась одна мысль: я не увидел. Я смотрел в оба глаза, я не моргнул, я не отвлекся — и я не увидел, как он это сделал.

— Это — голос сорвался. Он сглотнул. — Старший как?

Сун Чжун повернулся. Пыль оседала на его плечи, на седые волосы, на жёсткие морщины. Он подошёл к останкам ближайшего манекена, носком сандалии разворошил бамбуковую труху.

— В Первой Форме ты бьёшь по тому, где тьма. Ты чувствуешь цель, ты рвёшь её, ты ломаешь. Здесь — ты бьёшь по тому, где цели нет. По пустоте. По промежутку между дыханием цели и её смертью.

Он поднял глаза на Сяо Ху. Взгляд — холодный, острый, как осколок стекла.

— Твоя ци должна пройти сквозь твою собственную плоть и выйти с той стороны, где пустота. Ты перестаёшь быть телом. Становишься точкой. Точка проходит сквозь цель раньше, чем цель понимает, что в неё попали. Ты не бьёшь по манекену. Ты бьёшь по тому мгновению, когда манекен ещё цел, но уже мёртв.

Сяо Ху молчал. Слова врезались в сознание, как гвозди в сырую доску.

— Сколько — начал он.

— Нет, — оборвал Сун Чжун. — Не спрашивай. Ты на Четвёртом уровне Конденсации Ци. Для этой Формы нужно минимум Девять. И то — только чтобы начать понимать.

Сун Чжун замолчал на полуслове. Его рука, уже поднятая, чтобы оборвать вопрос, застыла в воздухе. Он прищурился — медленно, как змея, примеряющаяся к броску.

— Ты хочешь сказать, что я ошибся?

Сяо Ху стоял ровно. В голосе не было вызова — только факт.

— Старший сказал, что я на Четвёртом уровне Конденсации Ци. Это было два года назад. Сейчас я на Восьмом.

Тишина. Пыль оседала на землю. Где-то вдалеке хлопнула дверь — кто-то из духов секты Звёздного Тигра возвращался с дневной охоты.

Сун Чжун смотрел на него долго. Очень долго. Потом медленно выдохнул, и в этом выдохе смешались удивление и уважение.

— Восьмой уровень. За год. Один удар. Десять тысяч раз в день.

Он покачал головой.

— Я знал, что ты упрямый щенок. Но чтобы настолько

Старик сплюнул в пыль, почесал подбородок и вдруг усмехнулся — впервые за многие месяцы по-настоящему, тепло, без горечи.

— Тогда всё меняется. Если ты на Восьмом, тебе не нужен год до Девятого. Тебе нужен месяц. Может быть, два. Если не сдохнешь от рвения.

Он развернулся и пошёл к сараю.

— Жди здесь.

Сяо Ху стоял, не двигаясь. Сердце колотилось где-то в горле. Месяц. Не год. Месяц.

Из сарая донёсся грохот — Сун Чжун что-то искал среди старых ящиков. Лязгнуло железо, хрустнула гнилая доска. Наконец старик вышел, держа в руках пыльный свиток — перевязанный чёрной шёлковой нитью, с печатью, похожей на коготь, вцепившийся в луну.

Он протянул свиток Сяо Ху.

— Девятый уровень. Прорыв. Методы нашей школы. Потомки Звёздного Тигра не ждут милости от небес — они берут её сами.

Сяо Ху принял свиток дрожащими руками. Шёлк был холодным, как лёд.

— Этот ученик благодарит Старшего.

— Не благодари, — Сун Чжун уже шёл к крыльцу. — Когда пробьёшься, начнём Вторую Форму. И помни: Коготь, Пронзающий Пустоту — это не техника. Это состояние. Ты должен стать пустотой прежде, чем ударишь.

Дверь закрылась.

Глава 20

Сяо Ху стоял посреди двора со свитком в руках. Солнце опускалось над хребтом Звёздного Тигра, заливая камни золотом.

Он развязал шёлковую нить. «Шаг Скрытой Луны» — позволяет мгновенно перемещаться на 6,5 метров с призрачным следом.

Сяо Ху прочитал: прежде чем отринуть форму для высшего мастерства, нужно сначала довести до совершенства движение в пределах этого мира. «Шаг Скрытой Луны» был очередным испытанием.

Свиток с техникой перемещения он изучал неделю. Текст был суров: «Для создания призрачного следа нужно не двигать тело, а переместить намерение. Путь в 6,5 метра — это расстояние между твоим Я здесь и твоим Я там. Если след ярк — ты привязан к реальности. Если след исчезает в момент касания земли — ты стал тенью луны».

Двор секты стал для Сяо Ху пыточной камерой. Он разметил камни: ровно шесть с половиной метров от крыльца до основания старого сухого дерева.

Первые три дня были адом. Сяо Ху пытался «бежать» быстрее, разгонять Ци в ногах, использовать взрывную мощь мышц. Итог: сбитые в кровь ступни, вывихнутые щиколотки и издевательский смех Сун Чжуна из окна дома.

— Ты бежишь как обычный смертный, щенок! — доносилось оттуда. — Скрытая Луна не бежит! Она просачивается сквозь щели пространства! Прекрати толкать землю, начни её обманывать!

На пятый день, когда солнце уже клонилось к закату, Сяо Ху перестал пытаться «прыгнуть». Он сел в позу лотоса прямо посреди дистанции. Он начал вливать Ци не в мышцы, а в пустоту вокруг себя. Он представлял, как пространство между ним и деревом — это не воздух, а густое масло, которое нужно пронзить иглой сознания.

Вдох. Выдох. Задержка дыхания на полу вздохе. То самое мгновение, когда мир замирает. Он рванул.

Не телом — волей. Тяжелый рывок — и в глазах потемнело. Воздух вокруг него на мгновение сжался, превратившись в холодный серебристый туман. Сяо Ху почувствовал, как реальность сопротивляется, пытается вытолкнуть его обратно, но он, словно нож сквозь шелк, прорезал этот путь.

Удар. Он оказался у дерева. Но инерция швырнула его в ствол, и он с глухим стуком врезался плечом в кору.

За спиной, на траве, остался дымчатый, дрожащий след его фигуры. Он был слишком четким, слишком плотным — как отпечаток ладони на запотевшем стекле.

— След ярче пламени факела, — голос Сун Чжуна прозвучал совсем рядом. Мастер стоял у веранды, скрестив руки. — Любой враг с закрытыми глазами почувствует твое присутствие по этому следу. Ты не тень, ты — всполох сигнального огня.

— Как сделать его тоньше? — Сяо Ху вытирал выступившую на лбу кровь.

— Сделай так, чтобы след не «оставался», а «растворился». Ты должен перемещаться не через пространство, а вместо пространства. Когда ты прыгаешь, тебя здесь быть не должно. Совсем.

Сяо Ху закрыл глаза. Еще сто раз. Двести. Тысяча.

Постепенно след из призрачно-белого стал превращаться в легкую рябь, как воздух над раскаленной печью. Он учился разбивать Ци в момент прыжка, превращая её в короткий импульс, пронизывающий пространство от точки А до точки Б так быстро, что реальность не успевала «запомнить» его движение.

На исходе десятого дня он совершил прыжок, после которого след исчез раньше, чем его подошвы коснулись земли. Он стоял у дерева, не издав ни звука, не оставив ни пылинки в воздухе. Абсолютная бесшумность.

Сун Чжун подошел, внимательно изучил чистое пространство, где только что прошел ученик, и коротко кивнул:

— Теперь ты не оставляешь следов. Теперь ты готов к порогу.

Мастер развернулся, вошел в дом и вынес старый свиток, перевязанный черной шёлковой нитью.

— Теперь, Сяо Ху, ты готов узнать, как убивать пустоту, которая позволяет тебе перемещаться.

Сяо Ху стоял во дворе, сжимая в руках свиток. Закат снова золотил камни, отбрасывал длинные тени. Он развязал чёрную шёлковую нить — та скользнула по пальцам, будто живая. Ещё одна печать в виде когтя, вцепившегося в луну, треснула с тихим шелчком.

Он развернул пергамент. Первые строки гласили:

«Девятый уровень Конденсации Ци не есть накопление. Это — прорыв. Ты не наполняешь сосуд. Ты разбиваешь его. Твой Даньтянь должен лопнуть от молчания. Твои меридианы должны сгореть от тишины. Только в абсолютной пустоте внутри рождается новая плотность — та, что пронзит реальность.»

Сяо Ху закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Ци в его Даньтяне была густой, плотной, как тяжёлый мёд. Восемь уровней Конденсации. Ещё один — и он сможет прикоснуться к Второй Форме.

Он начал с дыхания. Глубокий вдох — Ци поднималась по позвоночнику. Медленный выдох — она опускалась в нижний Даньтянь. Круг за кругом. Час. Два. Три.

Ничего не происходило.

Ци гудела, кружилась, но не стучалась, не прорывалась. Сосуд был полон, но не лопался. Сяо Ху открыл глаза. Ночь уже опустилась на двор. В окнах фонарей не горело — духи секты Звёздного Тигра исчезли ровно в двадцать ноль-ноль, забрав с собой весь свет и звук.

Он остался один в абсолютной тьме. И в тишине.

И тогда он понял.

Ошибка не в циркуляции. Ошибка в намерении. Он пытался накопить девятый уровень. Но девятый уровень не накапливается. Он *отбирается*.

Сяо Ху встал. Свиток упал в пыль. Он закрыл глаза и сделал не дыхание — а обратное дыхание.

Он *выдохнул* всю свою Ци.

Не в мир. Внутрь. В самое сердце Даньтяня.

Это было как вывернуть себя наизнанку. Меридианы закричали от боли, кости затрещали, в ушах зазвенело. Он выталкивал из себя силу, которую копил год. Выдавливал по капле. Опустошал.

Через час он стоял на коленях, обессиленный, с пустотой вместо Даньтяня. Сквозь него гулял ветер. Он был выпотрошен.

И только тогда, в этой абсолютной внутренней пустоте, он почувствовал её.

Не Ци. Не силу. Не энергию.

Точку. Бесконечно малую, бесконечно плотную. Чёрную дыру где-то за грудиной, которая тянула в себя всё — остатки Ци, сознание, даже свет от звёзд.

Он ухватился за эту точку.

И *схлопнул*.

Мир взорвался. Нет — он *схлопнулся*. Пространство двора, камни, тьма — всё рухнуло внутрь этой точки, прошло сквозь неё и вышло, с другой стороны, *новым*.

Сяо Ху открыл глаза. Он всё ещё стоял на коленях. Но теперь сквозь его кожу светилось холодное, серебристое сияние. Ци не текла по меридианам. Она *была* меридианами. Каждая клетка тела дышала отдельно, каждая кость пела свою песню.

Девятый уровень Конденсации Ци.

Он поднял руку. Без усилия. Без мысли. Просто поднял — и воздух вокруг пальцев затрепещал, покрывшись паутиной микроскопических разломов.

— Неплохо.

Голос прозвучал прямо у него за спиной.

Сяо Ху не обернулся. Он уже знал, кто это.

— Старший.

Сун Чжун вышел из тени. В его глазах отражалось серебристое сияние Сяо Ху.

— Два дня. Вместо месяца. Ты не просто пробился — ты прошёл сквозь. Теперь ты готов не к пониманию. Ты готов к действию.

Старик подошёл к центру двора, к тому месту, где неделю назад взрывались манекены.

— Коготь, Пронзающий Пустоту. Вторая Форма школы Звёздного Тигра. Первая — рвёт тьму. Вторая — пронзает пустоту. Но пустота — это не ничто. Это дверь. Дверь между тем, что есть, и тем, что *может быть*.

Он повернулся к Сяо Ху.

— Ты научился опустошать себя. Теперь научись опустошать удар. Покажи мне Первую Форму.

Сяо Ху встал. Принял стойку. Коготь, Рвущий Тьму. Он бил эту форму десять тысяч раз в день целый год. Движение было вписано в кости, в кровь, в само дыхание.

Он ударил.

Воздух рванул с сухим хлопком. Камни под ногами дрогнули. Это был идеальный удар — точный, сконцентрированный, наполненный до краёв силой Девятого уровня.

Сун Чжун смотрел, не моргнув.

— Сильно. Смертельно для любого на твоём уровне. И совершенно бесполезно против Второй Формы.

Он шагнул вперёд. Не принял стойку. Не собрал Ци. Просто встал.

— Смотри.

И ударил.

Нет — он не ударил. Он пропустил удар сквозь себя. Его рука исчезла. На её месте повисла дыра в реальности — чёрная, бездонная, засасывающая свет. И из этой дыры вышло движение. Не удар, а его отсутствие. Его отрицание.

Манекенов не было. Но Сяо Ху *чувствовал*, как на их месте рождаются десять взрывов в обратном порядке: сначала — тишина, потом — схлопывание, и только потом — осознание, что здесь что-то было уничтожено.

— Ты бьёшь не по цели, — сказал Сун Чжун, опуская руку. — Ты бьёшь по возможности цели существовать. Ты не разрушаешь. Ты стираешь.

Сяо Ху стоял, пытаясь осмыслить увиденное. Его ум отказывался это понимать. Но тело тело уже помнило. Мускулы подрагивали, повторяя движение, которого не было.

— Я не могу так.

— Ещё нет, — Сун Чжун подошёл к сараю, сдернул ещё один мешок. За ним оказался не манекен, а каменный столб — старый, покрытый трещинами, с высеченными на нём иероглифами. «Столб Молчаливой Верности». Памятник основателям секты. Неразрушимый.

— Бей его. Первой Формой.

Сяо Ху взглянул на столб, потом на Сун Чжуна.

— Он не разрушится.

— И не должен. Бей.

Сяо Ху собрал Ци. Вся сила Девятого уровня хлынула в кулак. Он ударил.

Камень дрогнул. От столба откололся осколок размером с кулак. Удар оставил вмятину глубиной в палец.

— Теперь смотри.

Сун Чжун подошёл к столбу. Коснулся его пальцем. Не ударил. Коснулся.

И столб исчез. Не рассыпался. Не взорвался. Он просто перестал быть там, где был. На его месте повисла идеальная пустота, которая через мгновение заполнилась воздухом с глухим хлопком.

От столба не осталось даже пыли.

— Первая Форма бьёт по тому, что есть. Вторая — по тому, чего нет, — Сун Чжун вытер палец о халат. — Твой удар был сильным. Мой — был отсутствием удара. Разницу чувствуешь?

Сяо Ху чувствовал. Разницу между разрушением и стиранием. Между силой и пустотой.

— Как научиться?

— Забыть, — сказал Сун Чжун. — Забыть Первую Форму. Забыть, что ты умеешь бить. Забыть, что у тебя есть руки. Когда ты ударишь в следующий раз, это должен сделать не ты. Это должна сделать пустота, которой ты стал.

Он повернулся и пошёл к дому.

— Тренируйся. Когда забудешь всё — приходи. Покажешь, что осталось.

Дверь закрылась.

Сяо Ху остался один во дворе перед местом, где когда-то стоял Столб Молчаливой Верности. Теперь там была только ровная площадка из утоптанной земли.

Он поднял руку. Посмотрел на неё. Пальцы, сложенные в Коготь. Кость, мышцы, кожа. Плоть.

Забыть.

***.

Время здесь текло иначе.

Сяо Ху сидел на краю обрыва, свесив ноги в пропасть. Внизу клубился туман, подсвеченный бледным светом луны. Два года. Два года бесконечных тренировок, синяков, сломанных костей и ночей без сна.

Два года одиночества.

Сун Чжун был рядом, но он был учителем, а не другом. Духи секты Звёздного Тигра появлялись ровно в шесть ноль-ноль, приносили пилюли и завтрак, и исчезали ровно в двадцать ноль-ноль, будто их выключали. Никто не говорил с ним о прошлом. Никто не спрашивал, откуда он. Никто не звал по имени, кроме старика.

Сяо Ху смотрел на луну и думал о Шу Мэй.

Она осталась там, в той жизни. Там, где один год здесь — чуть больше часа снаружи. Он помнил это правило, высеченное на каменной стеле у входа в секту: «День внизу — год наверху. Час снаружи — вечность внутри».

Вечность.

Он провёл здесь два года. Для неё прошло чуть больше двух часов. Она, наверное, даже не заметила его отсутствия. Может быть, она всё ещё ждёт у того же входа, залечивая раны. Может быть, она думает, что он просто задержался по делам.

Но что, если что-то изменилось? Что, если временной поток синхронизировался? Он слышал обрывки разговоров духов о «Великом Сдвиге» — событии, которое случилось раз в тысячу лет, когда время внутри и снаружи выравнивалось. Если это произошло, пока он тренировался, то для Шу Мэй прошло не два часа, а целых два года.

Два года без вестей от него.

Сяо Ху сжал кулаки. Костяшки побелели.

Она могла подумать, что он бросил её. Что он сбежал. Что он умер.

Но потом он посмотрел на свои руки. Маленькие, детские руки. Он выглядел ровно на восемь лет — таким же, каким вошёл в этот двор два года назад. Время внутри секты не трогало его тело. Только дух. Только мастерство.

Если время синхронизировалось, его внешность осталась прежней. А значит, Шу Мэй, если она жива, если она ждёт, увидит того же мальчика, которого провожала.

— Шу Мэй — прошептал он в пустоту. — Ты ждёшь?

Ветер унёс его слова в пропасть.

И вдруг тишина стала другой.

Не та тишина, которая бывает, когда вокруг ни души. А та, которая бывает, когда кто-то очень большой затаил дыхание.

Сяо Ху замер.

Воздух сгустился. Стал плотным, как смола. Каждый волосок на его коже встал дыбом. Он не слышал шагов, не чувствовал запаха, не видел движения — но знал, что он здесь.

Тигр.

Не Сун Чжун. Не дух. Не тень. Сам Звёздный Тигр — дух-покровитель секты, та сила, что спала где-то в недрах горы, питаясь энергией столетий.

Голос пришёл не извне. Он родился прямо в черепе Сяо Ху, низкий, вибрирующий, похожий на гул земных недр:

— Ты почти готов встретиться со мной.

Сяо Ху не обернулся. Не посмел.

— Уже близко.

Давление исчезло так же внезапно, как появилось. Воздух снова стал воздухом. Луна снова стала луной. Тишина — просто тишиной.

Сяо Ху сидел, не двигаясь, пока сердце не перестало колотиться о рёбра.

— Почти готов, — повторил он шёпотом.

Он поднялся. Развернулся. И пошёл обратно во двор.

Там его ждал Сун Чжун.

Старик стоял у сарая, опираясь на клюку. Обычно он смотрел на Сяо Ху с холодным расчётом или сухой критикой. Но сейчас в его глазах горело что-то другое.

— Ты слышал его, — не спросил, а утвердил Сун Чжун.

— Да.

— И ты всё ещё стоишь на ногах, а не лежишь в луже собственной мочи.

Старик хмыкнул. Потом его губы дрогнули. И он улыбнулся.

Впервые за два года.

— Я думал, ты сломаешься на второй луне, — сказал Сун Чжун. — Я думал, ты убежишь. Я думал, твой дух треснет, как гнилой кувшин. Но ты выдержал. Ты не просто выжил — ты стал сильнее.

Он оттолкнулся от клюки и выпрямился. Сяо Ху увидел в нём не дряхлого старика, а воина. Кости расправились, плечи развернулись, взгляд стал острым, как лезвие.

— Ты освоил Шаг Скрытой Луны. Ты пробил Девятый уровень Конденсации Ци. Ты понял природу пустоты.

Сун Чжун поднял руку. Его пальцы сложились в Коготь.

— Теперь покажи мне, что ты понял Вторую Форму.

Сяо Ху кивнул.

Он закрыл глаза.

Вдох.

Выдох.

Забыть.

Забыть тело. Забыть форму. Забыть, что он умеет бить. Забыть, что у него есть кулаки.

Он не стал собирать Ци. Он не стал напрягать мышцы. Он просто отпустил своё существование в момент удара.

Мир схлопнулся до одной точки.

Сяо Ху шагнул вперёд и нанёс удар.

Не кулаком. Не ладонью. Не пальцами.

Отсутствием.

В тот миг, когда его рука должна была встретить пустоту, реальность сошла с ума. Пространство перед ним выгнулось, пошло рябью, как под сильным ветром, а затем исчезло. На месте удара повисла чёрная дыра размером с кулак — идеально круглая, бездонная, засасывающая свет.

Она висела ровно три удара сердца.

Потом схлопнулась с сухим звуком, оставив после себя только потрескивающий воздух и запах озона.

Сяо Ху стоял, тяжело дыша. Пот градом катился по лицу. Каждая клетка тела кричала от напряжения — техника высасывала Ци как пиявка.

Но он сделал это.

Коготь, Пронзающий Пустоту.

Сун Чжун смотрел на место, где только что была дыра в реальности. Его глаза — мутные, старые — теперь блестели.

— Ты понял, — сказал он тихо. — Ты действительно понял.

Он подошёл к Сяо Ху и положил руку ему на плечо. Ладонь была сухой и горячей, как камень, прогретый солнцем.

— Через три дня ты встретишься с Тигром. Если он признает тебя — ты получишь Наследие Школы. Если нет — ты умрёшь.

Старик развернулся и пошёл к дому.

— Отдыхай. Завтра начинается последний этап.

Глава 21

Сяо Ху не спал в ту ночь. Луна поднялась. Звёзды высыпали на небо, как рассыпанный жемчуг.

Он сидел на холодном камне посреди двора, скрестив ноги, и пытался успокоить дыхание. Луна уже перевалила за зенит, тени стали длинными и хищными. Где-то в горах выли духи — или это ветер играл с расщелинами скал.

Он думал о завтрашнем дне.

Встреча с Звёздным Тигром. Сама суть школы. Тот, кто создал эту секту тысячу лет назад, и чья воля до сих пор питала эти земли.

Сяо Ху не знал, чего ожидать. Боя — да. Испытания — возможно. Смерти — тоже не исключено.

Но когда рассвет разорвал горизонт оранжевой полосой, Сун Чжун вышел из дома и молча кивнул.

— Пора.

Они пошли не вглубь горы, как думал Сяо Ху, а вверх. По каменной лестнице, вырубленной прямо в скале так давно, что ступени стёрлись в гладкие желоба. Тропа вилась серпантинном вокруг пика, поднимаясь всё выше, пока воздух не стал разреженным и холодным.

На вершине не было храма. Не было алтаря. Не было статуй.

Была только площадка из чёрного обсидиана, идеально отполированная, отражающая небо как зеркало. А в центре площадки — ничто.

Пустота. Но не обычная. Она дышала.

Сун Чжун остановился у края.

— Дальше я не пойду. Тигр не терпит старика. Только ученик, прошедший путь, может ступить в его обитель.

Он посмотрел на Сяо Ху долгим, тяжёлым взглядом.

— Помни: Тигр не проверяет твою силу. Он проверяет твою суть. Если ты солжёшь сам себе — он сожрёт тебя быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Сяо Ху сглотнул. Кивнул.

И шагнул на чёрную плиту.

Мир перевернулся.

Пространство схлопнулось, растянулось, выгнулось и — исчезло. Сяо Ху стоял в бесконечной белой пустоте. Ни верха, ни низа, ни звука, ни ветра. Только он и тишина.

А потом из белизны проявились глаза.

Огромные, янтарные, с вертикальными зрачками. Они смотрели на него отовсюду и ниоткуда одновременно.

— Маленький смертный.

Голос Звёздного Тигра звучал не снаружи, а внутри. От него вибрировали кости, дрожали меридианы, плавилась Ци.

— Ты прошёл врата. Ты выучил шаг. Ты разбил пустоту когтем. Но это всё — лишь оболочка. Скажи мне, мальчик: что ты ищешь?

Сяо Ху открыл рот, но голос застрял в горле.

Что он ищет?

— Я — он запнулся. — Мне нужно отомстить за смерть моих родных. Сейчас спасти подругу. Шу Мэй. Она больна. Ей нужны редкие травы и защита. Я хочу стать сильным, чтобы защитить её.

Глаза моргнули — раз, другой. Медленно, величественно.

— Достойная цель но мелкая. Ты хочешь большего. Ты сам этого ещё не знаешь, но твоя душа голодна. Она хочет не просто спасти одну жизнь — она хочет видеть.

Перед Сяо Ху вспыхнули три светящихся свитка. Каждый был соткан из чистого света и древних иероглифов, которые пульсировали в такт его сердцебиению.

— Выбирай, мальчик. Школа Звёздного Тигра дарует своим истинным ученикам одно из трёх наследий. Но помни: выбрав — ты уже не сможешь взять другое. Путь культивации — это путь отсечения лишнего.

Сяо Ху подошёл ближе, вглядываясь в иероглифы.

Первый свиток: Бесшумная поступь тигра (Ранг: Редкий четыре формы)

«Шаг стелется по земле как утренний туман. Враг не слышит тебя, не чувствует, не видит. Ты становишься тенью среди теней. Идеально для скрытного передвижения, убийц и разведчиков. Но грубая сила не твой путь.»

Второй свиток: Стремительный рывок тигра (Ранг: Редкий три формы)

«Мгновенный взрыв скорости, разрывающий дистанцию. Ты бьёшь раньше, чем враг успевает моргнуть. Идеально для атаки и инициативы. Но тонкое восприятие остаётся слепым.»

Третий свиток: Интуиция Звёздного Тигра (Ранг: Бессмертный единая форма)

«Дар видеть суть вещей. Ты смотришь сквозь иллюзии, стены и маскировку. Ты чувствуешь ауру другого как открытую книгу. Ты скрываешь свою Ци так, что даже небожитель не найдёт тебя без твоего желания. Ты видишь древнюю Ци, спрятанную в камнях, корнях и костях. Но этот дар требует времени. Он не даёт мгновенной силы. Он растит тебя медленно, но верно — к бессмертию.»

Сяо Ху замер.

Первые две техники — сильные, понятные, боевые. То, что спасёт его в ближнем бою. То, что он мог бы использовать уже завтра.

Но третья третья звала его. Она шептала на языке, которого он не знал, но понимал сердцем.

Он вспомнил слова Сун Чжуна: «Ты солжёшь себе — он сожрёт тебя».

— Третье, — сказал Сяо Ху твёрдо. — Я выбираю Интуицию Звёздного Тигра.

Тишина.

А потом — раскатистый, глубокий смех, от которого задрожала сама белая пустота.

— Мудрый выбор, маленький тигрёнок. Многие хватаются за силу, что видна сразу и увеличивается в последующем. Но только тот, кто выбирает зрение, видит путь к бессмертию.

Свиток вспыхнул золотом и вонзился прямо в грудь Сяо Ху.

Боль была чудовищной — как будто ему вскрыли позвоночник и залили туда расплавленный металл. Он упал на колени, не в силах дышать. Глаза залило белым светом. Меридианы горели, разрывались и сплетались заново.

— Твои вены Жэнь Ду открыты, — гудел голос Тигра. — Поток Ци пронзил твоё тело. Теперь слушай внимательно:

Для запуска потока Ци необходимо открыть две вены Жэнь Ду.

Они позволяют Ци проникнуть в тело из Юнцюаня — точек под твоими стопами.

После открытия вены пересекают бульвар — макушку — и направляют поток в Дантянь. Завершают цикл, сгущая Ци в море Ци.

Сяо Ху чувствовал это — как энергия земли поднимается по ногам, проходит через копчик, поднимается по позвоночнику, ударяет в макушку и обрушивается водопадом в низ живота. Там она собиралась, закручивалась спиралью, уплотнялась.

— Теперь о главном. Ци — это не просто топливо. Это живая материя. Она растёт, мутирует, эволюционирует.

Когда Ци накапливается до предела — она прорывается через тяжёлые энергетические барьеры.

Море Ци переполняется, и происходит качественный скачок.

Истинная Ци конденсируется, разрушается и эволюционирует в новую форму.

Улучшенное качество Ци позволяет перейти на следующий уровень практики.

Но после каждого прорыва требуется повторная эксплуатация — закрепление результата.

Цикл слияния и разбиения повторяется для полной эволюции.

Намекаю, тебе доступны ещё две скрытые ступени кондиция Ци, тот старик поможет.

Сяо Ху открыл глаза.

Он всё ещё стоял на коленях на чёрном обсидиане. Белая пустота исчезла. Вокруг снова были скалы, небо и ветер.

Но он чувствовал всё.

Он чувствовал, как под камнем, в десяти метрах вниз, течёт небольшая жила слабой древней Ци — остаток формации, построенной тысячу лет назад. Он чувствовал ауру Сун Чжуна — не как простую энергию, а как слои: боль в левом колене, скрытый страх смерти, гордость за ученика, глубокую печаль от потери.

И он чувствовал Тигра.

Огромный, дремлющий в недрах горы, он был как вулкан, готовый проснуться.

— Ты принял наследие, — голос Тигра стих до шёпота. — Но, чтобы стать истинным учеником Школы Звёздного Тигра, ты должен достичь уровня Основания Ци. Докажи, что достоин. Тогда я стану твоим спутником на пути культивации.

Иди, маленький тигр. Мир ждёт.

Сяо Ху встал.

Он всё ещё был восьмилетним мальчиком с детскими руками и ростом по пояс взрослому. Но внутри него горел новый огонь. Он чувствовал древнюю Ци глубоко в камнях. Он слышал ауры духов в ветре. Он знал, что скрыто за стенами и иллюзиями.

Он спустился с вершины и встретил Сун Чжуна у подножия лестницы.

Старик посмотрел на него — и его глаза расширились.

— Твои глаза

— Я выбрал Интуицию Звёздного Тигра, — сказал Сяо Ху.

Сун Чжун долго молчал. Потом медленно поклонился — впервые за два года.

— Тогда ты больше не просто ученик, — сказал он, поднимая голову. — Ты — наследник.

— Вот кольцо с пространственным хранилищем, в нём печать ученика Звёздного Тигра, а старую печать я заберу.

Сяо Ху посмотрел на мастера Сун Чжуна и низко поклонился, соединив ладони.

— Этот младший даже мечтать не смел, что ему окажут такое почтение. Спасибо, старший Сун Чжун.

— Ученики школы Звёздного Тигра не лизут задницы, они требуют своё. Так что заканчивай с лестью. Это теперь твой дом, но эта обитель лишь малая крошка наследия, в кольце спит насекомое-светлячок, как он проснётся, укажет путь к другому филиалу Звёздного Тигра, там мастера помогут тебе на пути культивации.

Сяо Ху принял кольцо. Оно было тяжёлым, холодным, с выгравированным силуэтом тигра, прыгающего сквозь звёзды. Едва он надел его на палец, как кольцо само сжалось, подстроившись под размер, и исчезло из виду — только лёгкое покалывание на коже напоминало, что оно здесь.

— Я не подведу школу, — сказал Сяо Ху тихо, но твёрдо.

Сун Чжун хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то тёплое.

— У тебя есть три дня, чтобы собраться и освоить начальное управление Интуицией. После этого — уходишь. Запомни: насекомое-светлячок в кольце спит крепко. Чтобы пробу-

дить его, нужно напитать своей Ци. Делай это каждый день понемногу — тогда он поведёт тебя, когда придёт время.

Сяо Ху кивнул и разжал ладонь. Он чувствовал кольцо кончиками пальцев, хотя его и не было видно. Внутри хранилась — небольшое пространство размером с комнату, где лежал один свиток, печать ученика Звёздного Тигра, несколько флаконов с пилюлями восстановления, запас риса и сушёного мяса, а в углу, свернувшись клубочком, спал крошечный светлячок. Его аура пульсировала еле заметно, как затухающий уголёк.

Он поклонился мастеру ещё раз, развернулся и пошёл вниз по тропе.

Три дня пролетели как один миг.

Сяо Ху тренировался без остановки. Он учился не просто смотреть сквозь иллюзии — он учился видеть слои реальности. Сначала это было похоже на шум: ауры деревьев, духов, камней, зверей — всё смешивалось в какофонию света и звука в его сознании. Голова раскалывалась, из носа шла кровь.

Но к концу второго дня он научился фильтровать.

Он понял, что Интуиция — это не пассивное зрение, а активный навык. Нужно решать, на что смотреть, как фокусировать линзу. Он научился отключать лишнее, оставляя только то, что важно.

На третий день он открыл в себе нечто новое.

Сидя на краю обрыва, вглядываясь в закат, он вдруг увидел не просто закат. Он увидел, как энергия солнца просачивается сквозь атмосферу, как она смешивается с Ци земли, как она питает каждую травинку и каждую букашку. Мир заиграл новыми красками — невидимыми обычному глазу.

— Красиво, — прошептал он.

И впервые за долгое время улыбнулся.

Утром четвёртого дня Сяо Ху стоял у ворот поместья. Сун Чжун не вышел провожать, но Сяо Ху знал — старик следит за ним из окна.

— Увидимся, мастер, — сказал он в пустоту ветра.

И шагнул за ворота.

Тропа, ведущая от школы, была узкой и петляла между скал. Теперь, с открытой Интуицией, Сяо Ху видел то, чего не замечал раньше: по краям тропы прятались знаки древних формаций, замаскированные под обычные камни и коряги. Они охраняли путь от незваных гостей. Сяо Ху обходил их без труда, чувствуя границы их действия.

Через час ходьбы он вышел на небольшую поляну и замер.

В центре поляны стоял человек — высокий, тощий, одетый в старый плащ с капюшоном, скрывающим лицо. Из-под плаща торчала рукоять длинного меча.

— Ты тот мальчишка, что вышел из школы Звёздного Тигра? — голос был скрипучим, сухим, как старая кора.

Сяо Ху насторожился.

— А кто спрашивает?

Человек скинул капюшон. Лицо было изрезано шрамами, один глаз закрыт бельмом, другой — холодный, зелёный, горел слабым светом.

— Меня зовут Цзянь Чан, — он ухмыльнулся, обнажив щербатые зубы. — Я слышал, у тебя теперь есть кое-что ценное. Печать наследника Звёздного Тигра. Чёрный рынок даёт за неё не одну тысячу духовных камней.

Сяо Ху вздохнул.

— Я так понимаю, по-хорошему ты не уйдёшь.

Цзянь Чан рассмеялся сухим, трескучим смехом.

— Умный мальчик. Жалко, что недолго проживёшь.

Он выхватил меч.

Лезвие полоснуло воздух с мокрым свистом. Сяо Ху включил Интуицию — мир замер. Он видел траекторию удара, видел, как Ци течёт по клинку, видел слабое место — в плече противника, где старая рана перекрывала меридиан.

Сяо Ху шагнул влево.

Лезвие прошло в миллиметре от его виска — он почувствовал, как ветер разрезал кожу, и тонкая струйка крови потекла по щеке.

Мальчик крутанулся, используя "Шаг, разбивающий пустоту", и оказался за спиной Цзянь Чана. Ладонь, наполненная Ци, ударила в основание черепа.

Хруст.

Шейные позвонки лопнули, как сухие ветки. Глаза Цзянь Чана выкатились из орбит. Из рта хлынула кровавая пена. Он рухнул лицом в грязь, ещё дёргаясь, царапая землю пальцами — и затих.

Сяо Ху вытер пот со лба. Руки дрожали. Он обыскал труп, забрал меч и восемь монет. Тело разбойника оставил на поляне — пусть духи пируют.

— Чтоб тебя переродили сорняки, — прошептал он. Сяо Ху пошёл дальше, вскоре он увидел повозку внутреннего ученика.

На коврике, скрестив ноги, сидел Лун Цзянь — внутренний ученик клана Тяньлун. Белые одежды, надменное лицо, руки сложены в мудру.

— Лун Цзянь, можешь не ждать своего человека, он немного умер, встав на мою дорогу. Нужно решить наш спор, здесь и сейчас.

— Наследие школы Звёздного Тигра — слишком лакомый кусок, чтобы какой-то мальчишка владел им единолично. — Вставая с коврика, на котором обычно медитируют практики, ответил Лун Цзянь.

— Я ведь тебя спас от духа твоего учителя, и это твоя благодарность?

— Ты быстро умрёшь. Это и будет моя благодарность. — Лун Цзянь хлопнул в ладоши.

Из-под земли, прямо под ногами Сяо Ху, выпрыгнула кукла. Девочка с пустыми глазами, в разорванном платье. Её руки вытянулись в когти, нацеленные в горло мальчика.

Шелест.

Кукла разлетелась на куски фарфора, не успев коснуться земли. Сяо Ху даже не шевельнулся — он увидел её траекторию за секунду до атаки и просто выпустил Ци-импульс через точку Юнцюань.

— Хорошо, — процедил Лун Цзянь, вставая. — Ты чему-то научился.

Сяо Ху не слушал.

Он уже рванул вперёд, используя "Шаг Скрытой Луны" и "Коготь, Пронзающий Пустоту" одновременно. Расстояние в десять метров исчезло в один миг.

Вжух.

Когти вошли в грудь Лун Цзяня. Не встретив сопротивления, они разорвали плоть от ключицы до паха. Внутренности вывалились наружу, хлюпая и паря на холодном воздухе.

Лун Цзянь открыл рот — но вместо крика из горла вырвался лишь булькающий хрип. Он рухнул на колени, потом на спину, глядя в небо пустыми глазами. Кровь залила землю на пару метров вокруг.

Сяо Ху тяжело дышал. Пальцы были мокрыми и липкими. Он вытер их о штаны — но кровь вьелась под ногти.

Шу Мэй, стоявшая в стороне, побелела как мел.

— Чудовищная сила, — прошептала она. — Сяо Ху Ты точно на седьмом уровне сбора Ци?

— Вставайте, старшая. — Он помог ей подняться, чувствуя, как дрожит её рука. — Нужно уходить. Сейчас.

Он открыл кольцо — светлячок всё ещё спал, свернувшись клубочком. Только шевельнулся и снова затих.

— Рано, — буркнул Сяо Ху. — Нужно больше Ци. Вдохнул, поправил меч за спиной и зашагал по тропе в сторону ближайшего города, где, по слухам, росла редкая трава, которую искала Шу Мэй.

— Маленький тигрёнок только начал учиться охотиться, — произнесла Шу Мэй.

Мы не стали мародёрствовать вещами Лун Цзяня — это могло отнять время и попусту привлечь внимание ненужных людей.

Уже к вечеру этого дня мы были в деревне "Белых Садов", где в полночь присоединились к торговому каравану, который шёл в сторону города Семи Озёр, пересекал его и уходил далеко на запад. Так мы ехали степями, минуя большие города, четыре дня.

Глава 22

Повозка мерно вздрагивала на ухабах древней дороги, что змеилась меж редких перелесков и пологих холмов. Шу Мэй сидела, прислонившись спиной к мягкому тюку, а на её коленях покоилась голова Сяо Ху — мальчишки, который спал с удивительной безмятежностью того, кто ещё не научился носить свою боль. Того самого мальчишки, что принёс ей страшную весть: муж пропал, канул в Нижний мир.

В этот миг она впервые за долгие годы ощутила себя матерью. Пальцы сами скользили по русым вихрам, путались в прядях. Судьба не дала ей познать радость держать на руках своё дитя — но, быть может, именно поэтому каждое прикосновение к чужому теплу отдавалось такой острой, почти непереносимой нежностью.

Жизнь испытывала её на излом. Все зрелые годы — погоня, тени по пятам, охота за секретами клана Весеннего Ветра. И лишь однажды её оставили в покое. В тот день в таверну вошла девушка-даос. Заказала лапшу. А когда Шу Мэй приблизилась, поравнявшись с гостьей, время замерло. Пиала выскользнула из пальцев и застыла в воздухе, не долетев до стола.

Сознание провалилось в ледяной горный мир.

Шу Мэй стояла на краю пропасти. Вокруг выл буран, но она — словно в невидимом коконе — чувствовала лишь холодное прикосновение редких снежинок, лениво оседающих на одежду.

— Дитя Где твоя семья? — спросило эхо.

— Моя семья? — Глаза Шу Мэй сузились, но слеза всё равно вырвалась, обжигая щёку. — Моей семьи больше нет. Всех, кого я знала, убили ночью, пока они спали в поместье клана Весеннего Ветра.

— Почему же ты жива?

— В тот день я была со свекровью на показе свадебных платьев у Дома Сиреновой Гвоздики.

— Ты знаешь, за что убили семью Чэнь?

— Догадываюсь. Из-за наследия. Но я не боюсь смерти. И сразу скажу: того, что вы ищете, у меня нет.

— А что я ищу?

— Как и все, кто вырезал клан Чэнь Печать.

— Я не враг тебе. Я узнала то, что хотела. Твою семью убили по приказу внутреннего ученика секты Тяньлун. Глупый старик из клана Чэнь проиграл в кости всё, а чтобы сохранить свою жалкую жизнь, рассказал о печати человеку, одолжившему ему несколько золотых монет.

Пауза. Снег кружил в белом танце.

— Жаль, что ты ничего не знаешь о своём так и не ставшем супруге — Чань Вэе. Но, возможно, тебе будет интересно: старейшину Чэнь Ю секта Тяньлун назначила управляющим аптеки в городе Рудокопов, у Берёзовой жилы. Этот старик до сих пор жив. Хотя носит другое имя.

Шу Мэй моргнула — и снова стояла в своей таверне, роняя пиалу с лапшой на стол.

За столом никого не было. Лишь маленький камень духа лежал на грубой доске.

Так Шу Мэй узнала, кто на самом деле виновен в гибели полусотни её названных родственников. И чьи руки сжимали мечи, убивая главу клана Чэнь — некогда не самой слабой секты Весеннего Ветра.

Колесо повозки нырнуло в выбоину, дрогнуло, и Сяо Ху проснулся. Не подавая виду, он продолжал лежать, уткнувшись макушкой в колени Шу Мэй, и ловил каждое её прикосновение, каждый невесомый жест, который дарил ему то, чего он был лишён долгие годы.

Материнское тепло.

В его памяти всплыло лицо матери — такое же далёкое, как луна в колоде.

Повозка снова качнулась, но на этот раз Шу Мэй не стала поправлять сбившийся тюк. Она смотрела на спящего мальчика и видела не просто Сяо Ху — она видела последнюю живую ветвь клана Весеннего Ветра. Того, кто принёс из мира Звёздного Тигра наследие, что не досталось никому из уцелевших. Того, кто стал хранителем традиции, даже не подозревая об этом.

— Сяо Ху, — голос её дрогнул. — Ты спишь?

Мальчик не ответил. Но дыхание его изменилось — стало чуть глубже, чуть напряжённее. Она знала: он слышит.

— Я хочу попросить тебя об одной вещи, — она помолчала, собирая слова, словно осколки разбитой пиалы. — Ты не обязан соглашаться. Твой путь культивации останется твоим. Никто не будет указывать тебе, как дышать, как медитировать, как искать свою истину.

Она провела ладонью по его волосам, и пальцы её слегка дрожали.

— Но, если ты позволишь я хотела бы назвать тебя своим сыном. Не по крови. Не по ритуалу. А по сердцу.

Тишина. Только скрип повозки и далёкий шум листвы деревьев.

— Ты единственный, кто вернулся с наследием из мира Звёздного Тигра. Ты — последний, кто несёт традиции клана Весеннего Ветра. Я не прошу тебя становиться воином или мстителем. Я не прошу тебя брать на себя долги мёртвых. Я просто хочу, чтобы у тебя был дом. Чтобы было к кому вернуться.

Сяо Ху медленно открыл глаза. В них не было детской наивности — только та глубокая, древняя серьёзность, что появляется у тех, кто слишком рано заглянул за грань.

— Ты правда этого хочешь? — спросил он тихо.

— Правда.

Он сел, потирая глаз кулаком, и вдруг улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Шу Мэй сжалось сердце.

— Тогда я согласен. Мама.

Слово упало в вечерний воздух, как первый снег — тихо, но невесомо и вечно.

Шу Мэй притянула его к себе, чувствуя, как по щекам текут слёзы, которых она не позволяла себе много лет. Она плакала не от радости. И не от горя. Она плакала от того, что впервые за долгое время в её груди зажглась искра — тёплая, живая, настоящая.

Но глубоко под этой теплотой, в самой тёмной глубине её души, спала змея. Она не шипела, не поднимала голову — но ждала. Ждала того дня, когда Шу Мэй скажет не «сын», а «пора».

Потому что она не забыла.

Она запомнила имя аптекаря.

Она запомнила город Рудокопов — Берёзовую жилу.

И однажды, когда Сяо Ху окрепнет на своём пути, когда она убедится, что он сможет выстоять без неё

Она отправится убивать тварь, что носит чужое имя.

Но пока — она мать. И этого достаточно. Пока.

— Я получил наследство, мама и вот этот свиток. — Сяо Ху бережно положил на скатерть продолговатый предмет, похожий на бамбуковую трубку, но холодный, как лёд. — Но прочитать не могу. Язык незнакомый. Может, ты сможешь?

Шу Мэй взяла свиток из нефритовых табличек, осторожно развернула его на циновке. Несколько мгновений она молча всматривалась в древние знаки, затем начала одну за другой перебирать пластины, касаясь их кончиками пальцев. На лбу прорезалась морщинка.

— Вот это да — наконец выдохнула она, и в голосе послышалось уважение. — Я только раз слышала о таких техниках. И то — от одного старого аптекаря из столицы.

Повинуясь её прикосновению, нефритовая трубка щёлкнула, и из центра свитка выскользнули ещё девять пластин — на этот раз золотых, тонких, почти невесомых.

— Тебе, Сяо Ху, в наследство достался трактат культивации Божественного зрения. — Шу Мэй подняла глаза на сына. — А в скрытых табличках — методики укрепления сознания и меридиан. Но есть одна загвоздка: эта техника рассчитана на четвёртый порог «Конденсации Ци». А ты, сам знаешь, уже на девятой ступени.

Сяо Ху нахмурился.

— Получается этот дар мне бесполезен?

— Не спеши, — мягко осадила его мать. — Золотые таблички описывают технику перековки с уровня «Золотого ядра» на уровень «Заложения основы». Видишь таблицуковки на понижение? Она прямым текстом указывает на это.

— Мама! — Сяо Ху вскочил, едва не упав внутри повозки. — Я столько времени терпел побои от старика, чтобы пробиться на девятую ступень! А теперь ты предлагаешь мне добровольно вернуться назад и заново начать этот путь? Ради какой-то техники?

— Когда мы встретились, ты был на шестой ступени. — Шу Мэй говорила спокойно, будто не замечая его гнева. — Сейчас ты на девятой. Более того — на пороге завершённости «Конденсации Ци». Да, всю культивацию, что ты обрёл, придётся сжечь, если выберешь эту методику. Но посмотри сюда.

Она развернула одну из табличек ближе к свету.

— «Культиватор, решивший открыть в себе Образ, перековывает энергетические меридианы. Они тратятся на очищение костного мозга и укрепление силы сознания. Слух и зрение возвышаются на иной ранг. Материя и энергия в мозге перестраиваются. Постигнув технику, практик сможет видеть уже на уровне очищенного узла Даньтяня то, что начинают видеть мастера уровня Зародыша. Сознание открывает суть вещей. В радиусе двенадцати метров практик видит мир единым: сквозь стены, сквозь плоть — видит циркуляцию крови у любого зверя или человека. Он быстрее анализирует процессы и в разы быстрее понимает любые техники. А скрыв своё присутствие от зверей и практиков уровня Бессмертного для ученика, освоившего эту практику, больше не станет проблемой. Данная практика была создана бессмертным О Ёл Ши для внутренних учеников Павильона пилюль».

Шу Мэй замолчала, давая сыну время осмыслить.

— Звучит красиво, — нехотя признал Сяо Ху. — И перспективы да, впечатляют. Но я не хочу быть врачом, мама. Не хочу варить пилюли. Я хочу отомстить за смерть отца и матери. Прости меня, Мэй Но я не готов отречься от того прогресса, что у меня есть, ради варки пилюль.

— Я понимаю, маленький тигр. — Шу Мэй положила ладонь ему на плечо. — Но сейчас не спеши с выводами. Одно то, что ты будешь скрыт от сильных практиков, — уже оружие. И оно спасёт тебе жизнь. Не один раз, поверь.

Прошли сутки. Сутки размышлений, споров с самим собой, перечитывания золотых табличек при тусклом свете масляной лампы. И всё же Сяо Ху поддался доводам матери.

А как не рискнуть? Это, возможно, единственная божественная техника, что встретила на его пути. Кто даст гарантию, что удача повернётся к нему снова?

Через два дня они добрались до городка. Шу Мэй быстро нашла мастера «Серебряных игл» — Ло У, местного лекаря с усталыми глазами и четырьмя дочерьми на выданье. Она передала ему переписанную брошюру.

— Платит хорошо, — только и сказал Ло У, просмотрев странный заказ. Рецепт якобы понижения давления крови от столичных практиков!? Пусть так. У него четыре бесприданницы, деньги нужны как воздух.

Он не стал спорить. Игла вошла в тело Сяо Ху ровно в полночь. Техника начала свою перековку.

Глаза Сяо Ху расширились, когда первая игла вошла в его плоть. Он ожидал боли — жгучей, невыносимой, той, что ломает кости и рвёт меридианы. Но вместо этого по телу разлилось странное тепло, будто он погрузился в целебный источник.

— Не расслабляйся, парень, — раздался скрипучий голос Ло У. — Это только начало. Сейчас твои меридианы будут перестраиваться. В рецепте так и написано. Организм станет сопротивляться. Тебе нужно сохранять сознание любой ценой. Если отключишься — иглы пойдут не по тому руслу, и тогда прощай, культивация.

Сяо Ху стиснул зубы и кивнул. Шу Мэй стояла в углу комнаты, скрестив руки на груди. Наблюдала молча. Не вмешивалась.

Прошёл час. Второй. Третий.

Ло У работал молча, его руки двигались с точностью, отточенной десятилетиями практики. Одна за другой серебряные иглы входили в ключевые точки энергетической системы Сяо Ху. Каждое прикосновение сопровождалось едва слышным звоном.

— Твоя мать хорошо заплатила, — вдруг произнёс Ло У, не отрываясь от работы. — Но я берусь за это не только из-за денег. Такая техника я никогда не видел ничего подобного. Я представить не могу, какие боли ты познал, что решился на это. Сейчас знаешь, что происходит с твоим телом прямо сейчас?

— Меридианы перестраиваются? — выдавил Сяо Ху сквозь сжатые зубы. Тепло начало сменяться жжением. Головная боль отступает. Немного приврал малец.

— Верно. Но не просто перестраиваются. Они переплавляются. Старые каналы энергетического потока разрушаются, а на их месте вырастают новые — прочнее, гибче, возможно, создаются дополнительные узлы. Смотри.

Ло У взял маленькое зеркальце из полированной бронзы и поднёс его к лицу Сяо Ху.

— Взгляни на свои глаза. Они тоже меняют цвет.

В отражении Сяо Ху увидел, как его зрачки начали менять цвет — из обычного голубого в глубокий янтарный, с едва заметными золотыми искорками.

— Что со зрением? Надеюсь, ты не ослепнешь, — прокомментировал лекарь. — Но это цветочки. Самое интересное начнётся, когда мы доберёмся до точки «Небесного барьера» за ушами. Готовься, парень. Будет больно.

— Я готов, — выдохнул Сяо Ху, хотя в голосе предательски дрогнула нота.

Ло У кивнул и взял самую длинную иглу — почти с ладонь размером, тонкую, как волос.

Он одним точным движением вонзил её в точку за правым ухом Сяо Ху.

Мир взорвался.

Сяо Ху показалось, что его череп разжали тисками, а затем сжали обратно с утроенной силой. Тысячи разноцветных искр заплясали перед глазами. Он услышал — нет, почувствовал — как где-то глубоко внутри лопаются старые энергетические узлы, уступая место новым, сияющим чистым золотом.

Сквозь шум в ушах пробился голос Шу Мэй:

— Только попробуй сдаться, Сяо Ху. Я тебя сама вытащу с того света, и тогда ты пожалеешь, что не умер.

Угрозы хватило. Сяо Ху стиснул зубы до скрежета и остался в сознании.

Ещё час. Ещё два. Под утро, когда за окном забрезжил рассвет, Ло У вытер пот со лба и начал по одной извлекать иглы.

— Всё, — хрипло произнёс он. — Техника перековки завершена. Теперь дело за малым — привыкнуть к новому телу и научиться им пользоваться. Надеюсь, у вашего приёмного сына больше не будет идти носом кровь, и он перестанет падать в обморок от головных болей. Ло У был опытным лекарем, но так и не понял истинного значения проделанной им процедуры. Только подумал, что, достигнув девятой ступени, парень решил сплавить культивацию, чтоб

не терпеть головную боль. Далеко такой практик вряд ли продвинется. Ведь культивация — это путь боли длиною в вечность.

Шу Мэй молча кивнула лекарю, помогла сыну подняться и вывела его на воздух, подальше от духоты лечебницы. Остановилась у деревянного мостика через пересохший ручей. Сяо Ху всё ещё пошатывало, в глазах плавали золотые искры.

— Мэй, зачем ты настояла на этой технике? — спросил он, глядя куда-то в сторону. — Ты знала, что я буду против.

Шу Мэй помолчала. Достала из рукава потёртую трубку, раскурила. Выдохнула дым в рассветное небо.

— Месть — это надолго. Ты можешь быть самым сильным бойцом на арене, но если не умеешь прятаться, если не видишь угрозу за три вдоха — ты труп. — Она затянулась ещё раз. — А я не хочу и тебя хоронить, чтобы ты сложил голову в первой же серьёзной схватке.

Сяо Ху промолчал. Внутри боролись злость и понимание.

— Попробуй, — коротко бросила мать, кивнув на стену ближайшего сарая. — Взгляни. Он посмотрел. И замер.

Сквозь доски, сквозь щели, сквозь темноту он видел. За стеной стояла глиняная кружка с остатками чая, на полу валялась щепка, а в углу спал, свернувшись калачиком, тощий полосатый кот. Всё чётко, будто перед ним не стена, а прозрачный лёд.

— Я вижу, — выдохнул Сяо Ху.

Шу Мэй выпустила очередное кольцо дыма и криво усмехнулась.

— Учись пользоваться этим. А сейчас отдыхай. Завтра начнём практиковаться.

Сяо Ху хотел возразить, но тело вдруг стало ватным. Глаза сами собой закрылись, и он провалился в глубокий, целительный сон.

Ему снилось пепелище. Запах гари. И фигуры в чёрных балахонах, стоящие среди руин. Он проснулся с холодной, ледяной решимостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.